

Загадка

37

года

МАЙКЛ
СЕЙЕРС

АЛЬБЕРТ
КАН

ЗАГАДКА

ГОДА

МАЙКЛ СЕЙЕРС
АЛЬБЕРТ КАН

ТАЙНАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ
СОВЕТСКОЙ
РОССИИ

ТАЙНАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Загадка
37
года

|

МАЙКЛ СЕЙЕРС
АЛЬБЕРТ КАН

**ТАЙНАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ
СОВЕТСКОЙ
РОССИИ**

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С 28

Оформление серии *С. Курбатова*

Сейерс М., Кан А.
С 28 Тайная война против Советской России / Майкл Сейерс, Альберт Кан. — М.: Алгоритм, 2008. — 336 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-9265-0537-2

«Большой террор» 1937 года — любимая историческая тема российских псевдодемократов. Не в силах предоставить народу даже малой толики того, чем он обладал в советскую эпоху, они запугивают его страшилкой «37-го года», показывают эти события как ничем не оправданные и характерные для советского строя. Вывод, по мнению всех «борцов за свободу и права человека», очевиден: либо нынешняя политико-экономическая система, которую они почему-то называют «демократической», либо установление кровавого социалистического режима.

Между тем объективное историческое расследование дает совсем иную картину так называемых сталинских репрессий. Авторы данной книги, М. Сейерс и А. Кан, на основе изучения огромного количества документального материала пришли к выводам, что Сталин в своих действиях был совершенно прав и только благодаря ему России удалось выстоять в беспрецедентной по масштабам борьбе, которую вели с ней внешние и внутренние враги российской государственности.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9265-0537-2

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

ОТ АВТОРОВ

Ни один из эпизодов или разговоров, встречающихся в книге «Тайная война против Советской России», не является авторским вымыслом. Во время подготовительной работы над этой книгой мы пользовались официальными изданиями государственного департамента США; протоколами заседаний различных комиссий конгресса США; официальными документами, изданными английским правительством; опубликованными советским правительством стенографическими записями судебных процессов.

Мы использовали также опубликованные мемуары многих лиц, упоминаемых в этой книге. Все приведенные в книге разговоры взяты из мемуаров, из официальных отчетов или из других документальных источников.

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Глава I

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Миссия в Петроград

В середине лета знаменательного 1917 года, когда в России уже бурлил вулкан революции, некий американец, майор Рэймонд Робинс, прибыл в Петроград с весьма важным секретным заданием. Официально он был заместителем начальника американской миссии Красного Креста. Неофициально он состоял на службе в разведывательном отделе армии Соединенных Штатов. Его секретное задание состояло в том, чтобы препятствовать выходу России из войны с Германией.

На Восточном фронте положение было угрожающее. Немцы дробили на части русскую армию, плохо вооруженную и подчиненную бездарному командованию. Пал расшатанный войною и насквозь прогнивший царский режим. В марте Николай II был вынужден отречься от престола, и в России было создано Временное правительство. По всей стране пронесся революционный клич: «За мир, за хлеб, за землю!», в котором слились и новые наде-

жды, и давнишние чаяния миллионов измученных войной, обездоленных и голодных русских людей.

Союзники России — Англия, Франция и США — со страхом ждали неминуемого развала русской армии. С минуты на минуту у немцев могла освободиться на Восточном фронте миллионная армия для переброски на Запад, против усталых войск союзников. Не меньшую тревогу вызывала мысль, что украинская пшеница, кавказская нефть, донецкий уголь и прочие неисчислимые богатства русской земли попадут в прожорливую пасть Германии.

Союзники прилагали все усилия к тому, чтобы заставить Россию воевать хотя бы до тех пор, пока на Западный фронт придут американские подкрепления. Майор Робинс был одним из тех многих дипломатов, военных и агентов разведки, которых спешно посылали в Петроград, чтобы всеми силами попытаться сохранить Россию в числе воюющих стран.

Рэймонд Робинс, человек сорока трех лет, наделенный неиссякаемой энергией, редким красноречием и большим личным обаянием, жгучий брюнет с орлиным профилем, был видной фигурой в Соединенных Штатах. Он отказался от блестящей деловой карьеры в Чикаго, чтобы посвятить себя общественной и благотворительной деятельности. В политике он был горячим сторонником Теодора Рузвельта и играл ведущую роль в предвыборной кампании 1912 г., когда Рузвельт пытался попасть в Белый Дом без помощи крупного капитала и политических махинаций. Робинс был воинствующим либералом, неустанным борцом за всякое движение, направленное против реакции.

— Что? Рэймонд Робинс? Этот фантазер? Этот рузвельтист? К чему он в этой миссии? — воскликнул глава американского Красного Креста в России полковник Вильям Бойс Томпсон, узнав, что Робинс назначен его заместителем.

Полковник Томпсон был правоверным членом республиканской партии. Он был лично заинтересован в русских делах, в частности в русском марганце и меди. Но он также умел трезво оценивать факты. Про себя он уже решил, что консервативная позиция, занятая чиновниками государственного департамента США по отношению к бурным событиям в России, ничего хорошего не сулит.

Американским послом в России был в то время Дэвид Фрэнсис — пожилой, упрямый банкир из Сент-Луиса, любитель покера и в свое время губернатор штата Миссури. С гривой серебряных волос, в старомодном крахмальном воротничке и визитке он являл собою странную фигуру в обстановке потрясенного войной революционного Петрограда.

«Старику Фрэнсису, — как-то заметил один английский дипломат, — не отличить эсера от картошки».

Фрэнсис, правда, плохо разбирался в политической жизни России, но зато был непоколебим в своих убеждениях. Создавались они главным образом на основании сенсационных сплетен, ходивших среди царских генералов и миллионеров, которые осаждали американское посольство в Петрограде. Фрэнсис утверждал, что русские беспорядки — результат немецкого заговора, а все русские революционеры — иностранные агенты. И как бы там ни было, скоро все обойдется.

21 апреля 1917 г. Фрэнсис послал государственному секретарю США Лансину такую телеграмму: «Крайний социалист или анархист по фамилии Ленин произносит опасные речи и тем укрепляет правительство; ему умышленно дают волю; своевременно будет выслан».

Но после свержения царя русская революция отнюдь не затихла — она еще только начиналась. Русская армия разваливалась, и, казалось, никто в России не в состоянии был остановить этот процесс. Александр Керенский, чес-

толюбивый премьер Временного правительства, совершая поездку по фронту, обращался к войскам с красноречивыми заверениями, что не сегодня-завтра придет «победа, демократия и мир». Не убежденные его речами, голодные, озлобленные русские солдаты десятками тысяч уходили с фронта. В грязных, оборванных шинелях они бесконечным потоком двигались по стране, вдоль размокших от дождя полей, по размытым проселкам, в родные города и деревни¹.

В тылу возвратившиеся домой солдаты встречались с революционными рабочими и крестьянами. Крестьяне, солдаты и рабочие повсюду создавали свои революционные Комитеты или Советы и выбирали депутатов, которые должны были передать правительству их требования — мира, земли и хлеба!

К тому времени, когда майор Рэймонд Робинс попал в Петроград, голодные, ожесточенные народные массы разлились по стране бурным потоком. Солдатские делегации текли в столицу прямо на грязи окопов и требовали прекращения войны. Почти каждый день происходили хлебные беспорядки. Большевистская партия Ленина — организация русских коммунистов, которую Керенский объявил нелегальной и загнал в подполье, — быстро крепла и завоевывала популярность в народе.

¹ Три года русские солдаты храбро и искусно сражались против превосходящих сил врага. В первые месяцы войны, когда немецкое наступление было в разгаре, русские вторглись в Восточную Пруссию и оттянули с запада два германских армейских корпуса и кавалерийскую дивизию, что дало Жоффру возможность ликвидировать прорыв на Марне и спасти Париж. Русскую армию ослабляла неорганизованность и измена в тылу. Военный министр Сухомлинов был предателем и получал деньги от немцев. Двор кишел шпионами и германофилами, во главе которых стояла царица и ее советчик зловещий поп Распутин. Оружие и боеприпасы были на исходе. К 1917 г. потери русских войск превосходили английские, французские и итальянские вместе взятые — 2 762 064 убитыми, 4 950 000 ранеными и 2 500 000 пропавшими без вести. — *Примеч. авт.*

Рэймонд Робинс не согласился с тем мнением, какое создалось о России у Фрэнсиса и его друзей из придворных кругов. Не задерживаясь в петроградских гостиных, он, по его выражению, «выехал в действующую армию», чтобы своими глазами увидеть, что творится в России. Робинс страстно верил в то, что он называл «трезвым умом — столь обычным у удачливых американских дельцов, умом, который не полагается на болтовню, но обязательно ищет фактов». Он стал разъезжать по стране, посещая заводы, профсоюзные собрания, казармы и даже кишачие вшами окопы на германском фронте. Чтобы разобраться в том, что происходит в России, Робинс окунулся в массы русского народа.

В тот год вся Россия напоминала сплошной огромный митинг. Народ, веками вынуждаемый к молчанию, наконец, обрел дар речи. Митинги возникали повсюду. Все хотели говорить. Правительственные чиновники, агитаторы за дело союзников, большевики, анархисты, эсеры, меньшевики — все говорили наперебой. Самыми популярными ораторами были большевики. Солдаты, рабочие и крестьяне подхватывали и повторяли их слова.

— Объясни ты мне, за что я воюю, — требовал русский солдат на одном из таких бурных митингов, — за Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за грабителей-капиталистов? Если ты мне докажешь, что я защищаю революцию, я пойду воевать и без угрозы расстрела. Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы — рабочим, а власть — Советам, мы будем знать, за что воюем, и будем воевать!

Робинс чувствовал себя в родной стихии. Дома, в США, он часто выступал с трибуны, часто спорил с американскими марксистами. Почему бы не поспорить с русскими большевиками? Нередко он просил разрешения ответить оратору-большевику. В окопах и на многочисленных заводских собраниях этот плечистый, темногла-

зый американец вставал с места и говорил. Через своего переводчика Робинс рассказывал русским об американской демократии и об угрозе прусского милитаризма. Его выступления неизменно вызывали бурю аплодисментов.

В то же время Робинс не забывал своих обязанностей по Красному Кресту. Задачей его было добывать продовольствие для голодающих городов. На Волге Робинс обнаружил огромные запасы гниющего на складах зерна, которое нельзя было вывезти за неимением транспорта. При царском режиме бездарное руководство совсем развалило транспорт, а Керенский ничего не предпринял для его восстановления. Робинс пробовал собрать на Волге флотилию барж для перевозки зерна, но чиновники Керенского уверяли его, что это невыполнимо. Но вот к Робинсу явился один крестьянин, отрекомендовавшийся председателем местного Совета крестьян. Он сказал, что баржи будут. И на следующее утро хлеб двинулся вверх по реке к Москве и Петрограду.

Повсюду Робинс наблюдал тот же контраст между полной беспомощностью правительства Керенского и организованностью и решимостью революционных Советов. Раз председатель Совета что-нибудь обещал, можно было не сомневаться, что дело будет сделано...

Когда Робинс впервые попал в русскую деревню и пожелал увидеть кого-нибудь из местных властей, крестьяне в ответ только улыбнулись: «Вы бы лучше потолковали с председателем Совета».

— Что это за Совет? — спросил Робинс.

— Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— Но это какая-то революционная организация, — возразил Робинс, — а мне нужна гражданская организация — законные гражданские власти.

Крестьяне рассмеялись: «Ну, эти немногого стоят. Вы лучше поговорите с председателем Совета».

Вернувшись в Петроград, Робинс сделал предварительный доклад полковнику Томпсону. Он заявил, что Временное правительство Керенского — «власть на бумаге, навязанная сверху и опирающаяся на штыки в Москве, Петрограде и нескольких других пунктах». Подлинную власть в стране осуществляют Советы. Но Керенский стоит за продолжение войны с Германией, и поэтому он, Робинс, считает необходимым, чтобы Керенский оставался у власти. Если союзники не хотят, чтобы Россия пришла в состояние хаоса и попала под власть Германии, они должны всячески повлиять на Керенского и заставить его признать Советы и договориться с ними. Пока не поздно, следует подробно ознакомить с положением дел правительство США.

Робинс выдвинул смелый план: немедленно развернуть широкую пропаганду с целью убедить русский народ, что истинную угрозу для революции представляет Германия.

К его великому удивлению, полковник Томпсон безоговорочно одобрил и его доклад, и его предложение. Он сказал Робинсу, что сообщит в Вашингтон о задуманной кампании и будет просить санкции и средств для ее проведения. А пока пусть Робинс, не теряя времени, приступает к работе.

— Но где взять денег? — спросил Робинс.

— Я сам рискну миллионом, — ответил полковник Томпсон.

Робинс получил разрешение брать деньги со счета Томпсона в петроградском банке.

— Главное, — твердил Томпсон, — удержать русскую армию на фронте и не пустить Германию в Россию.

Однако полковник отлично понимал весь риск такого активного личного вмешательства в русские дела.

— Вы знаете, что это означает, Робинс? — спросил он.

— Думаю, полковник, что это единственный шанс спасти положение, — ответил Робинс.

— Нет, я не о том, а что это означает для вас?

— А именно?

— Это означает, что если мы провалимся, вас расстреляют.

Робинс пожал плечами.

— На Западном фронте каждый день гибнут люди и моложе, и лучше меня. — И, помолчав, прибавил: — Если меня расстреляют, то вас, полковник, повесят.

— Вероятно, вы правы, черт побери! — сказал полковник Томпсон¹.

Контрреволюция

С Балтики дул холодный осенний ветер, дождевые тучи низко нависли над городом; в Петрограде события стремительно неслись к своей исторической развязке.

Бледный, взволнованный, как всегда в доверху застегнутом коричневом френче, выпучив глаза и по-наполеоновски согнув в локте правую руку, Александр Керенский, премьер Временного правительства, шагал по своему кабинету в Зимнем дворце и кричал в лицо Рэймонду Робинсу:

— Чего они хотят от меня? Половину времени я должен проповедовать западно-европейский либерализм, чтобы угодить союзникам, а остальное время — российско-славянский социализм, чтобы сберечь голову на плечах!

¹ Диалог между майором Робинсом и полковником Томпсоном, как и все другие разговоры в этой книге, цитируется по документальным источникам. Основным материалом для рассказа о миссии Рэймонда Робинса послужили его собственные показания на допросе в комиссии Овермэна в 1919 г., цитируемые по III тому издания «Немецкая и большевистская пропаганда: отчеты и протоколы юридической подкомиссии сената США 65-го созыва» (Вашингтон, 1919) и по книге Вильяма Харда «Рэймонд Робинс о самом себе» (Нью-Йорк, 1920). — *Примеч. авт.*

У Керенского были причины волноваться. Те, на кого он опирался, — русские миллионеры и англо-французские союзники — уже сговаривались за его спиной о том, чтобы отстранить его от власти.

Русские миллионеры прямо угрожали, что откроют двери немцам, если Англия и Франция не предпримут мер для борьбы с революцией.

«Революция — это болезнь, — сказал американскому корреспонденту Джону Риду «русский Рокфеллер» Степан Георгиевич Лианозов. — Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий вмешался бы, чтобы вылечить больного ребенка и научить его ходить».

Другой русский миллионер, Рябушинский, заявил, что видит один выход из положения — «костлявая рука голода, народная нищета схватит за горло лжедрузей народа — демократические советы и комитеты».

Сэр Сэмюэль Хор, начальник британской дипломатической разведки в России, вернулся в Лондон после бесед с этими русскими миллионерами и доложил, что лучшее разрешение русской проблемы — военная диктатура. По словам Хора, самыми подходящими кандидатами на пост диктатора были адмирал Колчак (Хор назвал его «самым близким подобием английского джентльмена, какое он видел в России») и генерал Лавр Георгиевич Корнилов, маленький и крепкий, с черной бородкой, командующий казачьими частями русской армии.

Английское и французское правительства решили сделать ставку на Корнилова — пусть именно он будет тем сильным человеком, который не даст России выйти из войны, покончит с революцией и будет отстаивать англо-французские финансовые интересы в России.

Когда Робинс узнал об этом решении, ему сразу стало ясно, что союзники допустили серьезную ошибку. Они не понимают характера русского народа. Они играют на руку

большевикам, с самого начала предупреждавшим, что режим Керенского окажется ширмой, за которой будет тайно подготавливаться контрреволюция. Генерал-майор Альфред Нокс, английский военный атташе и начальник английской военной миссии в Петрограде, резко предложил Робинсу оставить свое мнение при себе.

Путч должен был состояться 8 сентября¹ 1917 г. Утром Корнилов в качестве главнокомандующего выпустил прокламацию, в которой призывал к свержению Временного правительства и к установлению «дисциплины и порядка». На улицах Москвы и Петрограда появились тысячи листовок, озаглавленных «Русский герой Корнилов». Много лет спустя Керенский рассказал в своей книге «Катастрофа», что «эти листовки были отпечатаны на средства английской военной миссии и доставлены в Москву из английского посольства в Петрограде в вагоне английского военного атташе генерала Нокса». Корнилов отдал приказ о наступлении двадцатитысячной армии на Петроград. В рядах ее были французские и английские офицеры в русских мундирах.

Керенский был потрясен этим предательством. В Лондоне и в Париже его по-прежнему величали «героем русских народных масс» и «великим демократом». А здесь, в России, представители союзников пытаются его свергнуть! Керенский беспомощно искал выхода и ничего не предпринимал.

Петроградский совет, в котором большинство составляли большевики, по собственной инициативе отдал приказ о немедленной мобилизации. К вооруженным рабочим присоединились революционные матросы-балтийцы и солдаты с фронта. На улицах спешно возводились баррикады и проволочные заграждения. Устанавливались орудия и пулеметы. Красногвардейцы-рабочие в кепках

¹ Все даты даются авторами по новому стилю. — *Примеч. ред.*

и кожаных куртках, вооруженные винтовками и ручными гранатами, — ходили дозором по грязным булыжным мостовым.

В четыре дня армия Корнилова развалилась. Сам Корнилов был арестован солдатским комитетом, тайно созданным в его войсках. Около сорока царских генералов, участвовавших в заговоре Корнилова, в первый же день были арестованы в гостинице «Астория», где они ожидали известий о победе Корнилова. Товарищ военного министра в правительстве Керенского Борис Савинков, скомпрометированный участием в заговоре, был смещен. Временное правительство теряло почву под ногами...

Путч привел как раз к тому, что он должен был предотвратить: к победе большевиков и демонстрации силы Советов.

Фактически власть в Петрограде принадлежала не Керенскому, а Советам.

Усиление Советов, по словам Рэймонда Робинса, решило исход дела. «Советы — вот сила, победившая Корнилова».

Со своей стороны посол Фрэнсис телеграфировал в государственный департамент: «Провал Корнилова можно объяснить плохой связью, дезинформацией, неправильными методами, неоперативностью. Хороший солдат, патриот, но не опытен. Правительство сильно напугано, и, возможно, урок пойдет ему на пользу».

Революция

События развивались стремительно. Ленин из подполья провозгласил новый лозунг: «Вся власть Советам! Долой Временное правительство!»

7 октября полковник Томпсон отправил в Вашингтон тревожную телеграмму: «Максималисты (больше-

вики) активно добиваются большинства на Всероссийском Съезде рабочих и крестьянских депутатов, назначенном на текущий месяц. В случае успеха будет образовано новое правительство, последствия могут быть пагубные — вплоть до сепаратного мира. Используем все ресурсы, но требуется немедленная поддержка, иначе будет поздно».

3 ноября в кабинете Томпсона состоялось тайное совещание военного руководства союзников в России. Как обуздать большевиков? Глава французской военной миссии генерал Ниссель обрушился на Временное правительство, упрекая его в беспомощности, а русских солдат обругал «собаками». Тут один из русских генералов встал и, весь красный от гнева, вышел из комнаты.

Генерал Нокс стал упрекать американцев за то, что они не поддерживали Корнилова.

— К чему мне Керенский и его правительство? — кричал Нокс Робинсу. — Бездарные, никчемные люди. Вы бы должны стоять за Корнилова!

— Но, генерал, — возразил Робинс, — вы-то стояли за Корнилова!

Английский генерал вспыхнул.

— Единственное, что сейчас возможно в России, — сказал он, — это военная диктатура. Этим людям нужен кнут!

— Генерал, — сказал Робинс, — как бы здесь не получилась диктатура совсем другого рода.

— Эти красные агитаторы?!

— Вот-вот.

— Робинс, — оказал генерал Нокс, — вы не военный. Вы ничего не смыслите в военных делах. Военные знают, как поступать с такими типами. Мы их ставим к стенке и расстреливаем.

— Да, если вам удастся их поймать, — сказал Робинс. — Я согласен, генерал, что ничего не смыслю в

военных делах, но в народе я кое-что смыслю; я работал с ним всю жизнь. Я поездил по России и думаю, что сейчас главная проблема для вас — народ.

7 ноября 1917 г., через четыре дня после этого совещания, власть в России перешла к большевикам.

Большевицкая революция, потрясая весь мир, совершалась необычно, вначале почти незаметно. Это была самая мирная революция в истории. По улицам столицы расхаживали небольшие отряды солдат и матросов. То тут, то там раздавались случайные выстрелы. Люди собирались кучками на холодных улицах, спорили, размахивали руками, читали свежие воззвания и прокламации. Как всегда, передавались разноречивые слухи. По Невскому дребезжали трамваи. Женщины ходили за покупками. Консервативные петроградские газеты вышли в этот день обычным порядком и даже не сообщили о том, что произошла революция.

Почти не встретив сопротивления, большевики заняли телефонную станцию, телеграф, государственный банк и министерства. Зимний дворец — место пребывания Временного правительства — был окружен.

Керенский в тот же день бежал из Петрограда в автомобиле американского посольства под американским флагом. Перед отъездом он наскоро сообщил послу Фрэнсису, что скоро вернется, приведет с фронта войска и «в пять дней все уладит».

В 6 часов вечера Фрэнсис телеграфировал государственному секретарю Ланстагу: «Большевики, по-видимому, завладели здесь всем. Не могу разыскать ни одного министра...»

Наступила холодная, дождливая ночь. По мокрым улицам разъезжали грузовики, останавливаясь у костров, где грелись часовые. Из грузовиков летели белые пачки прокламаций:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ РАБОЧИХ, СОЛДАТ И КРЕСТЬЯН!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском совете
рабочих и солдатских депутатов».*

Сотни красногвардейцев и солдат стянулись к ярко освещенному Зимнему дворцу — последней твердыне уже не существовавшего Временного правительства. Внезапно вся эта темная масса ринулась вперед, перекатилась через баррикады и хлынула в Зимний. Бывшие министры Керенского были арестованы в огромной, богато убранной комнате, где они весь этот день просидели, совещаясь, за длинным столом. Стол был завален смятыми листами бумаги — остатками недописанных прокламаций. Одна из них начиналась так: «Временное правительство обращается ко всем классам с предложением поддержать правительство...»

В 10.45 вечера 7 ноября открылся II Всероссийский Съезд Советов. Происходил он в актовом зале Смольного института, где раньше воспитывались дочери русских аристократов. В огромный прокуренный зал с мра-

морными колоннами, белыми люстрами и инкрустированным полом пришли выборные представители русских солдат и рабочих. Грязные, небритые, усталые депутаты — солдаты с запекшейся на шинелях грязью окопов, рабочие в кепках и смятых черных костюмах, матросы в тельняшках и бескозырках — жадно слушали членов Центрального Исполнительного Комитета, которые один за другим поднимались на трибуну.

Съезд длился два дня. К концу второго дня в зале послышался многоголосый шум — на трибуне появился невысокий коренастый человек в мешковатом костюме, с блестящей лысой головой. Он держал пачку бумаг в руке.

Шум не смолкал несколько минут. Наконец, слегка наклонившись вперед, оратор начал: Теперь мы приступаем к построению социалистического общества!

Это был Ленин.

На съезде было сформировано первое советское правительство — Совет Народных комиссаров, во главе которого стал Владимир Ильич Ленин.

Непризнание

На утро после образования советского правительства посол Фрэнсис послал письмо своему другу Мэдину Саммерсу, американскому генеральному консулу в Москве.

«Говорят, — писал Фрэнсис, — что Петроградский совет рабочих и солдат создал кабинет, в котором Ленин — премьер, Троцкий — министр иностранных дел, а мадам или мадемуазель Коллонтай — министр просвещения. Но я считал бы такой опыт желательным, ведь чем нелепее ситуация, тем быстрее можно ее изменить».

В Вашингтон Фрэнсис сообщил, что, по его мнению, советский режим не просуществует и месяца. Он убеждал государственный департамент не признавать русское

правительство, пока большевики не будут свергнуты и их не сменят «русские патриоты»...

В то же утро Рэймонд Робинс вошел в кабинет полковника Томпсона в петроградском штабе Красного Креста.

— Начальник, — сказал Робинс, — нам надо поторапливаться! Все эти разговоры, что Керенский где-то соберет армию, что с Дона идут казаки, а из Финляндии — белая гвардия, — все это вздор. Им не дойти сюда. Слишком много вооруженных крестьян преграждают им путь. Нет, эти заправилы из Смольного еще продержатся!

Робинс просил у своего начальника разрешения сейчас же отправиться в Смольный для беседы с Лениным.

— В общем, это хорошие, достойные люди, — сказал Робинс о большевиках. — Я и сам занимался политикой и имел дело с американскими политическими лидерами и уж не думаю, чтобы в Смольном нашлись люди, более продажные и скверные, чем некоторые наши политики!

Вместо ответа Томпсон показал Робинсу только что полученные из Вашингтона распоряжения. Его немедленно вызывали туда для личных разговоров.

Он согласился с мнением Робинса, что большевики представляют массы русского народа, и сказал, что по приезде в Америку попытается убедить в этом государственный департамент. А пока Робинс возводится в чин полковника и назначается начальником американской миссии Красного Креста в России. Полковник Томпсон пожал руку своему бывшему заместителю и пожелал ему удачи.

Робинс не стал терять времени. Он поехал в Смольный и был принят Лениным.

— Я стоял за Керенского, — откровенно признался Робинс, — но когда передо мною труп, я это понимаю, и я вижу, что Временное правительство умерло. Я хочу выяснить, может ли американский Красный Крест служить

русскому народу без ущерба для наших национальных интересов. Ваша программа внутренней политики мне не нравится, но внутренние дела России меня не касаются. Будь у власти Корнилов, или царь, или еще кто, я бы разговаривал с ними.

Энергичный, общительный американец приглянулся Ленину. Он попытался разъяснить Робинсу, что такое советская власть. Ленин коснулся в беседе экономических задач советской власти.

— Мы покажем миру республику трудящихся. Мы не посылаем в советы людей, которые владеют собственностью. Мы посылаем туда трудящихся. Донбасс будет представлен теми, кто добывает уголь; железные дороги — работниками транспорта; почтовое ведомство — работниками связи и т. д.

В беседе с Робинсом Ленин коснулся еще одного существенного пункта программы большевиков: разрешения «национального вопроса». Царизм безжалостно угнетал многочисленные национальности, населяющие Россию, и низводил их на положение подчиненных народностей. Все это нужно изменить, говорил Ленин. Нужно искоренить антисемитизм и другие подобные ему предрассудки, которые царизм использовал, чтобы натравливать одни группы населения на другие. Всем национальностям, всем национальным меньшинствам в России следует дать полную свободу и равные права.

Ленин сказал Робинсу, что заниматься этой сложной и чрезвычайно важной проблемой будет один из руководителей большевиков, специалист по национальному вопросу, Иосиф Сталин¹.

¹ В ноябре 1943 г. полковник Рэймонд Робинс писал авторам настоящей книги: «Впервые я услышал о Сталине, когда Ленин излагал мне свои планы создания Федеративной Социалистической Советской Республики... Он говорил, что они со Сталиным хотят объединить для общей работы все национальные группы населения Советской России, и добавил,

Робинс спросил Ленина, можно ли надеяться, что Россия будет продолжать войну с Германией.

Ленин ответил вполне откровенно. Россия уже вышла из войны. Она не может воевать с Германией, пока не будет создана новая армия. На это нужно время. Всю прогнившую систему русской промышленности и транспорта придется перестраивать сверху донизу.

Советскому правительству, сказал далее Ленин, нужно и признание и дружеское отношение Соединенных Штатов. Он не закрывал глаза на враждебность, которую его режим вызывал в официальных кругах США. Он предложил Робинсу минимальную практическую программу сотрудничества. В обмен на техническую помощь со стороны Америки советское правительство берется эвакуировать с Восточного фронта все военные материалы, которые в противном случае неизбежно попадут в руки немцев.

Робинс сообщил о предложении Ленина генералу Вильяму Джадсону, американскому военному атташе и главе американской военной миссии в России, и генерал Джадсон отправился в Смольный договариваться о подробностях соглашения. Он выдвинул еще одно условие: до окончания войны задержать репатриацию сотен тысяч германских военнопленных, находящихся в России. Ленин согласился.

что Сталин только что занял пост народного комиссара по делам национальностей... Пожалуй, величайшим историческим вкладом Сталина в дело объединения и усиления советского народа была его блестящая работа на посту народного комиссара по делам национальностей. Его политика способствовала искоренению расового, религиозного, национального и классового антагонизма и дала различным группам советских людей то единство и сплоченность, с каким они сражались и, не щадя своей жизни, защищали Ленинград, Сталинград и всю Русскую землю». В последней фразе полковник Робинс, разумеется, говорит об исторической роли, которую во вторую мировую войну сыграл советский народ, вынудивший к отступлению и разгромивший нацистских захватчиков. — *Примеч. авт.*

Генерал Джадсон немедленно заявил послу Фрэнсису, что интересы США требуют признания советского правительства.

— Советы — фактическое правительство страны, — сказал он, — и с ними необходимо установить отношения.

Но посол держался иной точки зрения и уже успел сообщить о ней в Вашингтон.

Через несколько дней Фрэнсис получил от государственного секретаря Лансинга телеграмму с указанием, что представителям Америки надлежит «воздержаться от всякого непосредственного общения с большевистским правительством». Следовало недвусмысленное добавление: «Доведите до сведения Джадсона».

Второй телеграммой, отправленной вскоре после первой, генерал Джадсон был отозван в США.

Робинс хотел подать в отставку из протеста против такой политики государственного департамента. К его удивлению, Фрэнсис просил его остаться на посту и поддерживать связь со Смольным.

— Мне кажется, что было бы неумно так резко оборвать с ними отношения, — сказал Фрэнсис. — К тому же, я хочу знать, что они делают, а от неприятностей я вас огражу.

Робинс не знал, что Фрэнсис стремится собрать как можно больше сведений о советском правительстве, которые были ему нужны для особых целей.

Тайная дипломатия

2 декабря 1917 г. Фрэнсис послал в Вашингтон первое секретное сообщение о деятельности атамана донских казаков генерала Алексея Каледина. Фрэнсис назвал его «командующим казачьими частями, насчитывающими 200 тыс. казаков». Генерал Каледин организовал на юге России белую контрреволюционную казачью армию,

провозгласил «независимость Донской области» и готовился идти на Москву, чтобы свергнуть советскую власть. Группы офицеров царской армии вели для Каледина шпионскую работу в Петрограде и в Москве и поддерживали связь с Фрэнсисом.

Через несколько дней американский генеральный консул в Москве Мэддин Саммерс по просьбе Фрэнсиса послал в государственный департамент более подробные сведения о численности войск Каледина. Саммерс, женатый на дочери богатого русского дворянина, был настроен к советскому режиму еще более враждебно, чем Фрэнсис. В его сообщении говорилось, что Каледин уже объединил под своим знаменем все «честные» и «лояльные» элементы южной России.

Государственный секретарь Лансинг в телеграмме американскому послу в Лондоне дал указание тайно предоставить Каледину заем, используя для посредничества английское либо французское правительство.

«Вы, конечно, понимаете, — добавлял Лансинг, — что следует действовать без промедления и внушить тем, с кем вы будете разговаривать, необходимость держать в тайне сочувствие, а тем более финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина».

Фрэнсису предлагалось также соблюдать величайшую осторожность в сношениях с петроградскими агентами Каледина, чтобы не возбудить подозрений у большевиков.

Однако советское правительство, отлично учтившее вероятность интервенции союзников, узнала про этот заговор. В середине декабря советская печать выступила с обвинением американского посла в тайных сношениях с Калединым. Фрэнсис заявил, что знать не знает казачьего атамана.

«Я даю для печати заявление, — телеграфировал он Лансингу 22 декабря, — категорически отрицаю связь

или осведомленность о движении Каледина, ссылаюсь на ваши определенные повторные указания не вмешиваться во внутренние дела, утверждаю, что следовал им в точности».

Советское правительство, изолированное враждебностью союзников и слишком слабое, чтобы один на один бороться с немецкой военной машиной, было вынуждено защищаться всеми возможными средствами. Ближайшую угрозу для него представляла Германия.

Чтобы спасти новую Россию и выиграть время для проведения самой необходимой реорганизации и для создания Красной Армии, Ленин предложил немедленно заключить мир на германском фронте.

— Мир придется все равно заключать, — сказал Ленин своим соратникам, подвергнув подробному обсуждению плачевное состояние русского транспорта, промышленности и армии. — Нам необходимо упрочиться, а для этого нужно время... Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим.

По настоянию Ленина советская делегация спешно выехала в Брест-Литовск, в ставку восточной группы германской армии, чтобы ознакомиться с германскими условиями мира.

23 декабря 1917 г., на следующий день после первого заседания предварительной мирной конференции в Брест-Литовске, представители Англии и Франции встретились в Париже и тайно сговорились расчленить Советскую Россию. Соглашение их называлось «L'accord Franco-Anglais du 23 decembre 1917, definissant les zones d'action francaises et anglaises»¹.

¹ «Англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г., определяющее французские и английские зоны действия» (фр.).

Условия его гласили, что Англия получает в России «зону влияния», дающую ей кавказскую нефть и контроль над Прибалтикой; Франция — тоже «зону», дающую ей железо и уголь Донбасса и контроль над Крымом.

Этот тайный англо-французский договор лег в основу политики, которую Франция и Англия проводили в отношении России в течение нескольких последующих лет.

Глава II

ЗА И ПРОТИВ

Английский агент

В морозную ночь 18 января 1918 г. красивый молодой шотландец в меховой шубе пробирался при свете фонарика по полуразрушенному мосту между Финляндией и Россией. Финляндия была охвачена гражданской войной; железнодорожное движение по мосту прекратилось. Красное финское правительство дало молодому шотландцу охрану, чтобы переправить его с вещами на советскую сторону, где стоял поезд, готовый отвезти его в Петроград. Этот ночной путник был Р. Х. Брюс Локкарт, специальный уполномоченный английского военного кабинета.

Брюс Локкарт окончил в Англии аристократическое закрытое учебное заведение и двадцати четырех лет начал дипломатическую карьеру. Он был умен и хорош собой и скоро создал себе имя одного из самых талантливых и многообещающих молодых сотрудников английского министерства иностранных дел. Тридцати лет он был назначен английским вице-консулом в Москву. Он хорошо говорил по-русски, разбирался и в русской

политике, и в русских интригах. В Лондон он был отозван ровно за шесть недель до Октябрьской революции.

Теперь его снова направляли в Россию по личной просьбе премьер-министра Ллойд Джорджа, на которого произвело сильное впечатление то, что рассказал ему о России возвратившийся на родину, в США, полковник Томпсон. Бывший начальник Робинса горячо осуждал нежелание союзников признать советское правительство. После беседы Томпсона с Ллойд Джорджем Локкарта решили послать в Россию для установления хотя бы каких-то фактических отношений, не обязывающих к признанию Советов.

Но красивый шотландец был также и агентом английской дипломатической разведки. Его неофициальное задание состояло в том, чтобы использовать в интересах Англии оппозицию, уже наметившуюся внутри советского правительства...

Антиленинскую оппозицию возглавлял честолюбивый народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий, мнивший себя будущим преемником Ленина. Четырнадцать лет Троцкий ожесточенно боролся против большевиков; потом, в августе 1917 г., за несколько месяцев до революции, он присоединился к партии Ленина, вместе с нею пришел к власти и теперь сколачивал внутри партии «левую оппозицию».

В начале 1918 г., когда Локкарт прибыл в Петроград, Троцкий находился в Брест-Литовске в качестве председателя советской делегации.

Направляя Троцкого в Брест-Литовск, Ленин дал ему прямую директиву — подписать мир. Вместо этого Троцкий стал обращаться к пролетариям европейских стран с зажигательными речами, призывая их к восстанию и свержению своих правительств. Советское правительство, заявлял он, ни в коем случае не заключит мира с буржу-

азными правительствами. Троцкий кричал: «Ни мира, ни войны!» Он заявил немцам, что русская армия больше не может воевать и демобилизация ее продолжается, но подписать мир отказался.

Ленин резко критиковал поведение Троцкого в Брест-Литовске, а его предложение — «прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии» — назвал безумием, если не хуже.

Много позже Локкарт рассказал в своих мемуарах «Английский агент», что английское министерство иностранных дел живо интересовалось этими «разногласиями между Лениным и Троцким, разногласиями, на которые наше правительство возлагало большие надежды»¹.

¹ В Бресте Троцкий хотя и признавал, что русская армия больше не может воевать, все же отказывался подписать мир с Германией на том основании, что подписание такого мира предало бы всемирную революцию. Поэтому он не выполнил указаний Ленина. Позднее Троцкий признавал, что поступил неправильно. После того как немцы вторглись в Советскую страну и угрожали Петрограду, Троцкий заявил: «Я считаю своим долгом сказать на этом авторитетном собрании, что в час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, допустимо ли подписать мир в Брест-Литовске, один товарищ Ленин, проявляя изумительную прозорливость, упорно, несмотря на наше сопротивление, утверждал, что это необходимо... И теперь мы должны признать, что были не правы». Поведение Троцкого в Бресте было не единственным проявлением оппозиции. Пока он агитировал в Бресте, его ближайший сподвижник Николай Крестинский публично нападал на Ленина и говорил о необходимости вести «революционную войну против германского империализма, русской буржуазии и части пролетариата, возглавляемой Лениным». Сообщник Троцкого по оппозиции Бухарин предложил резолюцию, принятую в Москве на совещании группы так называемых «левых коммунистов» и гласившую: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Позднее Бухарин признался, что во время брестского кризиса члены оппозиции тайно намеревались расколоть партию большевиков, свергнуть Ленина и создать новое русское правительство. — *Примеч. авт.*

В результате поведения Троцкого мирные переговоры в Брест-Литовске были сорваны. Германское верховное командование с самого начала неохотно шло на переговоры с большевиками. По словам Ленина, Троцкий сыграл на руку немцам и на деле помог германским империалистам. Во время одного из выступлений Троцкого в Бресте немецкий генерал Макс Гофман положил ноги на стол конференции и велел советским делегатам отправляться домой.

Троцкий вернулся в Петроград и в ответ на упреки Ленина воскликнул: «Немцы не посмеют наступать!» Через десять дней после прекращения мирных переговоров германское верховное командование предприняло большое наступление по всему Восточному фронту от Балтийского до Черного моря. На юге немецкие полчища хлынули на Украину. В центре наступление было направлено через Польшу на Москву. На севере пала Нарва и оказался под угрозой Петроград. На всем протяжении фронта остатки старой русской армии рассыпались и таяли.

Над новой Россией нависла смертельная опасность.

Вооруженные рабочие и красногвардейцы, спешно мобилизованные большевистским руководством, покидали города и шли на запад, чтобы остановить немецкое наступление. Первые соединения новой Красной Армии вступили в бой. 23 февраля немцев задержали у Пскова. На время Петроград был спасен.

В Брест-Литовск срочно выехала вторая советская делегация, на этот раз без Троцкого.

Теперь Германия поставила более тяжелые условия: она потребовала передачи под ее власть Украины, Финляндии, Польши, Кавказа и огромной контрибуции русским золотом, пшеницей, нефтью, углем и минеральными богатствами.

Когда были объявлены эти условия мира, по советской стране прокатилась волна возмущения. По словам Ленина, германское верховное командование надеялось с помощью этого разбойничьего мира расчленить Советскую республику и покончить с советской властью.

Брюс Локкарт держался того мнения, что в создавшейся обстановке единственной разумной линией поведения союзников будет поддержка России против Германии. Советское правительство не пыталось скрывать, что оно с большой неохотой идет на ратификацию Брестского договора. По словам Локкарта, большевиков, по существу, интересовало, что предпримут союзники. Признают ли они советское правительство, придут ли ему на помощь или допустят, чтобы Германия навязала России разбойничий мир?

Сперва Локкарт склонялся к мысли, что в интересах Англии было бы вступить в сделку с Троцким против Ленина. Троцкий пытался организовать внутри большевистской партии то, что Локкарт назвал «блоком священной войны», с целью получить поддержку союзников и отстранить Ленина от власти.

В своей книге «Английский агент» Локкарт рассказывает, что он установил с Троцким личную связь, как только тот вернулся из Брест-Литовска. Троцкий дал ему двухчасовую аудиенцию в своем кабинете в Смольном. В тот же вечер Локкарт записал в дневнике свое впечатление от Троцкого: «По-моему, это человек, который с радостью отдал бы жизнь в борьбе за Россию, если бы достаточно зрителей любовалось им в эту минуту».

Английский агент и советский комиссар скоро подружились. Локкарт запросто называл Троцкого «Лев Давыдович» и, как он признался впоследствии, «мечтал устроиться вместе с Троцким грандиозный путч». Но затем Локкарт волей-неволей пришел к заключению, что замечать Ленина Троцкий не в силах. В «Английском агенте»

он писал: «Троцкий был так же не способен равняться с Лениным, как блоха со слоном».

Если в России вообще возможно что-нибудь сделать, то только через Ленина. С этим выводом Локкарта, как выяснилось, был согласен и Робинс.

«Лично я, — говорил Робинс, — никогда не был уверен в Троцком, никогда не мог сказать, как он поступит, где окажется при тех или иных обстоятельствах, — он очень носился со своей личностью, и очень уж эта самая личность была самонадеянна».

Локкارت познакомился с Робинсом вскоре после приезда в Петроград. Смелый подход американца к русской проблеме произвел на него впечатление. Робинса раздражали доводы, приводившиеся союзниками против признания Советов. Он издевался над нелепой теорией агентов царизма, будто большевики хотят победы Германии. Он очень красноречиво описывал Локкарту ужасающие условия жизни в старой России и тот поразительный подъем, который страна переживала под руководством большевиков.

Чтобы дополнить картину, Робинс повез Локкарта в Смольный — посмотреть новую систему в действии. На обратном пути по засыпаемому мягким снежком городу Робинс с горечью заметил, что посольства союзников, пускаясь в тайные интриги против советского правительства, этим лишь поддерживают интересы Германии в России. Советская власть в стране останется, и чем скорее союзники это осознают, тем лучше.

Робинс предупредил Локкарта, что от других представителей союзников и от тайных агентов он услышит совсем иную версию и что эти лица будут подкреплять свои доводы всевозможными документами. «В России сейчас больше фальшивок, чем когда-либо и где-либо», — сказал Робинс. Имелись даже документы, доказывающие, что сам Робинс — большевик и что он в

то же время тайно добывается русских торговых концессий для Уолл-стрит.

Вскоре Локкарт и Робинс стали почти неразлучны. Каждое утро они вместе завтракали и обсуждали план действий на предстоящий день. Общей их целью было убедить свои правительства в необходимости признать Советскую Россию и тем предотвратить победу Германии на Восточном фронте¹.

«Час атаки»

К началу весны 1918 г. обстановка вокруг Советской республики сложилась следующим образом: Германия готовилась силой свергнуть советское правительство в случае, если бы русские отказались ратифицировать Брестский мир; Англия и Франция тайно оказывали поддержку силам контрреволюции, которые стягивались в

¹ Локкарт и Робинс нашли ценного союзника в лице французского офицера капитана Жака Садуля, в прошлом преуспевающего адвоката и члена палаты депутатов — социалиста. Капитан Садуль неофициально поддерживал связь между Францией и советским правительством. Он пришел точно к таким же выводам, как Робинс и Локкарт. Его откровенная критика позиции, занятой союзниками по отношению к России, вызвала лютую злобу французского посла Нуланса, который стал уверять направо и налево, что Садуль, Робинс и Локкарт «обольшевичились». Нуланс, заимствовавший свои политические взгляды у «двухсот семейств» и акционеров парижских банков, ненавидел советский режим. Он лишил Садуля права сноситься непосредственно с французским правительством и даже перехватывал его личные письма. В своей книге Локкарт вспоминает, что Нуланс, для того чтобы помешать Робинсу оказать влияние на американского посла Фрэнсиса, стал распускать про Робинса всевозможные слухи. По его указанию, один из его секретарей многозначительно спросил в присутствии Фрэнсиса: «Кто же американский посол в России — Фрэнсис или Робинс?» Эти маневры возымели действие. Фрэнсис перестал доверять Робинсу, опасаясь, что тот метит на его пост. Он даже подозревал, что Робинс осведомляет большевиков о его тайных сношениях с Калединым. — *Примеч. авт.*

Архангельске, в Мурманске и на Дону; японцы, с одобрения союзников, готовились к захвату Владивостока и вторжению в Сибирь...

В беседе с Локкартом Ленин сказал, что ввиду возможного нападения немцев на Петроград советское правительство переедет в Москву. Большевики твердо решили бороться, даже если бы им пришлось отступить до Волги и Урала. Но бороться они будут так, как сами считают нужным. Они не допустят, чтобы союзники сделали их своим орудием. Если бы союзники поняли это, сказал Ленин Локкарту, это явилось бы наилучшей основой для сотрудничества. Советская Россия крайне нуждается в помощи для сопротивления немцам.

— Но я твердо убежден, — прибавил Ленин с сарказмом, — что ваше правительство никогда не усвоит такого взгляда на вещи. Это реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с русскими реакционерами.

Краткое содержание этой беседы Локкарт сообщил телеграммой английскому министерству иностранных дел. Через несколько дней он получил из Лондона зашифрованную депешу. Он быстро расшифровал и прочел ее. В депеше излагалась точка зрения «военного эксперта», заявившего, что России требуется одно — «небольшая, но решительная группа английских офицеров», чтобы возглавить «лойяльных русских», которые быстро покончат с большевизмом. Американский посол Фрэнсис 23 февраля писал своему сыну: «Я думаю пробыть в России как можно дольше. Если будет заключен сепаратный мир, а вероятно, так оно и будет, мне не грозит опасность быть захваченным немцами. Однако такой сепаратный мир явится жестоким ударом для союзников, и если какая-нибудь часть России откажется признать право большевистского правительства заключить такой мир, я постараюсь перебраться туда и оказать поддержку восстанию».

Вскоре после отправки этого письма Фрэнсис переехал в Вологду, где уже находился французский посол Нуланс и ряд других союзнических дипломатов. Было ясно, что правительства союзников приняли решение ни в какой форме не сотрудничать с Советской республикой. Робинс имел беседу с Троцким, который, публично признав, что допустил «ошибку», когда не выполнил указаний Ленина в Брест-Литовске, старался теперь реабилитировать себя в глазах Ленина.

— Вы хотите помешать ратификации Брестского договора? — спросил Троцкий Робинса.

— Разумеется, — ответил Робинс. — Но за нее стоит Ленин, а ведь признайтесь, комиссар, что все решает Ленин.

— Вы ошибаетесь, — сказал Троцкий. — Ленин понимает, как серьезна угроза германского наступления. Если он сможет получить помощь от союзников, он откажется от Брестского мира, если нужно — отступит и от Петрограда и от Москвы к Екатеринбург, закрепится на Урале, а оттуда будет с помощью союзников воевать против немцев.

По настоятельной просьбе Робинса, Ленин согласился написать правительству Соединенных Штатов официальную ноту. Он мало надеялся на благоприятный ответ, но был готов попытаться.

Эта нота была вручена Робинсу для передачи правительству США. В ней говорилось:

«В случае, если (а) Всероссийский Съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или (б) если германское правительство нарушит мирный договор и возобновит свое разбойничье нападение, то:

1. Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании и Франции в своей борьбе против Германии?

2. Какого рода помощь может быть предоставлена в ближайшем будущем и на каких условиях — военное имущество, транспортные средства, предметы первой необходимости?

3. Какого рода помощь могли бы оказать, в частности, Соединенные Штаты?..»¹

Всероссийский Съезд Советов должен был собраться 12 марта для обсуждения вопроса о ратификации Брестского договора.

5 марта 1918 г. Локкарт отправил английскому министерству иностранных дел последнюю, умоляющую телеграмму о необходимости признать советское правительство.

«Еще ни разу с начала революции обстановка в России не была столь благоприятна для союзников, и этому способствовали те вопиющие условия мира, которые немцы навязали русским... Если правительство Его Величества не хочет немецкого господства в России, я просто умоляю вас не упускать этой возможности».

Ответа из Лондона не последовало, пришло только письмо от жены Локкарта, в котором она просила его быть осторожнее и предупреждала, что в министерстве иностранных дел распространяются слухи, будто он стал «красным»...

14 марта Всероссийский Съезд Советов открылся в Москве. Два дня и две ночи делегаты обсуждали вопрос о ратификации Брестского договора. Сторонники Троцкого не жалели сил, пытаясь нажать политический капитал на этом непопулярном договоре; но сам Троцкий, по словам Робинса, «дулся и не пожелал приехать из Петрограда».

¹ Текст ноты, впервые опубликованный в одном из отчетов конгресса США (от 27 июня 1919 г., стр.2336), цитируется в книге Гревса «Американская авантюра в Сибири (1918—1920)». — *Примеч. авт.*

На второй день Съезда, за час до полуночи, Ленин подозвал к себе Робинса, сидевшего на ступеньке около трибуны.

— Что вам ответило ваше правительство?

— Ничего!

— А Локкарту?

— Ничего!

Ленин пожал плечами.

— Сейчас я беру слово, — сказал он Робинсу. — Я буду выступать за ратификацию договора. Он будет ратифицирован.

Речь Ленина длилась час. Он не пытался скрыть, что Брестский мир — тяжелое испытание для России. Терпеливо и последовательно он доказывал, что советскому правительству, изолированному и со всех сторон окруженному опасностями, необходимо любой ценой добиться передышки.

Брестский договор был ратифицирован.

Резолюция съезда гласила:

«Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3 марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий Ц.И.К. и Совета народных комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получившего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование их».

Конец миссии

Посол Фрэнсис 2 мая телеграфировал в государственный департамент США: «Робинс, а вероятно и Локкарт, добиваются признания советского правительства,

но вы и все союзники неизменно противились признанию. Я также упорно высказывался против и не считаю, что это было ошибкой».

Через несколько недель Робинс получил телеграмму от государственного секретаря Лансинга: «При всех обстоятельствах считаю желательным ваше возвращение для личной беседы».

По дороге во Владивосток, где он должен был сесть на пароход, Робинс получил из государственного департамента три телеграммы. Все они содержали один и тот же приказ: воздержаться от каких бы то ни было публичных выступлений.

Возвратившись в Вашингтон, Робинс представил Лансингу доклад, в котором резко осуждал идею военной интервенции союзников в Советской России. К своему докладу Робинс приложил подробную программу развития русско-американских торговых отношений. Ленин передал эту программу Робинсу перед самым отъездом его из Москвы. Она предназначалась для президента Вильсона. Вильсон так и не увидел этой программы. Робинс сам пытался попасть к президенту, но безуспешно. Он повсюду наткнулся на рогатки. Он пробовал выступить в прессе. Газеты либо не принимали его материала, либо искажали его...

Робинс был вынужден предстать перед сенатской комиссией по расследованию «большевизма» и «немецкой пропаганды».

«Если я говорил правду, не лгал и не клеветал на людей, не называл их немецкими агентами, ворами, убийцами, злостными преступниками, это не значит, что я большевик! — заявил Робинс. — Но из всех представителей союзников в России никто не видел и не знает столько, сколько я, и я старался трезво смотреть на вещи. Я хочу говорить правду о людях и о политических движе-

ниях, без волнения и без злобы, даже если я с ними и не согласен... По мне пусть русские сами выбирают себе систему правления, независимо от того, совместима ли она с моими принципами... Нам прежде всего важно знать, что именно произошло в России, и мы и наша страна должны отнестись к ней честно и справедливо, без предвзятости и предубеждения... Попытаться победить идеи штыками — безнадежное дело... Единственный ответ на стремление к лучшей жизни — это лучшая жизнь».

Но честный голос Робинса потонул в нараставшем вихре клеветы и дезинформации.

Летом 1918 г., хотя Соединенные Штаты воевали не с Россией, а с Германией, «Нью-Йорк таймс» уже писала, что большевики — «наши злейшие враги».

Посол Фрэнсис пробыл в России до июля 1918 г. Время от времени он выступал с заявлениями и прокламациями, призывая русских к свержению советского правительства. Перед самым его отъездом в США Чичерин, новый комиссар иностранных дел, послал на его имя телеграмму — приветствие американскому народу. Впоследствии Фрэнсис рассказывал, как он поступил с посланием Чичерина. «Очевидно, эта телеграмма предназначалась для американских пацифистов, — вспоминал бывший посол в своей книге «Россия из окна американского посольства», — и я просто не передал ее, опасаясь, как бы государственный департамент ее не обнародовал».

Брюс Локкарт остался в России. «Мне следовало бы подать в отставку и вернуться домой», — говорил он впоследствии. Но вместо этого он продолжал работать агентом. В своих мемуарах он признается: «Не успел я опомниться, как оказался втянутым в движение, которое, какова бы ни была его первоначальная цель, теперь было направлено не против Германии, а против фактического правительства России».

Глава III

ОБЕР-ШПИОН

Появление господина Массино

Страшен был в 1918 г. революционный Петроград, осажденный внешними врагами и подрываемый изнутри контрреволюционными заговорами. Не хватало продовольствия, топлива, транспорта. Плохо одетые люди дрожали от холода в бесконечных хлебных очередях на пронизанных ветром неметеных улицах. По ночам в городе стреляли. Банды грабителей держали в страхе население¹. Отряды вооруженных рабочих обходили дома, искали у спекулянтов спрятанные запасы продовольствия, устраивали облавы на грабителей и бандитов.

Советское правительство еще не вполне овладело положением. Остатки старорежимной роскоши являли уродливый контраст с нищетою масс. Продолжали выходить антисоветские газеты, ежедневно предсказывавшие неминуемый конец советского строя. Еще были открыты дорогие рестораны и отели, где толпилась нарядная публика. Процветали ночные кабаре. Люди пили и танцевали, и за столиками ресторанов царские офицеры, балерины, крупные спекулянты и их любовницы шепотом передавали друг другу захватывающие новости: «Немцы идут на Москву! Троцкий арестовал Ленина!» Безумные наде-

¹ Рэймонд Робинс и Брюс Локкарт совместно установили с полной достоверностью, что во многих случаях главари этих банд, иногда называвшие себя анархистами, финансировались германской военной разведкой с целью провоцировать беспорядки, которые Германия могла бы использовать как предлог для интервенции в России. — *Примеч. авт.*

жды и вымыслы рождались под хлопанье пробок: водка лилась рекой. Множились интриги.

В ту весну в Петрограде появился некий господин Массино. Он называл себя «турецким коммерсантом». Это был бледный, длиннолицый, хмурый человек лет сорока с лишним, с высоким покатым лбом, беспокойным взглядом и чувственными губами. Держался он очень прямо, по-военному, отличался быстрой, почти бесшумной походкой. По всем признакам, он был богат; он нравился женщинам. В напряженной атмосфере советской столицы господин Массино с невозмутимым апломбом занимался своими делами.

По вечерам он часто заглядывал в ресторан Палкина — излюбленное убежище антисоветских элементов. Хозяин ресторана Сергей Палкин почтительно приветствовал его. В маленькой душной комнате позади зала господин Массино встречался с таинственными мужчинами и женщинами и тихо беседовал с ними. Одни говорили с ним по-русски, другие по-французски или по-английски. Господин Массино владел многими языками...

Молодое советское правительство прилагало все усилия, чтобы из хаоса создать порядок. Его огромные организационные задачи усложняла постоянная смертельная угроза контрреволюции. «Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции», — писал Ленин. По его указанию была создана особая организация по борьбе с вредительством и шпионажем, с внешними и внутренними врагами — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, сокращенно — ЧК.

Когда весной 1918 г. советское правительство, опасаясь немецкого наступления, переехало в Москву, господин Массино двинулся за ним следом. Но в Москве томный богатый восточный купец преобразился. Теперь он ходил в кепке и кожаной куртке. Он бывал в Кремле.

Когда у ворот его останавливала охрана, господин Масино предъявлял советский документ на имя Сиднея Георгиевича Релинского, агента уголовного отдела петроградской ЧК.

«Проходите, товарищ Релинский!» — говорил часовой.

В другом районе Москвы, в роскошно обставленной квартире известной балерины Дагмары К., господин Масино, он же товарищ Релинский из ЧК, фигурировал как мосье Константин, агент английской разведки.

Кто он был — о том знал сотрудник английского посольства Брюс Локкарт: «Сидней Рейли — таинственная фигура английской агентурной разведки, заслуживший репутацию лучшего в Англии шпиона».

Сидней Рейли

Среди авантюристов из политических подонков царской России, всплывших на поверхность во время первой мировой войны и примкнувших к «крестовому походу» против большевизма, не было фигуры более колоритной и своеобразной, чем капитан Сидней Джордж Рейли из английской разведки. «Человек наполеоновского склада!» — восклицает, вспоминая о нем, Брюс Локкарт, которого Рейли втянул в одну из самых рискованных и фантастических авантур в истории Европы.

Как и когда Рейли начал работать в английской разведке, остается одной из многих тайн этой таинственной и мощной организации шпионажа. Сидней Рейли родился в царской России. Его отец был ирландский капитан, мать — русская, и вырос он на Черном море, в Одессе. До первой мировой войны он служил в Петербурге, в крупном концерне по изготовлению военно-морского оружия Мандрочовича и графа Шуберского. Уже тогда работа его

носила весьма конфиденциальный характер. Через него поддерживалась связь названной русской фирмы с рядом промышленных и финансовых предприятий в Германии, в том числе со знаменитыми гамбургскими судостроительными заводами Блюма и Фосса. Перед самой войной в английское адмиралтейство в Лондоне стали регулярно поступать ценные сведения о германской программе строительства судов и подводных лодок. Поставлял эти сведения Сидней Рейли.

В 1914 г. Рейли очутился в Японии в качестве «доверенного представителя» Русско-азиатского банка. Из Японии он переправился в Соединенные Штаты, где беседовал с американскими банкирами и владельцами военных заводов. В досье английской агентурной разведки Рейли уже числился под условным именем «I Эсти» и зарекомендовал себя как весьма смелый и находчивый агент.

Рейли свободно владел семью языками, и вскоре его отозвали из Соединенных Штатов, чтобы послать с важным заданием в Европу. В 1916 г. он перешел швейцарскую границу и оказался в Германии. Под видом офицера немецкого военно-морского флота он проник в германское адмиралтейство. Он достал и переправил в Лондон официальный код германской военно-морской разведки. Это было едва ли не самым блестящим образцом разведывательной работы в первую мировую войну...

В начале 1918 г. капитана Рейли перевели в Россию начальником английской разведки в этой стране. Трудно было бы найти на этот пост более подходящего человека. Рейли имел в России множество знакомых и обширные деловые связи, он был своим человеком в русских контрреволюционных кругах. Для самого Рейли назначение в Россию было важно и по личным причинам: его снедала лютаая ненависть к большевикам и русской революции вообще. Он не скрывал своих контрреволюционных взглядов: «Немцы — это люди. Можно даже допус-

тить, чтобы они нас победили. А здесь, в Москве, растет и крепнет самый страшный враг рода человеческого. Если цивилизация не успеет задушить это чудовище, пока еще не поздно, то чудовище, в конце концов, одолеет цивилизацию».

В своих донесениях штабу английской разведки в Лондоне Рейли упорно советовал немедленно заключить с Германией мир и войти в союз с кайзером против большевистской угрозы.

«Любой ценой, — заявлял он, — нужно истребить эту заразу, которая завелась в России. Мир с Германией, да, мир с кем угодно! Есть только один враг. Все человечество должно объединиться в священный союз против этого чудовища!»

Сразу же по приезде в Россию Рейли окунулся в антисоветскую деятельность.

Он поставил себе целью свергнуть советское правительство¹.

Деньги и кровь

Численно самой сильной антибольшевистской политической партией в России в 1918 г. были эсеры, проповедовавшие разновидность аграрного социализма. Под руководством Бориса Савинкова, товарища министра в кабинете Керенского и участника неудавшегося корниловского мятежа, воинствующие эсеры стали главными

¹ В этой главе, как и в других разделах настоящей книги, занимательная история капитана Сиднея Рейли призвана символизировать деятельность западной антисоветской коалиции, которую в то время возглавляли английские консерваторы и французские реакционеры. Взгляды и поступки Рейли неотъемлемы от него, но совершенно ясно, что сам Рейли и в тот период и позже был не вдохновителем, а только самым решительным и дерзким орудием антисоветских заговоров, руководимых из-за рубежа. — *Примеч. авт.*

носителями антибольшевистских настроений. Своими экстремистскими методами и пропагандой они привлекли на свою сторону анархистские элементы, которых породил в России многовековой гнет царизма. Эсеры уже давно использовали террор в борьбе против царской власти. Теперь они готовились обратить это оружие против большевиков.

Эсеры получали денежную помощь от французской разведки. На средства, лично переданные ему французским послом Нулансом, Борис Савинков восстановил в Москве старый террористический центр эсеров, назвав его «Союз возрождения России». В его задачи входила подготовка убийства Ленина и других советских вождей. По совету Сиднея Рейли, английская разведка тоже стала снабжать Савинкова деньгами для обучения и вооружения его террористов.

Но Рейли, как ярый монархист, не доверял эсерам в вопросе образования нового русского правительства на смену советскому. На Савинкова Рейли вполне полагался, но левые эсеры представлялись ему опасными, как слишком радикальная группа. Было известно, что некоторые из них связаны с троцкистской оппозицией, Рейли был готов использовать этих людей в своих целях, но в то же время он был полон решимости уничтожить в России все радикальные течения. Первым необходимым этапом на пути к восстановлению монархии он считал военную диктатуру. Не переставая финансировать и поощрять террористов-эсеров и другие «левые» антисоветские элементы, он начал тщательно подбирать людей в свою собственную конспиративную группу. Позже он описал систему ее работы в своих мемуарах: «Было очень важно, чтобы моя русская организация знала не слишком много и чтобы ни одна часть ее не могла выдать другую. Поэтому я остановился на системе «пятерок», при которой каждому участнику известны только четыре лица.

Я сам, находясь на вершине пирамиды, знал их всех, вернее, не их самих, а их фамилии и адреса, и впоследствии эти сведения мне очень пригодились... Таким образом, в случае провала одной группы, организация в целом не могла быть обнаружена».

Организация Рейли, завязавшая сношения и с Союзом царских офицеров, и с остатками царской охраны, и с террористами Савинкова, и с другими контрреволюционными элементами, быстро разрасталась в Москве и в Петрограде. Рейли привлек в нее многих своих дореволюционных знакомых, которые оказались ему очень полезны. Среди них были: граф Шуберский — промышленник, в свое время использовавший Рейли для связи с германскими верфями; царский генерал Юденич; владелец одного из петроградских ресторанов Сергей Палкин; балерина Дагмара, квартира которой служила Рейли его московским штабом; Грамматиков — богатый адвокат, бывший секретный агент охраны, теперь служивший Рейли для связи с эсерами, и Вячеслав Орловский, тоже бывший агент охраны, сумевший пробраться на работу в петроградскую ЧК, от которого Рейли и получил подложное удостоверение на имя сотрудника ЧК Сиднея Георгиевича Релинского, позволявшее ему свободно разъезжать по Советской стране.

Эти и другие агенты, проникавшие даже в Кремль и в генеральный штаб Красной Армии, держали Рейли в курсе всех мероприятий советского правительства. Английский шпион хвалился, что запечатанные приказы по Красной Армии «известны в Лондоне раньше, чем их вскрывают в Москве».

В московской квартире балерины Дагмары хранились крупные суммы денег, нужные Рейли для его операций и иногда достигавшие нескольких миллионов рублей. Частью он черпал средства из ресурсов английского посольства. Брюс Локкарт собирал деньги и пересылал их

ему через капитана Хикса, агента английской разведки. Локкарт, которого Рейли втянул в эту работу, рассказал в своей книге, как собирались эти средства: «Множество русских имели скрытые запасы денег. Они с радостью отдавали их, так как в обмен получали векселя на лондонские банки. Чтобы не возбудить подозрений, мы действовали через одну английскую фирму в Москве. Там принимали русских, устанавливали курс и выдавали векселя. Для каждой сделки мы давали этой английской фирме официальную гарантию, что расчет по ней будет произведен в Лондоне. Деньги доставлялись в американское генеральное консульство и вручались Хиксу, а он передавал их по назначению.

Рейли ничего не упускал из вида, он даже наметил подробный состав правительства, которое должно было взять в свои руки власть немедленно по свержении Советов. Видное место в нем уделялось его личным друзьям.

Все было предусмотрено для образования временного правительства. Мой близкий друг и союзник Грамматиков должен был стать министром внутренних дел и руководить полицией и финансами. Шуберский, мой давний друг и деловой знакомый, глава одной из крупнейших в России торговых фирм, должен был стать министром путей сообщения. Юденич, Шуберский и Грамматиков — вот предполагавшийся состав временного правительства, которому предстояло подавить анархию, почти неизбежную после такого переворота.

Первые удары против Советов нанесли савинковские террористы.

20 июня 1918 г., после митинга у железнодорожников на товарной станции Николаевской ж. д. в Петрограде, был убит эсером-террористом Володарский, комиссар печати, пропаганды и агитации. 6 июля последовало убийство германского посла Мирбаха в Москве. Целью эсеров было посеять панику в рядах большевиков и одно-

временно спровоцировать немецкое наступление, которое, как они считали, решило бы судьбу большевизма»¹.

В день убийства германского посла в Большом театре в Москве заседал V Всероссийский Съезд Советов. Наблюдатели от союзников, сидя в золоченых ложах, слушали выступления делегатов съезда. Настроение было напряженное. Как только Брюс Локкарт, сидевший в ложе с группой других иностранных агентов и дипломатов, увидел входившего Сиднея Рейли, он понял, что произошло что-то важное. Английский шпион был бледен и взволнован. Шепотом, торопливо, он сообщил Локкарту о последних событиях.

Выстрел в Мирбаха должен был послужить сигналом к мятежу левых эсеров, поддержанному членами внутрипартийной оппозиции по всей стране. Вооруженные эсеры должны были ворваться в Большой театр и арестовать делегатов съезда. Но где-то что-то сорвалось. Театр окружен красноармейцами. На улицах стреляют, но ясно, что советское правительство — хозяин положения.

Не переставая говорить, Рейли шарил по карманам в поисках компрометирующих документов. Нашел, разорвал в клочки и проглотил. То же сделал один секретный агент, француз, сидевший рядом с Локкартом.

Через несколько часов на сцену поднялся один из ораторов и объявил, что антисоветский мятеж, имевший целью свергнуть советское правительство силой оружия, уже подавлен Красной Армией и ЧК. Население не оказало поддержки зачинщикам мятежа. Десятки эсе-

¹ Убийцей Мирбаха был эсер Блюмкин. Он проник в германское посольство под видом сотрудника ЧК, явившегося предупредить Мирбаха, что против него готовится заговор. Германский посол спросил Блюмкина, как заговорщики намерены действовать. «Вот так!» — воскликнул Блюмкин и, выхватив револьвер, застрелил посла. Потом он выскочил в окно и уехал в ожидавшем его автомобиле. Позже убийца Блюмкин состоял в личной охране Троцкого. — *Примеч. авт.*

ров-террористов, вооруженных бомбами, винтовками и пулеметами, обнаружены и арестованы. Многие из них убиты. Их главари либо пойманы, либо скрываются, либо бежали.

Представителям союзников было сказано, что они могут спокойно разъехаться по своим посольствам. На улицах — порядок.

Позже стало известно, что мятеж в Ярославле, назначенный на то же время, что и московский мятеж, также был ликвидирован Красной Армией. Глава эсеров Борис Савинков, лично руководивший ярославским мятежом, едва не был захвачен, но успел спастись.

Рейли был вне себя от огорчения и досады. Эти безмозглые эсеры, как всегда, поторопились. Однако, заявил он, их основная идея — выступить в момент, когда почти все советские вожди находятся в сборе на каком-нибудь съезде или конференции, — идея эта вполне приемлема. Наполеоновскому воображению Рейли весьма улыбалась перспектива одним махом захватить всех виднейших большевиков...

Теперь он всерьез приступил к подготовке.

Латышский заговор

В богатом событиями августе 1918 г. тайные планы союзников относительно интервенции в России перестали быть тайной. 2 августа английские войска высадились в Архангельске якобы с целью «предупредить захват немцами военных материалов». 4 августа англичане захватили Баку. Еще через несколько дней англичане и французы высадили войска во Владивостоке. 12 августа за ними последовала японская дивизия, а 15 и 16 августа — два американских полка, незадолго до этого отведенных с Филиппинских островов.

Обширные районы Сибири уже находились в руках антисоветских войск. На Украине кровопролитную антисоветскую войну вел царский генерал Краснов, поддерживаемый немцами. В Киеве немецкая марионетка гетман Скоропадский организовал массовые избиения евреев и коммунистов.

С севера и юга, с запада и востока враги новой России готовились двигаться на Москву.

Немногие представители союзников, еще оставшиеся в Москве, стали подумывать об отъезде. Советское правительство они не посвящали в свои намерения. Локкерт позднее писал: «Положение было необычайное. Никто не объявлял войны, а между тем бои шли на фронте протяжением от Двины до Кавказа». И дальше: «У меня было несколько споров с Рейли, который решил после нашего отъезда остаться в Москве».

15 августа, в день высадки американского десанта во Владивостоке, Брюс Локкерт принял важного для него посетителя. Эту сцену он впоследствии описал в своих мемуарах. Локкерт сидел за завтраком в своей квартире неподалеку от английского посольства, когда раздался звонок, и горничная доложила, что его желают видеть «два латышских господина». Один из них, пониже ростом, оказался бледным молодым человеком по фамилии Смидхен. Другой — высокий, богатырского сложения, с резкими чертами лица и холодными, как сталь, глазами, отрекомендовался как «полковник» Берзин, начальник охраны Кремля.

Посетители передали Локкέρту письмо от капитана Кроми, английского военно-морского атташе в Петрограде, принимавшего весьма активное участие в тайной антисоветской деятельности. «Я всегда опасался провокаторов, — пишет Локкерт, — поэтому я внимательно осмотрел письмо, но оно, несомненно, было от Кроми». Локкерт спросил своих гостей, что им угодно.

Берзин сообщил ему, что латыши, хотя и поддержали большевистскую революцию, не намерены драться против английских войск, только что высадившихся в Архангельске под командованием генерала Пуля, и готовы договориться с английским агентом.

Прежде чем дать им ответ, Локкарт переговорил с французским генеральным консулом Гренаром, который, по словам Локкарта, посоветовал ему вступить в переговоры с Берзиным, избегая, однако, всего, что могло бы «скомпрометировать нас самих». На следующий день Локкарт снова увиделся с Берзиным и вручил ему бумагу, гласившую: «Просьба пропустить заявителя сего, имеющего важные сведения для генерала Пуля, через английские позиции». Затем Локкарт свел Берзина с Сиднеем Рейли...

«Два дня спустя, — вспоминает Локкарт, — Рейли сообщил, что переговоры проходят гладко и что латыши не намерены идти ко дну вместе с большевиками. Он надеялся с помощью латышей организовать после нашего отъезда контрреволюционное восстание в Москве».

В конце августа 1918 г. небольшая группа представителей союзников собралась на тайное совещание в помещении американского генерального консульства в Москве. Место это было выбрано потому, что все другие иностранные представительства находились под строгим наблюдением советских властей. Несмотря на американские десанты на Дальнем Востоке, советское правительство еще сохраняло дружеское отношение к Соединенным Штатам. По Москве был расклеен текст «Четырнадцати пунктов» Вудро Вильсона. «Известия» писали в передовой, что только американцы прилично относятся к большевикам. Наследство Рэймонда Робинса еще не было до конца растрчено.

На сборище в американском генеральном консульстве председательствовал французский консул Гренар.

Англичан представляли Рейли и капитан Джордж Хилл, офицер английской разведки, имевший задание работать с Рейли. Присутствовало еще много дипломатов и агентов и среди них — французский журналист Ренэ Маршан, состоявший московским корреспондентом парижской «Фигаро». Сидней Рейли сам пишет в своих мемуарах, что он созвал это совещание, чтобы доложить о ходе своих антисоветских операций. Он сообщил собравшимся, что «купил полковника Берзина — начальника кремлевской охраны». Полковник назначил цену — два миллиона рублей. Рейли уплатил ему в виде аванса 500 тыс. рублей русскими деньгами, а остальные обязался уплатить в английских фунтах, после того как Берзин окажет ему некоторые услуги и проберется к англичанам в Архангельск.

«Сейчас наша организация необычайно сильна, — заявил Рейли. — Латыши за нас, и народ будет с нами, как только мы нанесем первый удар!»

Затем Рейли сообщил, что 28 августа в Большом театре должно состояться чрезвычайное заседание ЦК партии большевиков. Это значит, что в одном здании соберутся все руководящие деятели Советского государства. План Рейли был дерзок, но прост...

Во время заседания латышская охрана будет, как всегда, выставлена у всех входов и выходов. Полковник Берзин подберет людей, «безусловно надежных и преданных нашему делу». По сигналу Берзина, охрана закроет двери и возьмет на мушку сидящих в зале. А затем «особый отряд», состоящий из самого Рейли и его «доверенных лиц», вскочит на сцену и арестует Центральный Комитет партии большевиков.

Ленин и прочие советские вожди будут расстреляны.

Когда Ленин и его товарищи будут убраны с дороги, советский режим рассыплется, как картонный домик.

В Москве, продолжал Рейли, имеется «60 тыс. офицеров, готовых взяться за оружие по первому сигналу» и составить армию, которая нанесет удар в городе, в то время как войска союзников нанесут удар извне. Возглавит эту антисоветскую армию «видный генерал царской армии Юденич». Вторая армия под командованием «генерала» Савинкова будет сформирована на севере России, и «все, что останется к тому времени от большевиков, будет раздавлено между этими двумя жерновами».

Таков был проект Рейли. Его поддерживали и английская и французская разведки. Англичане держали тесную связь с Юденичем и готовились снабжать его оружием и боеприпасами. Французы помогали Савинкову.

Представителям союзников, собравшимся в американском генеральном консульстве, было предложено оказать заговору содействие путем шпионажа, агитации, организации взрывов важных железнодорожных мостов вокруг Москвы и Петрограда, чтобы отрезать советское правительство от всякой помощи, какую Красная Армия могла бы попытаться оказать ему из других районов страны.

День путча приближался. Рейли регулярно виделся с Берзиным и тщательно обсуждал последние подробности заговора, стараясь предусмотреть все случайности. Их приготовления подходили к концу, когда они узнали, что заседание ЦК переносится с 28 августа на 6 сентября. «Это ничего, — сказал Рейли Берзину. — У меня останется больше времени для последних распоряжений». Рейли решил съездить в Петроград, проверить, как там работает его аппарат.

Несколько дней спустя Рейли с поддельным паспортом на имя агента ЧК Сиднея Георгиевича Релинского выехал поездом из Москвы в Петроград.

Сидней Рейли уходит со сцены

В Петрограде Рейли первым делом явился с докладом к английскому морскому атташе капитану Кроми в английское посольство. Рейли кратко обрисовал положение в Москве и изложил план путча. «Москва у нас в руках», — сказал он. Кроми был в восторге. Рейли обещал ему написать подробный доклад для его секретного донесения в Лондон.

На следующее утро Рейли стал разыскивать главных работников своего петроградского аппарата. В полдень он позвонил по телефону бывшему агенту охраны Грамматикову. Голос Грамматикова звучал хрипло, непривычно.

— Кто говорит? — спросил он.

— Это я, Релинский, — сказал Рейли.

— Кто? — переспросил Грамматиков.

Рейли повторил свое вымышленное имя.

— У меня сидит человек, который принес дурные вести, — сказал Грамматиков резко. — Доктора поторопились с операцией. Состояние больного тяжелое. Если хотите меня видеть, приезжайте сейчас же.

Рейли поспешил приехать. Когда он вошел, Грамматиков лихорадочно выбрасывал бумаги из ящиков стола и жег их в камине.

— Дураки! Выступили раньше срока! — воскликнул он. — Убит Урицкий у себя в кабинете сегодня в 11 утра.

Он все рвал и жег свои бумаги.

— Мы страшно рискуем, оставаясь здесь. Я, конечно, уже на подозрении. Если что-нибудь узнают, первым делом влипнем мы с вами.

Рейли позвонил в английское посольство капитану Кроми. Тот уже знал о случившемся: председателя петроградской ЧК Урицкого убил эсер-террорист. У Кроми, впрочем, все было спокойно. Рейли осторожно предло-

жил ему встретиться «в обычном месте». Кроми понял. «Обычным местом» был ресторан Палкина.

Время до свидания Рейли использовал на то, чтобы уничтожить разного рода компрометирующие и ненужные бумаги и надежно спрятать свои шифры и другие документы.

Кроми в ресторан не явился. Рейли решил рискнуть и проехать в английское посольство. Уходя, он шепнул Палкину: «Возможно, что где-то произошла осечка. Будьте готовы уехать из Петрограда и бежать через границу в Финляндию»...

По Владимирскому проспекту бежали люди, ныряя в подъезды и переулки. Слышался рокот моторов. Промчался грузовик с красноармейцами, за ним еще и еще.

Рейли ускорил шаг. Почти бегом он свернул за угол, к английскому посольству и остановился, как вкопанный: перед посольством лежало несколько трупов в форме советской милиции. У подъезда стояли четыре машины, а на другой стороне улицы — двойной кордон красноармейцев. Дверь посольства была сорвана с петель.

— Что, товарищ Релинский, пришли полюбоваться?

Рейли вздрогнул, обернулся и увидел улыбающегося молодого красноармейца, которого несколько раз встречал, когда изображал «товарища Релинского» из ЧК.

— Что тут происходит, товарищ? — спросил он.

— Да ЧК ищет какого-то Сиднея Рейли, — ответил красноармеец...

Позже Рейли узнал обо всем, что случилось. После убийства Урицкого советские власти в Петрограде послали отряд чекистов оцепить английское посольство. На верхнем этаже сотрудники посольства под руководством капитана Кроми жгли компрометирующие их документы. Кроми бросился вниз и захлопнул дверь перед носом советских агентов. Те взломали дверь. Английский шпион встретил их на лестнице, держа в обеих

руках по браунингу. Ему удалось застрелить комиссара и еще несколько человек. Агенты ЧК тоже открыли огонь, и капитан Кроми упал с простреленной головой...

Эту ночь Рейли провел на квартире у эсера Сергея Доронского. Утром он послал Доронского на разведку. Тот вернулся и принес номер «Правды». «Теперь кровь польется потоками, — сказал он. — В Москве кто-то стрелял в Ленина». Он протянул газету Рейли. Крупными буквами чернел заголовок о покушении на Ленина.

Накануне вечером, когда Ленин выходил с завода Михельсона, где он выступал на собрании, эсерка Фаня Каплан два раза выстрелила в него в упор. Одна из пуль попала Ленину в легкие повыше сердца, другая — в шею, рядом с артерией. Ленин не был убит, но говорили, что жизнь его в опасности.

Револьвер, из которого Каплан стреляла в Ленина, дал ей сообщник Рейли Борис Савинков. Впоследствии он сам писал об этом в своих «Записках террориста».

Зажав под мышкой надетый через плечо маленький автоматический револьвер — на крайний случай! — Рейли сейчас же выехал поездом в Москву. Утром, на станции Клин, он купил газету. Вести были как нельзя хуже. Газета подробно описывала весь заговор Рейли, включая план убийства Ленина и других советских вождей, захвата Москвы и Петрограда и установления военной диктатуры Савинкова и Юденича.

Рейли читал, и смятение его росло. Ренэ Маршан, французский журналист, присутствовавший на собрании в американском генеральном консульстве, — вот кто сообщил большевикам обо всем, что он там услышал.

Но самое худшее было еще впереди.

Начальник кремлевской охраны полковник Берзин назвал на допросе капитана Сиднея Рейли, английского агента, который предлагал ему взятку в два миллиона рублей, если он вступит с ним в заговор с целью убий-

ства советских вождей. Советские газеты опубликовали и письмо, которое Локкарт дал Берзину для перехода к англичанам в Архангельске.

Локкарта ЧК арестовала в Москве. Многие другие официальные представители и тайные агенты союзников тоже были арестованы и содержались под стражей.

По всей Москве было расклеено описание примет Рейли. Сообщались все его клички — Массино, Константин, Релинский. Власти объявили его вне закона. Нужно было спасаться.

Несмотря на явную опасность, Рейли доехал до Москвы. Он разыскал балерину Дагмару у некой Веры Петровны, сообщницы стрелявшей в Ленина Фани Каплан.

Дагмара рассказала Рейли, что за несколько дней до этого к ней явились с обыском. Ей удалось скрыть часть денег Рейли — два миллиона рублей тысячерублевыми банкнотами. Ее не арестовали, почему — она сама не знала. Может быть, надеялись через нее напасть на след Рейли.

Но с двумя миллионами в кармане Рейли был неуловим. Фигурируя то как купец, то как офицер царской армии, то как советский служащий, то как рядовой партийный работник, он все время переезжал с места на место, ускользая от ЧК.

Однажды он встретил своего бывшего московского помощника, капитана английской разведки Джорджа Хилла, которому тоже пока удавалось избежать ареста. Они сверили списки имен и адресов. Выяснилось, что значительная часть антисоветского аппарата Рейли еще цела. Он почувствовал, что рано терять надежду.

Но капитан Хилл считал, что игра окончена. Он слышал, что советское и английское правительства договариваются об обмене пленными. Русские обещали освободить Локкарта и других в обмен на нескольких советских

представителей, в том числе М. М. Литвинова, задержанных властями в Англии.

— Я думаю явиться с повинной, — сказал Хилл. Рейли он советовал тоже так поступить. Но Рейли не желал признать себя побежденным.

— Я возвращусь и без разрешения краснокожих, — сказал он Хиллу и предложил ему держать пари, что через два месяца они встретятся в отеле «Савой» в Лондоне¹.

Рейли пробыл в России еще несколько недель, собирая шпионские сведения и давая указания и советы еще не сложившим оружия антисоветским элементам. Затем, несколько раз едва не попавшись, он с поддельным немецким паспортом пробрался в Норвегию, в Берген, а оттуда отплыл в Англию...

В Лондоне Рейли явился к начальству с докладом. Он был полон сожалений об упущенных возможностях. «Если бы Ренэ Мартам не оказался предателем... если бы Берзин не струсил... если бы экспедиционные силы

¹ По возвращении в Англию капитан Джордж Хилл в 1919 г. был командирован английской контрразведкой к белой армии генерала Деникина — служить офицером связи во время интервенции. Позже Хилл состоял агентом на службе у сэра Генри Детердинга, нефтяного магната, для которого уничтожение советской власти стало навязчивой идеей и который финансировал приход Гитлера к власти в Германии. Затем английское правительство несколько раз посылало Хилла в Восточную Европу с важными «дипломатическими» поручениями. В 1932 г. в Лондоне вышла книга Хилла, в которой он описывает некоторые свои приключения в бытность шпионом в Советской России. Называлась книга «Иди и шпионь!» (Приключения агента английской разведки I.K.8). Весной 1945 г. правительство Черчилля решило направить Джорджа Хилла, ставшего к тому времени бригадным генералом английской армии, чрезвычайным посланником в Польшу. Было объявлено, что бригадный генерал Хилл будет исполнять в Польше обязанности английского наблюдателя и информировать Лондон о сложной обстановке в этой стране. Однако польское Временное правительство не разрешило Хиллу въезд в Польшу. — *Примеч. авт.*

быстро продвинулись к Вологде... если бы я мог связаться с Савинковым...»

Но в одном Рейли не сомневался. Продолжение войны с Германией — ошибка. Следует немедленно прекратить военные действия на Западном фронте и создать коалицию против большевиков.

— Мир, мир, любой ценой, — восклицал капитан Сидней Джордж Рейли, — а потом единый фронт против истинных врагов человечества!

Глава IV

СИБИРСКАЯ АВАНТЮРА

*Aide memoire*¹

2 августа 1918 г., в день, когда английские войска высадились в Архангельске, генерал-майор армии Соединенных Штатов Вильям С. Гревс, командовавший 8-й дивизией в лагере Фремонт, Пало Альто, штат Калифорния, получил срочную шифрованную телеграмму из Вашингтона. Расшифровав первую фразу, он прочел: «Ни вашим офицерам, ни кому другому не сообщайте о содержании этой депеши».

Далее генералу Гревсу предлагалось «выехать из Сан-Франциско ближайшим и самым скорым поездом в Канзас-сити и там в Балтимор-отеле встретиться с военным министром».

Причины такого срочного вызова в Канзас-сити не указывались, и нельзя было понять, надолго ли Гревса отзывают с его поста.

¹ Памятная записка (фр.).

Но старый солдат не задает вопросов там, где они явно нежелательны. Генерал Гревс быстро уложил кое-что необходимое в небольшой чемодан, и через два часа экспресс уже уносил его из Сан-Франциско на восток.

В Канзас-сити его ждал на вокзале военный министр Ньютон Д. Бейкер. Он сказал, что очень спешит — через несколько минут отходит его поезд, — и торопливо объяснил генералу, зачем его вызвали на это загадочное свидание. Военный департамент назначает Гревса командующим американскими экспедиционными силами, которые немедленно отправляются в Сибирь.

Затем министр передал генералу Гревсу запечатанный конверт и сказал: «Здесь указано, какую политику Соединенных Штатов вы должны проводить в России. Будьте осторожны. Прощайте, и да благословит вас бог».

Вечером, оставшись один в номере отеля, генерал Гревс распечатал конверт. Там оказался меморандум на семи страницах под заголовком «Aide memoire». Меморандум был без подписи, но в конце его значилось: «Государственный департамент. Вашингтон. Июля 17, 1918 г.»

Начинался «Aide memoire» с ряда общих мест на тему о том, что «все чаяния американского народа устремлены к победе». Соединенным Штатам, говорилось далее, следует всеми возможными способами «беззаветно сотрудничать» с союзниками против Германии. А затем следовало главное: «После долгого и тщательного обсуждения общего положения в России правительство Соединенных Штатов пришло к твердому и ясному выводу, что военная интервенция не облегчит, а лишь усугубит сложную нынешнюю обстановку в России, не улучшит, а скорее ухудшит ее, и не будет содействовать осуществлению нашей главной цели — добиться победы над Германией. Поэтому правительство не может ни принять участия в такой интервенции, ни дать на нее принципиального согласия».

Это была ясно и четко изложенная позиция, которую генерал Гревс полностью одобрял. Так для чего же его посылают командовать американскими войсками на территории России? В недоумении он продолжал читать: «С точки зрения правительства Соединенных Штатов военные действия в России допустимы только с тем, чтобы помочь чехословакам собраться воедино и приступить к успешному сотрудничеству с их братьями-славянами...»

Чехословаки? В России?

«Я лег в постель, — писал генерал Гревс много лет спустя в своей книге «Американская авантюра в Сибири», — но не мог уснуть и все гадал, что предпринимают другие государства и почему мне хотя бы в общих чертах не сообщили о том, что делается в Сибири».

Знай генерал Гревс ответы на вопросы, которые не давали ему уснуть, эта летняя ночь в Канзас-сити прошла бы для него куда более тревожно.

Десанты во Владивостоке

При царском режиме необъятная и сказочно богатая Сибирь в большой мере оставалась неосвоенной. Обширные пространства этой огромной страны, протянувшейся от Урала до Тихого океана и от Афганистана до Арктики, вообще не были заселены. По этой пустыне проходила одноколейная Сибирская железная дорога — единственная линия связи между западом и востоком. Контроль над этой магистралью и узкой полосой земли по обе ее стороны означал контроль над азиатской Россией, то есть над целым континентом, чрезвычайно важным как по его богатствам, так и по стратегическому положению.

В середине лета 1918 г. Рэймонд Робинс, направляясь на восток по Сибирской дороге, видел на запасных

путях множество эшелонов с чехословацкими солдатами. Насильно загнанные в австро-венгерскую армию, чехи незадолго до революции стали в огромных количествах переходить к русским. Командование царской армии составило из них чешский корпус, который бок о бок с русскими сражался против австрийцев и немцев. После падения Керенского советское правительство разрешило отправить чешских солдат во Владивосток, где они должны были погрузиться на суда и, обогнув земной шар, влиться в войска союзников на Западном фронте. Более 50 тыс. их находилось в разных пунктах на всем протяжении железной дороги от Казани до Владивостока.

Чешские солдаты верили, что их везут в Европу сражаться за независимость Чехословакии, но их командиры — реакционно настроенные генералы Гайда и Сыровы — мечтали о другом. По сговору с некоторыми государственными деятелями союзных стран они готовились использовать чешских солдат для свержения советской власти.

Соглашение между союзниками и советским правительством предусматривало, что чехи во время следования по советской территории должны сдать оружие советским властям. Но 4 июня 1918 г. посол Дэвид Фрэнсис в частном письме известил своего сына, что попытается «не допустить разоружения чешских солдат», и далее писал: «Если не считать того, что государственный департамент выразил мне одобрение, я не имею от Вашингтона ни указаний, ни полномочий на то, чтобы советовать этим солдатам послушаться приказа советского правительства. Однако мне и раньше случалось рисковать».

По приказу генералов Гайда и Сыровы чехи отказались сдать оружие и снаряжение советским властям. Мятежи начались одновременно по всей линии Сибирской дороги. Хорошо обученные и оснащенные чешские

части захватили ряд городов, свергли местные советы и заменили их антисоветскими властями.

В первую неделю июля генерал Гайда с помощью русских контрреволюционеров осуществил переворот во Владивостоке. На улицах были расклеены прокламации, подписанные адмиралом американского флота Найтом, вице-адмиралом японского флота Като, полковником Понсом из французской миссии и комендантом захваченного города — капитаном чехословацкой армии Бадюрой. Население извещалось, что интервенция союзных держав предпринята «в духе дружественного сочувствия к русскому народу».

22 июля, через пять дней после того, как в государственном департаменте США был составлен «Aide memoire» о необходимости отправки американских войск в Сибирь для содействия эвакуации чешских войск, американский консул в Москве Де Витт Пуль¹ послал американскому консулу в Омске шифрованную телеграмму такого содержания: «Можете конфиденциально сообщить чехословацким начальникам, что впредь до новых распоряжений союзники рекомендуют им из политических соображений сохранять ныне занимаемые позиции. С другой стороны, не следует мешать им действовать в связи с военными требованиями обстановки. Желательно, чтобы они в первую очередь добились контроля над Сибирской дорогой, а кроме того, если эти две задачи совместимы, сохранили контроль над территорией, ныне им подчиненной. Доведите до сведения французских представителей, что французский генеральный консул присоединяется к вышеизложенным указаниям».

Союзные державы вторглись в Сибирь летом 1918 г. якобы для спасения чехов от ничем не спровоцирован-

¹ Позже Пуль был начальником русского отдела в государственном департаменте. — *Примеч. авт.*

ных нападений Красной Армии и вооруженных большевиками немецких военнопленных. С начала весны английские, французские и американские газеты пестрили сенсационными сообщениями на тему о том, что большевики вооружают «десятки тысяч немецких и австрийских военнопленных в Сибири» для борьбы с чехами. «Нью-Йорк таймс» писала, что в одном только Томске красные снабдили оружием и боеприпасами 60 тыс. немцев.

С разрешения советских властей в Сибирь для проверки правильности этих обвинений выехали капитан Хикс из английской службы разведки, капитан Уэбстер из американской миссии Красного Креста и майор Дрисдэйль — американский военный атташе в Пекине. После тщательного обследования лагерей, длившегося несколько недель, все трое пришли к одному выводу: вооруженных немецких и австрийских пленных в Сибири нет. Приведенные обвинения, как заявили все три офицера, — сплошной вымысел, имеющий целью вовлечь союзников в интервенцию против Советской России¹.

3 августа 1918 г. во Владивостоке высадились английские войска.

«Мы пришли, — возвестило английское правительство в своем обращении к русскому народу от 8 августа, — чтобы помочь вам спасти вашу страну от расчленения и разорения, которыми вам угрожает Германия... Мы торжественно заверяем вас, что не оставим себе ни пяди вашей территории. Судьба России в руках русского народа. Он, и только он, может выбрать себе форму правления и разрешить свои социальные проблемы».

16 августа высадились первые американские десанты.

¹ От английской и американской публики скрыли заключения капитана Хикса, капитана Уэбстера и майора Дрисдэйля. Хикс получил строгий приказ вернуться в Лондон, после чего был приставлен помощником к Сиднею Рейли. Доклады Уэбстера и Дрисдэйля государственный департамент США положил под сукно. — *Примеч. авт.*

«Военные действия в России, — заявлял Вашингтон, — допустимы сейчас лишь для того, чтобы оказать посильную защиту и помощь чехословакам против вооруженных австро-немецких военнопленных, которые нападают на них, а также, чтобы поддержать русских в их стремлении к самоуправлению и самозащите, если сами русские пожелают принять такую помощь».

В том же месяце высадили новые отряды японцы.

«Принимая это решение, — объявляло Токио, — японское правительство по-прежнему исполнено желания развивать прочные дружественные отношения и остается верным своей политике уважать территориальную целостность России и воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в ее внутренние дела».

Японское верховное командование заботливо снабдило японских солдат в Сибири русскими словариками, в которых против слова «большевик», объясненного как «барсук», значилось: «подлежит истреблению».

Террор на востоке

1 сентября 1918 г. генерал Гревс прибыл во Владивосток, чтобы взять на себя командование американскими экспедиционными силами в Сибири. «Я сошел с парохода, — писал он впоследствии в своей книге «Американская авантюра в Сибири», — не составив себе никакого мнения о том, что следует и чего не следует делать. Я не был настроен враждебно ни к одной русской группировке и надеялся, что смогу в полном согласии сотрудничать со всеми союзниками».

В обязанности генерала Гревса, изложенные в «Aide memoire», входило: охранять Сибирскую железную дорогу, помогать чехам эвакуироваться из Владивостока и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела России.

..... Не успел он развернуть свой штаб, как к нему явился начальник чехов генерал Гайда с тем, чтобы сразу же осведомить его относительно положения дел в России. На русских нельзя действовать добротой и убеждением, сказал Гайда, «они понимают только кнут и штык». Чтобы спасти страну от окончательного хаоса, необходимо искоренить большевизм и поставить у власти военного диктатора. Гайда сказал, что на примете уже есть весьма подходящий человек на этот пост: адмирал Александр Васильевич Колчак, бывший офицер царского флота, который прибыл из Японии, чтобы организовать антисоветскую армию, и уже собрал в Сибири довольно большое войско. А пока что генералу Гревсу надлежит помогать чехам и другим антисоветским элементам драться с большевиками.

Затем Гайда представил генералу Гревсу план немедленного похода к Волге и захвата Москвы с востока. Он не скрыл, что этот план уже одобрили его французские и английские советчики, а также представители государственного департамента США.

Генерал Гревс повторил приказ, полученный им от его правительства, и заявил, что намерен выполнить его. Пока он занимает свой пост, ни один американский солдат не будет использован в боях против большевиков или в какой-либо затее, связанной с вмешательством во внутренние дела России...

Разъяренный Гайда выбежал вон. Вскоре к генералу Гревсу явился новый важный посетитель — генерал Нокс, бывший патрон Корнилова, а теперь — командующий английскими войсками в Сибири.

— О вас ходит слава, что вы друг бедных, — предостерег он генерала Гревса. — Разве вы не знаете, что это не люди, а свиньи?

Генерал Гревс отличался тем, что Рэймонд Робинс называл «трезвым умом». Он привык обо всем составлять себе собственное мнение. Поэтому он решил добиться

верных сведений о положении в Сибири. Его офицеры службы разведки выехали в ряд районов, и скоро к нему стали поступать подробные донесения. Изучив их, Гревс пришел к следующему выводу: «Слово «большевик», как его понимали в Сибири, относилось к большей части русского народа, а следовательно, использовать против большевиков войска или вооружать, снаряжать, кормить, одевать или снабжать деньгами белогвардейцев, чтобы те с ними воевали, — политика, абсолютно не совместимая с невмешательством во внутренние дела России»...

К осени 1918 г. количество английских войск в Сибири достигло 7 тыс. Еще 7 тыс. английских и французских офицеров, техников и солдат состояло при Колчаке для помощи в обучении и снаряжении белогвардейской армии. Англичанам и французам помогали 1500 итальянцев. Под командованием генерала Гревса было около 8 тыс. американских солдат. Но больше всего войск имели в Сибири японцы, помышлявшие о полном ее захвате: число их солдат превышало 70 тыс.

В ноябре Колчак с благословения англичан и французов объявил себя диктатором Сибири. Адмирал — раздражительный человек, о котором один из его коллег писал: «больной ребенок... безусловно, неврастеник... вечно под чужим влиянием», — обосновался в Омске и стал именовать себя «верховным правителем России». Бывший царский министр Сазонов, называвший Колчака «русским Вашингтоном», незамедлительно стал его официальным представителем во Франции. В Лондоне и в Париже ему расточали похвалы. Сэр Самюэль Хор снова объявил во всеуслышание, что Колчак — «джентльмен». Уинстон Черчилль утверждал, что Колчак «честен», «неподкупен», «умен» и «патриот». «Нью-Йорк таймс» видела в нем «сильного и честного человека», опирающегося на «прочное и более или менее представительное правительство».

Союзники, а в особенности англичане, щедро снабжали Колчака боеприпасами, оружием и деньгами. «Мы отправили в Сибирь, — гордо сообщал генерал Нокс, — сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни тысяч комплектов обмундирования и пулеметных лент и т. д. Каждая пуля, выпущенная русскими солдатами в большевиков в течение этого года, была изготовлена в Англии, английскими рабочими, из английского сырья и доставлена во Владивосток в английских трюмах».

В России в то время распевали песенку:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель Омский!

Генерал Гревс не разделял восторга союзников в отношении адмирала Колчака. Каждый день офицеры его разведки снабжали его новыми сведениями о царстве террора, которое учредил Колчак. В армии адмирала было 100 тыс. солдат, и новые тысячи людей вербовались в нее под угрозой расстрела. Тюрьмы и концентрационные лагеря были набиты до отказа. Сотни русских, осмелившихся не подчиниться новому диктатору, висели на деревьях и телеграфных столбах вдоль Сибирской железной дороги. Многие покоились в общих могилах, которые им приказывали копать перед тем, как колчаковские палачи уничтожали их пулеметным огнем. Убийства и грабежи стали повседневым явлением. Один из помощников Колчака, бывший царский офицер по фамилии Розанов, издал такой приказ:

«1. Занимая деревни, ранее занятые бандитами (советскими партизанами), требовать выдачи вожаков движения, а там, где вожаков не удастся найти, но имеется дос-

таточно данных, свидетельствующих об их присутствии, расстреливать каждого десятого жителя.

2. Если при прохождении войск через город население не сообщит войскам о присутствии противника, взимать денежную контрибуцию без всякой пощады.

3. Деревни, население которых оказывает нашим войскам вооруженное сопротивление, сжигать, а всех взрослых мужчин расстреливать; имущество, дома, телеги и проч. конфисковать для нужд армии».

Рассказывая генералу Гревсу об офицере, издавшем этот приказ, генерал Нокс сказал: «Молодец этот Розанов, ей-богу!»

Наряду с войсками Колчака страну разоряли шайки бандитов, получавших финансовую поддержку от Японии. Главными их вожаками были атаман Григорий Семенов и Калмыков.

Полковник Морроу, командовавший американскими войсками в Забайкальском секторе, сообщил, что в одной деревне, занятой семеновцами, были злодейски убиты все мужчины, женщины и дети. Одних перестреляли, «как зайцев», когда они пытались бежать из своих домов. Других сожгли заживо.

«Солдаты Семенова и Калмыкова, — рассказывает генерал Гревс, — пользуясь покровительством японских войск, рыскали по стране, как дикие звери, грабя и убивая мирных жителей... Всякому, кто задавал вопросы об этих зверских убийствах, отвечали, что убитые были большевики, и, по-видимому, такое объяснение всех удовлетворяло».

Генерал Гревс не скрывал отвращения, которое вызывали у него злодеяния антисоветских войск в Сибири, чем заслужил враждебное отношение со стороны белогвардейского, английского, французского и японского командования.

Американский посол в Японии Моррис во время своего пребывания в Сибири сообщил генералу Гревсу, что получил из государственного департамента телеграмму о необходимости оказания поддержки Колчаку в связи с американской политикой в Сибири. «Вот видите, генерал, — сказал Моррис, — придется вам поддерживать Колчака».

Гревс ответил, что военный департамент не дал ему никаких указаний насчет поддержки Колчака.

— Этим ведает не военный, а государственный департамент, — сказал Моррис.

— Мною государственный департамент не ведает, — отвечал Гревс.

Агенты Колчака начали против Гревса травлю, чтобы подорвать его престиж и добиться его отозвания из Сибири. Стали распространяться слухи и выдумки, будто Гревс «обольшевичился», а его войска помогают «коммунистам».

В самый разгар клеветнической кампании в штаб генерала Гревса явился посланный от генерала Иванова-Рынова, командовавшего колчаковскими частями в Восточной Сибири. Он сообщил Гревсу, что если тот обязуется ежемесячно давать армии Колчака 20 тыс. долларов, генерал Иванов-Рынов позаботится о том, чтобы агитация против Гревса и его войск прекратилась.

Этот Иванов-Рынов даже среди генералов Колчака выделялся как изверг и садист. В Восточной Сибири его солдаты истребляли все мужское население в деревнях, где, по их подозрениям, укрывали «большевиков». Женщин насиловали и избивали шомполами. Убивали без разбора — стариков, женщин, детей.

Один молодой американский офицер, посланный расследовать зверства Иванова-Рынова, был так потрясен, что, закончив свой доклад Гревсу, воскликнул: «Ради бога, генерал, не посылайте меня больше с такими пору-

чениями! Еще бы немножко — и я сорвал бы с себя мундир и стал бы спасать этих несчастных».

Когда Иванов-Рынов оказался перед угрозой народного возмущения, английский уполномоченный сэр Чарльз Эллиот поспешил к Гревсу выразить ему свое беспокойство за судьбу колчаковского генерала.

— По мне, — свирепо ответил ему генерал Гревс, — пусть приведут этого Иванова-Рынова сюда и повесят вон на том телефонном столбе перед моим штабом — ни один американец пальцем не шевельнет, чтобы его спасти!

Гражданская война и интервенция все жарче разгоралась в Сибири и по всей России, а тем временем поразительные события произошли в Европе. 4 ноября 1918 г. в Киле немецкие матросы возмутились, перебили своих офицеров и подняли красный флаг. В Германии начались массовые демонстрации с требованием мира. На Западном фронте союзнические и немецкие солдаты выходили из окопов и братались. Германское верховное командование запросило мира. Кайзер Вильгельм II бежал в Голландию и на границе сдал свою шпагу удивленному голландскому пограничнику. 11 ноября было подписано перемирие...

Первая мировая война окончилась.

Глава V

МИР И ВОЙНА

Мир на Западе

Конец Первой мировой войны наступил неожиданно. По выражению капитана немецкой армии Эрнста Рема, «разразился мир». В Берлине, Гамбурге и по всей Баварии возникли Советы. В Париже, Лондоне и Риме

рабочие хлынули на улицы с требованием мира и демократии. Вспыхнула революция в Венгрии. На Балканах назревали крестьянские восстания. После четырех лет жестокой войны у всех на устах был страстный вопль: «No more war! Nie wieder Krieg! Jamais plus de guerre! Долой войну!»

«Вся Европа объята революционным духом, — сообщил Ллойд Джордж Парижской мирной конференции в своем конфиденциальном мартовском меморандуме 1919 г. — Среди рабочих наблюдается не только недовольство, но злоба и возмущение довоенными условиями. Массы населения во всех концах Европы берут под сомнение существующий строй — его политическую, социальную и экономическую основу».

Два имени воплощали в себе чаяния масс и опасения меньшинства: Ленин и Вильсон. На востоке ленинская революция смела царизм и открыла новую эру для угнетенных бесправных масс старой Российской империи. На западе сухо сформулированные «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона всколыхнули новые демократические надежды.

Когда президент Соединенных Штатов в декабре 1918 г. вступил на залитую кровью землю Европы, ликующие толпы целовали ему руки и бросали к его ногам цветы. Жители Старого Света называли президента Нового Света «королем человечества», «спасителем», «князем мира». В высоком, худощавом профессоре Принстонского университета они видели Мессию, явившегося возвестить им начало нового, лучшего века.

Десять миллионов людей пало в бою; двадцать миллионов стали инвалидами; среди гражданского населения тринадцать миллионов умерло от голода и эпидемий; миллионы разоренных, бездомных людей бродили среди дымящихся развалин Европы. Но вот, наконец, война окончилась, и мир прислушивался к словам о мире.

«В моем понимании Лига наций должна действовать как организованная моральная сила народов всего мира»¹, — сказал Вудро Вильсон.

В начале января 1919 г. «большая четверка» — Вудро Вильсон, Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Клемансо и Витторио Орландо — собралась в Париже, в конференц-зале на Кэ д'Орсэ, для переговоров о мире во всем мире.

Но одна шестая земного шара не была представлена на мирной конференции.

Пока миротворцы совещались, десятки тысяч союзнических солдат вели необъявленную кровопролитную войну против Советской России. Бок о бок с контрреволюционными белыми армиями Колчака и Деникина войска союзников сражались с молодой Красной Армией на необъятном поле битвы, простиравшемся от Арктики до Черного моря и от украинских плодородных равнин до гор и степей Сибири.

По всей Европе и Америке весной 1919 г. распространялась яростная, чудовищная антисоветская пропаганда. Лондонская «Дейли телеграф» писала, что в Одессе наступило «царство террора» и к тому же объявлена «неделя свободной любви». «Нью-Йорк сан» изощрялась в заголовках, вроде: «Красные изувечили американских раненых топорами». «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Россия при красных — гигантский бедлам... Спасшиеся жертвы рассказывают, что буйные помешанные свободно разгуливают по улицам Москвы... вырывают падаль у собак...» Пресса всего мира, как союзническая, так и германская, печатала «подлинные документы», из коих явствовало,

¹ В своей речи на открытии Парижской мирной конференции Вудро Вильсон сказал также следующее: «Есть голос, призывающий к такому уяснению принципов и целей, голос, думается мне, более волнующий и требовательный, чем многие другие тревожные голоса, хором которых полнится взбудораженный воздух всего мира. Это — голос русского народа». — *Примеч. авт.*

что в России «молодых женщин и девушек из буржуазных семей насильно стоняют в казармы... на потребу артиллерийских полков!»

Правдивые сообщения о положении в России, — независимо от того, исходили ли они от журналистов, агентов разведки, дипломатов или даже генералов, как, например, Джадсон и Гревс, — замалчивались или игнорировались. Всякого, кто осмеливался поднять голос против антисоветской кампании, автоматически клеймили словом «большевик».

Не прошло и двух месяцев после перемирия, а вожди союзников, казалось, уже забыли о том, ради чего велась грандиозная четырехлетняя война. Все другие соображения отошли на задний план перед «угрозой большевизма». Она определила собою весь ход Парижской конференции.

Главнокомандующий союзных армий маршал Фош выступил на секретном заседании мирной конференции с требованием скорейшего заключения мира с Германией, который дал бы союзникам возможность бросить все свои объединенные силы против Советской России. Французский маршал защищал интересы заклятого врага Франции — Германии.

— Всем известно, в каком трудном положении находится германское правительство, — сказал Фош. — В Маннгейме, Карлсруэ, Бадене и Дюссельдорфе советское движение быстро развивается. Поэтому в настоящий момент Германия примет любые условия, какие ей предъявят союзники. Германское правительство просит одного — мира. Это единственное, что удовлетворит народ и даст правительству возможность овладеть положением.

Для подавления революции в Германии германскому верховному командованию было разрешено сохранить стотысячную армию и так называемый «черный рейхс-

вер», в который входили самые образованные и лучше всего обученные немецкие военные. Кроме того, германское верховное командование получило возможность субсидировать подпольные националистические лиги и террористические общества, предназначенные убивать, пытать и запугивать «мятежных» немецких демократов. Все это делалось для «спасения Германии от большевизма»¹.

Генерал Макс Гофман — бывший командующий германскими войсками на Восточном фронте и «герой» Брест-Литовска — предложил своему недавнему врагу маршалу Фошу план похода немецкой армии на Москву для уничтожения большевизма «в самом его источнике». Фош одобрил этот план, но с оговоркой, что возглавить поход

¹ Причиной, заставившей союзников отказаться от мысли в 1918 г. дойти до Берлина и раз навсегда разоружить германский милитаризм, был их страх перед большевизмом, на котором искусно сыграли немецкие политические деятели. Союзный главнокомандующий маршал Фош признается в своих послевоенных мемуарах, что с самого начала мирных переговоров немецкие делегаты то и дело напоминали об «угрозе большевистского вторжения в Германию», чтобы добиться для Германии благоприятных условий мира. Генерал Вильсон, начальник английского генерального штаба, записал в своем «Военном дневнике» 9 ноября 1918 г., за два дня до подписания перемирия: «Заседание кабинета от 6.30 до 8 вечера. Ллойд Джордж прочел две телеграммы от Тигра (Клемансо), в которых описаны беседы Фоша с немцами: Тигр опасается краха Германии и захвата власти большевиками. Ллойд Джордж спросил меня, что мне больше улыбается — такая перспектива или перемирие. Не задумываясь ни минуты, я ответил: «перемирие». Весь кабинет согласился со мною. Настоящую опасность для нас представляют теперь не немцы, а коммунизм». В минуту прозрения сам Клемансо предостерег мирную конференцию, что «антибольшевизм — орудие, которое германский генеральный штаб пускает в ход, чтобы сбить с толку союзников и спасти немецкий милитаризм». «Немцы пользуются большевизмом, — сказал Клемансо в 1919 г., — как жупелом для устрашения союзников». Однако под влиянием Фоша, Петэна, Вейгана и других Тигр забыл о собственном предостережении и поддался антибольшевистской истерии, которая вскоре парализовала у «миротворцев» всякую способность ясно мыслить и действовать в духе демократии. — *Примеч. авт.*

должна не немецкая, а французская армия. Фош хотел поднять всю Восточную Европу на борьбу с Советской Россией.

— В России сейчас царит большевизм и полнейшая анархия, — заявил Фош на мирной конференции. — Я предлагаю урегулировать все важнейшие вопросы, относящиеся к Западу, чтобы дать союзникам возможность использовать освободившиеся таким образом ресурсы для разрешения Восточного вопроса... Польские войска вполне способны померяться силами с русскими, если снабдить их современными боевыми средствами. Войск потребуется много, но их можно собрать путем мобилизации финнов, поляков, чехов, румын и греков, а также просоюзнических русских элементов, какие еще имеются... Если сделать это, в 1919 г. с большевизмом будет покончено!

Вудро Вильсон настаивал на справедливом отношении к России. Президент США понимал, что бессмысленно говорить о всеобщем мире, если одна шестая земного шара не допущена к участию в переговорах. Вильсон убеждал мирную конференцию пригласить в Париж советских делегатов и сделать попытку достичь полюбовного соглашения. Снова и снова Вильсон возвращался к этой теме, стараясь рассеять страхи парижских миротворцев перед призраком большевизма.

— Во всем мире растет чувство возмущения крупным капиталом, который оказывает решающее влияние на экономическую и политическую жизнь всех стран, — предостерегал Вильсон на одном из секретных заседаний Совета десяти. — Чтобы избавиться от этого господства, необходим, на мой взгляд, постоянный обмен мнениями и постепенное проведение реформ: миру надоели проволоочки. В Соединенных Штатах есть, может быть, и заблуждающиеся, но честные люди, сочувствующие большевизму, потому что они видят в нем строй, о котором

они мечтают, строй, открывающий максимум возможностей для каждого человека.

Но Вудро Вильсон был окружен людьми, полными решимости любой ценой сохранить статус-кво. Связанные своими тайными империалистическими договорами и торговыми соглашениями, они на каждом шагу старались обмануть Вильсона, саботировать его предложения и расстраивать его планы. Было несколько напряженных моментов, когда выведенный из терпения Вильсон грозил обратиться через голову политических деятелей и милитаристов непосредственно к народу.

В Риме Вильсон хотел произнести сенсационную речь с балкона «Палаццо Венеция», выходящего на большую площадь, где всего два года спустя Бенито Муссолини агитировал своих чернорубашечников. Итальянские монархисты, опасаясь впечатления, которое слова Вильсона могли произвести на население города, не допустили стечения народа на площадь и разогнали демонстрацию под тем предлогом, что она якобы инспирирована «большевиками». То же повторилось и в Париже, когда Вильсон все утро прождал у окна своего отеля, чтобы обратиться с обещанной речью к парижским рабочим. Он не знал, что были вызваны французская полиция и солдаты, не допустившие рабочих приблизиться к его отелю...

Куда бы Вильсон ни поехал, его окружали секретные агенты и враждебные агитаторы; за его спиной плелись бесконечные интриги.

На мирной конференции у каждой из союзных держав имелся свой шпионский аппарат. В доме № 4 на Площади Согласия в Париже военная разведка США оборудовала шифровальное отделение, где самые искусственные офицеры и тщательно подобранные канцеляристы день и ночь расшифровывали перехваченную секретную почту других держав. Это учреждение было вверено майору Герберту О. Ярдли, который впоследствии рассказал в своей

книге «Американский черный кабинет», как умышленно скрывали от Вильсона донесения американских агентов об истинном положении вещей в Европе и как его в то же время пичкали бредовой антибольшевистской пропагандой.

Нередко майор Ярдли перехватывал и расшифровывал секретные послания с планами саботажа политики Вильсона. Однажды он расшифровал нечто еще более поразительное и зловещее. Майор Ярдли пишет: «Читатель легло представит себе, что я испытал, расшифровав телеграмму, в которой сообщалось о тайных планах Антанты убить президента Вильсона, либо извести его медленно действующим ядом, либо дать мороженого, зараженного инфлуэнцей. Наш информатор человек весьма надежный, умолял, ради всего святого, предостеречь президента. Я не знаю, действительно ли имелся такой план, и если да, то удалось ли его осуществить. Но вот неоспоримые факты: первые признаки болезни появились у президента Вильсона в Париже, и вскоре затем он стал чахнуть, страдаемый смертельной болезнью».

На мирной конференции

На первых заседаниях Парижской конференции у президента Вильсона неожиданно оказался союзник, тоже настаивавший на справедливом отношении к России. Английский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж поддержал Вильсона своими едкими нападкамии на антисоветские планы Фоша и французского премьера Клемансо.

— В период, когда немцам был нужен каждый лишний солдат для наступления на Западном фронте, — заявил Ллойд Джордж, — они были вынуждены держать миллионную армию в нескольких областях России, являющихся

лишь окраиной этой страны. А в то время большевизм был слаб и неорганизован. Теперь он силен и имеет грозную армию. Готов ли кто из союзников послать в Россию миллионы солдат? Да задумай я послать для этой цели в Россию лишнюю тысячу солдат, вся армия взбунтовалась бы! То же можно сказать и об американских частях в Сибири, да и о канадских и французских. Самая мысль о подавлении большевизма силой оружия — чистейшее безумие. Но даже если допустить такую возможность, то кто должен оккупировать Россию?

В отличие от Вильсона, английский премьер руководствовался отнюдь не идеалистическими соображениями. Он опасался революции в Европе и в Азии, и как старый политик, «уэльский Лис» безошибочно угадывал чувства английского народа, в подавляющем большинстве настроенного против дальнейшей интервенции в России. Были у него и еще более веские основания возражать против планов маршала Фоша. Начальник британского генерального штаба сэр Генри Вильсон незадолго до этого предупредил военный кабинет, что единственная для Англии разумная политика — это «отвести наши войска из Европы и России и сосредоточить все силы в наших собственных угрожаемых пунктах — в Англии, Ирландии, Египте, Индии». Ллойд Джордж боялся, как бы Фош и Клемансо не попытались установить в России французскую гегемонию, пока Англия будет заниматься своими делами в других местах.

И вот хитроумный английский премьер, считавший, что в конечном счете он добьется своего, если на время попросту оставит Россию в покое, стал поддерживать президента и тоже требовать справедливого отношения к большевикам. На секретных заседаниях Парижской конференции Ллойд Джордж не стеснялся в выражениях.

— Русские крестьяне приняли большевизм потому, что он дал им землю, — заявил Ллойд Джордж. — Больше-

вики являются правительством де-факто. В свое время мы признавали царское правительство, хотя отлично знали, что оно насквозь прогнило. Признавали потому, что это было правительство де-факто... а большевиков мы отказываемся признать! Сказать, что мы вправе решить, кого считать представителями огромного народа, было бы противно всем принципам, за которые мы воевали.

Президент Вильсон заявил, что он не представляет себе, чтобы кто-нибудь мог не согласиться с этими словами Ллойд Джорджа. Он предложил созвать особое совещание на Принцевых островах или еще в каком-нибудь «легко досягаемом» месте, чтобы выяснить возможности мира в России. Объективности ради он считал необходимым пригласить делегатов и от советского правительства, и от белогвардейских групп...

«Тигр» Клемансо» — рупор французских держателей царских акций и генерального штаба — выступил с ответным словом от лица сторонников интервенции. Клемансо был уверен, что хитрая политика Ллойд Джорджа не получит поддержки в английских правящих кругах и что английские милитаристы и служба разведки уже втянуты в антисоветскую войну. Однако Клемансо считал необходимым специально ради Вильсона опровергнуть доводы Ллойд Джорджа внушительным заявлением об угрозе большевизма.

— В принципе, — начал Клемансо, — я против переговоров с большевиками не потому, что это преступники, а потому, что, дав им понять, что они достойны вести с нами переговоры, мы подняли бы их до нашего уровня. Если французскому премьеру будет позволено так выразиться, английский премьер-министр и президент Соединенных Штатов заняли слишком академическую и теоретическую позицию в вопросе о большевизме.

Большевистская опасность сейчас очень велика, — продолжал Клемансо. — Большевизм распространяется.

Он захватил прибалтийские провинции и Польшу, и только сегодня утром мы получили очень дурные вести о его проникновении в Будапешт и Вену. Италия тоже в опасности. Там опасность, вероятно, еще серьезнее, чем во Франции. Если большевизм, распространившись в Германии, дойдет через Австрию и Венгрию до Италии, Европа окажется перед лицом весьма серьезной опасности. Поэтому против большевизма необходимо что-то предпринять!

Не полагаясь на свое красноречие, Клемансо попросил разрешения вызвать «экспертов». Первым из них оказался посол Нуланс — в бытность свою в Петрограде друг посла Фрэнсиса и зачинщик антисоветских интриг в дипломатическом корпусе. Нуланса представили Вильсону и Ллойд Джорджу.

— Я ограничусь констатацией фактов, — сказал посол Нуланс и тут же пустился, не жалея красок, расписывать «большевистские зверства»,

— Расстреливают не только мужчин, но и женщин, — утверждал Нуланс. — Людей топят, отрезают языки и носы, живыми закапывают в землю, калечат, инсценируют расстрелы для устрашения, насилуют и грабят.

Нуланс повторил все рассказы антисоветски настроенных членов дипломатического корпуса и царских эмигрантов. «В Петропавловской крепости держат роту профессиональных палачей... Большевистская армия — не армия, а сброд!»

— А судьба английского морского атташе капитана Кромби! — продолжал Нуланс. — Он был убит, когда защищал английское посольство, и тело его было выставлено в окне посольства в течение трех дней! Террор, массовые убийства, вырождение, коррупция, полнейшее презрение к союзникам — вот отличительные, черты советского режима...

— И, наконец, — сказал Нуланс, — я хочу указать, что большевистское правительство ведет империалистическую политику. Оно намерено завоевать весь мир и не заключать мира ни с одним правительством!

Однако, несмотря на все старания Нуланса, убедить президента США не удалось. Всего за несколько дней до того американский агент Баклер по указанию Вильсона имел частную беседу с уполномоченным советского правительства М. М. Литвиновым. В своем донесении от 18 января 1919 г. Баклер сообщал президенту: «Литвинов заявил, что советское правительство жаждет прочного мира... Русским вовсе не по душе военные приготовления и дорогостоящие кампании, к которым Россию вынуждают после четырех лет изнурительной войны, и им очень важно узнать, желают ли мира Соединенные Штаты и союзники.

Если да, то договориться об условиях мира будет нетрудно, ибо, по словам Литвинова, советское правительство готово идти на всяческие уступки, включая охрану существующих иностранных предприятий, предоставление новых концессий в России и пересмотр вопроса о долгах союзникам... Сомневаться в миролюбивом настроении советского правительства не приходится... В той мере, в какой Лига наций сможет предотвратить войну, не давая хода реакции, она может рассчитывать на поддержку советского правительства».

Далее Баклер сообщал, что в рядах большевиков есть элементы, решительно противящиеся мирной политике советского правительства. Эти оппозиционные элементы, писал Баклер, «надеются на более активную интервенцию союзников»; он предупреждал, что «продолжение такой интервенции только на руку этим экстремистам».

Казалось, план Вудро Вильсона, поддержанный Ллойд Джорджем, вот-вот будет принят, несмотря на Клемансо и Фоша. Вильсон составил ноту, в которой сформулировал

свое предложение, и послал ее советскому правительству и всем белогвардейским группам. Советское правительство не замедлило принять план Вильсона и было готово послать делегатов на Принцевы острова. Но, как позже выразился Уинстон Черчилль, то был «неблагоприятный момент» для прекращения войны с Россией. Большинство союзнической верхушки было уверено, что советская власть скоро будет свергнута. По тайному указанию союзников белогвардейские правительства отказались встретиться с советскими делегатами на Принцевых островах.

Атмосфера на мирной конференции изменилась. Ллойд Джордж увидел, что зашел в тупик, и неожиданно уехал в Лондон. На его место в Париж помчался Уинстон Черчилль, юношески проворный английский военный министр и представитель крайних антибольшевистских кругов¹.

¹ В то время и еще в течение многих лет Уинстон Черчилль был главным рупором антисоветски настроенных английских консерваторов. Черчилль боялся проникновения русских революционных идей в восточные владения Британской империи. Рене Краус в своем биографическом труде «Уинстон Черчилль» говорит: «Парижская «Большая пятерка» решила поддерживать белогвардейскую контрреволюцию. На Черчилля было возложено выполнение этой акции. Когда решение было принято, он с необычайным рвением стал проводить его в жизнь... Совместно с начальником генерального штаба Вильсоном он выработал программу снабжения и вооружения всех белых армий из запасов военного имущества, а также оказания им помощи путем присылки опытных офицеров и инструкторов». Когда в Германии к власти пришел Адольф Гитлер, Черчилль понял, что истинную опасность для английских интересов в Европе и во всем мире представляет собой нацизм. Ни минуты не колеблясь, он переменял фронт в отношении Советской России и стал ратовать за союз между Англией, Францией и СССР для обуздания нацистской агрессии. В 1941 г., когда нацисты вторглись в Советский Союз, Черчилль заявил всему миру, что дело России — дело всех свободных народов и как таковое получит поддержку Англии. По окончании второй мировой войны Черчилль повел двойную игру; не переставая поддерживать англо-советский союз, он снова стал кричать о нависшей над Европой «угрозе большевизма». — *Примеч. авт.*

Наступило 14 февраля 1919 г.; на следующий день Вильсон должен был отбыть в Америку, где ему предстояла встреча с возглавляемой сенатором Лоджем изоляционистской группой конгресса, подрывавшей все усилия президента создать систему всемирного сотрудничества и безопасности. Вильсон понимал, что потерпел неудачу в Европе и боялся новой неудачи в Соединенных Штатах. Он был разочарован, утомлен и совсем пал духом.

Уинстон Черчилль был представлен президенту английским министром иностранных дел А. Дж. Бальфуrom, заявившим, что английский военный министр прибыл в Париж, чтобы изложить точку зрения английского кабинета по вопросу о России. Черчилль тотчас же повел атаку на вильсоновский план встречи на Принцевых островах.

— Вчера в Лондоне, — сказал Черчилль, — состоялось заседание кабинета, проявившего серьезное беспокойство в связи с положением в России и, в частности, в связи с предполагаемой встречей на Принцевых островах... Если на совещание явятся только большевики, то, по мнению кабинета, оно ничего не даст. Необходимо учитывать военную сторону вопроса. Ведь в России гибнут в боях английские солдаты.

Вильсон отвечал:

— Поскольку мистер Черчилль приехал из Лондона специально с тем, чтобы еще застать меня здесь, я чувствую себя обязанным изложить мое личное мнение по этому вопросу. Многое в нем не ясно, но по двум пунктам у меня нет никаких сомнений. Во-первых, я считаю, что войска союзных и объединившихся держав не приносят в России ни малейшей пользы. Они не знают, за кого и за что воюют. Не приходится и говорить об участии их в какой-либо серьезной попытке установить в России порядок. Они поддерживают чисто местные движения, как, например, казаков, которых невозможно заставить

двинуться за пределы их территории. Поэтому я пришел к убеждению, что союзным и объединившимся державам следует отвести свои войска из всех районов русской территории.

Второй пункт, — продолжал Вильсон устало, — это Принцевы острова... Мы стремимся не к сближению с большевиками, а к полной осведомленности. Сообщения, поступающие из России как официальным, так и неофициальным путем, столь противоречивы, что невозможно составить себе связное представление о положении в этой стране. Встреча с русскими делегатами могла бы пролить свет на всю обстановку.

Дав президенту договорить, Черчилль ответил:

— Полный отвод вооруженных сил союзников — это логичная и ясная политика, но она привела бы к уничтожению всех небольшевистских войск в России. В настоящее время они исчисляются в полмиллиона, и хотя качественно они не первоклассны, количество их растет. Принять такую политику значило бы вынуть тот винтик, без которого развалится вся машина. Вооруженное сопротивление большевикам прекратилось бы, и для всей России наступила бы нескончаемая эра насилий и бедствий.

— Но ведь кое-где эти войска и военные материалы безусловно помогают реакции, — возразил Вильсон, — а значит, если союзников спросят, кого они поддерживают в России, они будут вынуждены ответить, что и сами не знают!

Черчилль вежливо выслушал его, а затем сказал:

— Интересно, а если конференция на Принцевых островах сорвется, одобрит Совет снабжение оружием антибольшевистских войск в России?

Больной, расстроенный, покинутый Ллойд Джорджем, Вильсон понимал, что остался один среди людей, твердо решивших настоять на своем.

— Я уже объяснил Совету, как я поступил бы, если бы зависел только от себя, — сказал президент Соединенных Штатов. — Но мне остается лишь действовать заодно с остальными.

Вильсон возвратился в США и вступил в трагическую, безнадежную борьбу с американской реакцией¹. На Парижской конференции его место занял государственный секретарь Лансинг, и весь тон переговоров заметно переменялся. Представители союзников уже не ощущали необходимости скрывать свои мысли и намерения.

Клемансо сухо посоветовал мирной конференции «разрешать свои затруднения по возможности просто и без шума». Разговоры о Принцевых островах следует окончательно прекратить. «Союзники впутались в эту историю с Принцевыми островами, — сказал Клемансо, — теперь им нужно из нее выпутаться!»

¹ Вудро Вильсон предпринял еще одну, последнюю, попытку честно подойти к России. По собственной инициативе он послал в Москву Вильяма Буллита, в то время молодого чиновника государственного департамента, состоявшего при американской делегации на Парижской конференции, с тем, чтобы он вошел в контакт с Лениным и спросил его, действительно ли он хочет мира. Вместе с Буллитом поехал знаменитый американский журналист Линкольн Стеффенс, который по возвращении выразил свое впечатление о России в заслуживших широкую известность шести словах: «Я видел будущее — и оно существует!». Буллит привез условия мира, предлагаемые Лениным союзникам и белогвардейским правительствам. Ленин ничего так не хотел, как мира, но к его предложениям, как много позже поведал Уинстон Черчилль в своей книге «Мировой кризис», отнеслись пренебрежительно, а «те, кто послал Буллита в Россию, не без труда отмежевались от него». В сентябре 1919 г. Буллит так объяснил сенатской комиссии по иностранным делам, почему мирные условия Ленина не были рассмотрены: «Колчак продвинулся на 100 миль, и вся парижская пресса немедленно разразилась по этому поводу радостными воплями, уверяя, что через две недели он будет в Москве; поэтому все в Париже, и в том числе, к сожалению, члены американской делегации, сразу остыли в отношении мира с Россией, решив, что Колчак дойдет до Москвы и расправится с советской властью». — *Примеч. авт.*

Английский министр иностранных дел Бальфур дополнил мысль Клемансо: «Необходимо принять меры, чтобы очернить большевиков не только в глазах общественного мнения, но и в глазах тех, кто видит в большевизме сбившуюся с пути демократию, не лишенную серьезных положительных сторон».

А затем конференция приступила к длительной дискуссии о том, какими средствами можно лучше всего помочь белым армиям бороться с советской властью.

Черчилль, сменивший Ллойд Джорджа за столом конференции, предложил немедленно учредить Верховный совет союзников по русским делам, разбив его на политическую, экономическую и военную секции. Военная секция должна была «сейчас же взяться за дело» и подробно разработать обширную программу вооруженной интервенции.

Миссия Головина

После того как Черчилль стал если и не официальным, то общепризнанным главнокомандующим антисоветских союзнических армий, место действия перенеслось в Лондон, и, начиная с весны, белогвардейские эмиссары вереницей потянулись в Уайт-холл — резиденцию английского правительства. Они приезжали от адмирала Колчака, от генерала Деникина и от других белогвардейских начальников, чтобы окончательно договориться об общем наступлении на Советы. Свои сугубо секретные переговоры они вели главным образом с Уинстоном Черчиллем и сэром Сэмюэлем Хором. Черчилль, по своему положению военного министра, взялся снабжать белые армии военными материалами из английских запасов, оставшихся после войны. Хор направлял сложные дипломатические интриги.

Среди белогвардейских представителей были такие «русские демократы», как известный террорист эсер

Борис Савинков, князь Львов и Сергей Сазонов — в прошлом министр иностранных дел в царском правительстве, представлявший затем в Париже и Колчака и Деникина. 27 мая 1919 г. лондонская «Таймс» писала: «Вчера вечером г-н Сазонов встретился в палате общин с целым рядом членов парламента. Председательствовал сэр Сэмюэль Хор... Г-н Сазонов в благоприятном свете говорил о возможности близкого свержения большевистского режима и подчеркнул, что признание правительства адмирала Колчака очень способствовало бы скорейшему достижению этой цели. Он выразил от лица русских глубокую благодарность не только за материальную помощь, полученную ими от Великобритании, но и за услуги британского флота в деле эвакуации большого количества беженцев».

«Официальным представителем белых русских армий» при английском военном министерстве был генерал-лейтенант Головин. Он прибыл в Лондон ранней весной с рекомендательным письмом Уинстону Черчиллю. Вскоре по приезде он имел первую беседу с Хором. Говорили они, между прочим, о Кавказе и, в частности, — о богатых месторождениях нефти в Грозном и Баку.

5 мая Головин в сопровождении Хора в первый раз явился в английское военное министерство. По совету Хора русский генерал был в полной парадной форме. Английские военные приняли его очень сердечно и внимательно выслушали его рассказ о ходе всех белогвардейских кампаний.

В тот же день в половине шестого Головин встретился с Черчиллем. Военный министр раздраженно говорил о том, что английские либералы и рабочие противятся оказанию помощи антисоветским белым армиям. Черчилль выразил надежду, что, несмотря на это препятствие, он сможет собрать еще 10 тыс. «волонтеров» для отправки на Северный фронт. Он сказал, что знает, как там нужны пополнения в связи с серьезной деморализацией, наблюдающейся в английских и американских войсках.

Черчилль также подчеркнул свое желание всячески помочь генералу Деникину. При всех обстоятельствах, сказал он, Деникин может рассчитывать на 2500 «волонтеров», которые могут быть использованы в качестве военных инструкторов и технических специалистов. В порядке немедленной финансовой помощи Черчилль обещал Головину распределить между антисоветскими фронтами 24 млн. фунтов стерлингов и поставить снаряжение и вооружение для сотысячной армии, которую Юденич поведет на Петроград. Предполагалось также перебросить из Германии в Архангельск за счет англичан 500 пленных офицеров царской армии...

«Результат этой встречи превзошел все мои ожидания, — писал Головин по возвращении в Россию в своем докладе начальству. — Черчилль не только сочувствует нам, это энергичный, деятельный друг. Нам обеспечена вся возможная помощь. Теперь наша задача — показать англичанам, что мы готовы претворить слова в дело»¹.

Глава VI

ВООРУЖЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Прелюдия

К лету 1919 г. на территории Советской России находились вооруженные силы четырнадцати иностранных государств, ни одно из которых не объявляло войны. Вот

¹ Этот доклад, впоследствии захваченный частями Красной Армии и секретных архивах мурманского белогвардейского правительства, был вскоре затем напечатан в Лондонской «Дейли геральд» и вызвал немалое смущение в английских антисоветских кругах. — *Примеч. авт.*

их список: Англия, Франция, Япония, Германия, Италия, США, Чехословакия, Сербия, Китай, Финляндия, Греция, Польша, Румыния, Турция.

Бок о бок с интервентами сражались контрреволюционные белые армии под командованием бывших царских генералов.

У нападающих были обширные планы. Белые армии вместе с войсками интервентов должны были с севера, юга, запада и востока идти на Москву.

На севере и северо-западе, в Архангельске, Мурманске и Прибалтике, английские войска действовали совместно с частями генерала Юденича.

На юге, базируясь на Кавказ и побережье Черного моря, расположились армии Деникина, пополненные и снабжаемые французами.

На востоке силы адмирала Колчака, действующие под руководством английских военных советчиков, уже дошли почти до Волги.

На западе стояла только что сформированная польская армия генерала Пилсудского, укомплектованная французскими офицерами.

Государственные деятели союзных держав выдвигали самые разнообразные объяснения для пребывания их войск в России. После высадки первых десантов в Мурманске и Архангельске весной и летом 1918 г. правительства союзников заявили, что задача их войск — не допустить, чтобы военное имущество попало в руки немцам. Позднее они утверждали, что их войска прибыли в Сибирь, чтобы помочь чехословакам эвакуироваться из России. Еще по другой версии эти войска помогали русским «восстановить порядок» в их встревоженной смутной стране.

Союзники снова и снова отрицали свое намерение проводить в России вооруженную интервенцию и вме-

шиваться в ее внутренние дела. «Мы не собираемся вмешиваться во внутренние порядки России, — заявил английский министр иностранных дел Бальфур в августе 1918 г., — она сама должна справляться со своими делами».

Язвительный и как всегда циничный, Уинстон Черчилль, лично руководивший походом союзников против Советской России, впоследствии писал в своей книге «Мировой кризис»: «Находились ли они (союзники) в состоянии войны с Россией? Разумеется, нет; но советских людей они убивали без разбора. Они как захватчики стояли на русской земле. Они вооружали врагов советской власти. Они блокировали порты России и топили ее корабли. Они серьезно и деятельно желали ей гибели. Но война — как можно! Интервенция — как не стыдно! Им совершенно все равно, твердили они, как русские разрешают свои дела. Они совершенно беспристрастны... ттрах!»

Северная кампания

В начале лета 1918 г. в Архангельск прибыли агенты английской службы разведки. В их задачу входила подготовка вооруженного мятежа против местной советской власти в этом порту, имевшем огромное стратегическое значение. Свою работу они проводили под руководством царского офицера Григория Ермолаевича Чаплина, зачисленного в ряды британской армии, и с помощью группы белогвардейских заговорщиков.

Мятеж вспыхнул 2 августа. На следующий день генерал-майор Фредерик К. Пуль — английский главнокомандующий войсками союзников в северной России — высадился в Архангельске при поддержке английских и французских военных кораблей. В это же время сербские и белогвардейские части под командованием полковника

английской разведки Торнхилла предприняли марш от Онежского озера, чтобы перерезать железную дорогу Архангельск — Вологда и атаковать отступающие советские войска с тыла.

Разгромив архангельский Совет, генерал Пуль создал марионеточное правительство, получившее название «Верховного правительства севера России» и возглавленное немолодым политическим деятелем Николаем Чайковским.

Но скоро даже такая форма антисоветской власти показалась генералу Пулю и его белогвардейским союзникам слишком либеральной. Они решили обойтись совсем без правительства и учредить военную диктатуру.

5 сентября план был приведен в исполнение, а 6-го посол Дэвид Фрэнсис, находившийся в Архангельске, был приглашен на смотр одного из американских батальонов. Когда прошли последние шеренги солдат, генерал Пуль повернулся к американскому послу и, как бы невзначай, заметил:

— А у нас тут вчера вечером произошел переворот.

— Да ну? — изумился Фрэнсис. — Кто же это постарался?

— Чаплин, — ответил генерал Пуль, указывая на царского офицера, организатора мятежа против архангельского совета.

Фрэнсис знаком подозвал к себе капитана Чаплина.

— Чаплин, кто это вчера устроил здесь переворот? — спросил он.

— Я, — коротко ответил Чаплин.

«Переворот» произошел накануне вечером. Капитан Чаплин и несколько английских офицеров попросту похитили президента Чайковского и остальных членов «Верховного правительства севера России» и на лодке увезли их в глухой монастырь на близлежащем острове, где и оставили под надзором вооруженной охраны.

Такой произвол показался слишком грубым даже послу Фрэнсису, который к тому же не был оповещен о готовящемся «перевороте». Фрэнсис сказал генералу Пулю, что правительство США не санкционирует его.

Не прошло и суток, как марионеточные министры были доставлены обратно в Архангельск, и их «Верховное правительство» возродилось. Фрэнсис каблограммой известил государственный департамент США, что его усилиями демократия восстановлена.

В начале 1919 г. английские войска в Архангельске и Мурманске исчислялись в 18 400. Вместе с ними сражались 5100 американцев, 1800 французов, 1200 итальянцев, 1000 сербов и около 20 000 белогвардейцев.

Капитан американских экспедиционных сил Джон Кьюдахи,¹ описывая Архангельск тех дней в своей книге «Архангельск. Американская война с Россией», констатирует, что «все здесь были офицерами». По его словам, там было великое множество офицеров царской армии, «увешанных тяжелыми блестящими медалями»; бряцающие саблями казачьи офицеры в серых папахах и пышных мундирах; английские офицеры — питомцы Итона и Харроу; французские солдаты в нарядных кепи и начищенных сапогах; сербские офицеры, итальянские, французские офицеры...

«И, разумеется, — отмечает Кьюдахи, — было множество денщиков, которые чистили сапоги и наводили блеск на шпоры, и еще денщики, которые следили за рас-

¹ Джон Кьюдахи принадлежал к богатой чикагской семье владельцев мясоконсервных заводов. В 1937 г. он был назначен американским посланником в Эйре, а затем послом в Бельгию. Ярый враг Советской России, он впоследствии стал одной из ведущих фигур в изоляционистском комитете «Америка прежде всего», который в 1940—1941 гг. боролся против ленд-лиза как средства помощи государствам, воюющим против держав оси. — *Примеч. авт.*

порядком в офицерском клубе и подавали виски с содовой».

Джентльменский образ жизни этих офицеров являл резкий контраст с тем, как они воевали.

«Мы применяли против большевиков химические снаряды, — писал в своей книге «Военные действия без войны» Ральф Альбертсон, сотрудник «Христианской ассоциации молодежи», посетивший северную Россию в 1919 г. — Уходя из деревень, мы устанавливали там все подрывные ловушки, какие только могли придумать. Один раз мы расстреляли больше тридцати пленных... А когда мы захватили комиссара в Борковской, один сержант, который сам мне об этом рассказал, бросил его труп на улице раздетым с шестнадцатью штычковыми ранами. Борковскую мы взяли внезапной атакой, и этот комиссар, не военный, не успел найти оружие... Я неоднократно слышал, как один офицер приказывал своим солдатам не брать пленных, убивать их даже безоружных... Я видел, как хладнокровно пристрелили обезоруженного большевистского пленного, который вел себя совершенно безобидно... Каждую ночь пленных пачками уводили на расстрел».

Рядовые солдаты союзных армий относились к антисоветским походам без всякого энтузиазма. Они не понимали, зачем их гонят сражаться в Россию, когда война, казалось бы, окончилась. Командованию было не легко объяснить им это. «Сначала считалось, что это вообще не нужно, — пишет Кьюдахи, — но потом верховное командование, вспомнив о значении морального состояния армии... стало издавать прокламации, которые окончательно сбили с толку солдат».

Одна из прокламаций английской штаб-квартиры в северной России, которые читались английским и американским войскам, начиналась так: «Войска, по-видимому, очень неясно представляют себе, за что мы сра-

жаемся здесь, на севере России. Это нетрудно объяснить в нескольких словах. Мы боремся против большевизма, то есть против самой настоящей анархии. Смотрите, что делается в России. Власть принадлежит кучке людей, по большей части евреев...»

Настроение войск не улучшалось. Все чаще происходили ссоры между английскими, французскими и белогвардейскими солдатами. Начались мятежи. Когда 339-й американский пехотный полк отказался выполнить приказ, полковник Стюарт собрал своих солдат и стал читать им воинский устав, где говорится, что мятеж карается расстрелом. Из рядов раздался голос:

— Сэр, зачем мы здесь находимся и каковы намерения правительства Соединенных Штатов?

Полковник ничего не мог ответить...

Начальник британского генштаба сэр Генри Вильсон поместил в официальной английской «Синей книге» следующее сообщение относительно положения в северной России летом 1919 г.: «7 июля произошел открытый мятеж в 3-й роте 1-го батальона Славяно-британского легиона и в пулеметной роте 4-го Северного стрелкового полка, стоявших в резерве на правом берегу Двины. Три английских и четыре русских офицера были убиты. Два английских и два русских офицера — ранены.

22 июля были получены сведения о том, что русский полк в Онежском секторе взбунтовался и сдал весь Онежский фронт большевикам».

В США общественное мнение все громче требовало ухода американских войск из России. Непрерывный поток антибольшевистской пропаганды не мог заглушить голоса родителей и жен, не понимавших, чего ради их сыновья и мужья теперь, после окончания войны, ведут какие-то неопределенные и загадочные военные действия в сибирской глуши и в суровых, холодных краях у Мурманска и Архангельска. В течение всего лета и осени

1919 г. со всех концов США тянулись делегации в Вашингтон, чтобы через своих депутатов требовать возвращения американских солдат домой. Требования их нашли отклик в конгрессе.

5 сентября 1919 г. сенатор Бора заявил в Сенате: «Господин председатель, мы не находимся в состоянии войны с Россией; конгресс не объявлял войны ни русскому правительству, ни русскому народу. Народ Соединенных Штатов не хочет воевать с Россией... А между тем, хотя состояния войны нет, хотя конгресс не объявлял войны, мы ведем военные действия против русского народа. Мы держим в России армию; мы снабжаем боеприпасами и продовольствием другие вооруженные силы в этой стране и участвуем в вооруженном конфликте точно так же, как если бы конгресс дал свою санкцию, и объявление войны состоялось бы, и нация была бы призвана под ружье... То, что эти жизни приносятся в жертву, нельзя оправдать ни с юридической, ни с моральной точки зрения. Это нарушение первейших принципов свободного государства».

Английский и французский народы, так же как и американский, осуждали войну против Советской России. И все же эта необъявленная война продолжалась.

Северо-западная кампания

Текст перемирия между союзниками и центральными державами, подписанного в ноябре 1918 г., содержал в статье 12-й малоизвестный широкой публике пункт, гласящий, что немецкие войска должны оставаться во всех занятых ими районах русской территории столько времени, сколько найдут нужным союзники. Предполагалось, что эти войска будут использованы против большевиков. Однако в Прибалтике армия кайзера быстро

развалилась. Недовольные, уставшие от войны немецкие солдаты толпами дезертировали с фронта.

Ввиду быстрого роста советского движения в Латвии, Литве и Эстонии английское верховное командование решило оказать максимальную поддержку белогвардейским отрядам, действующим в Прибалтике. Возглавить эти отряды и спаять их в одну армию было поручено генералу графу Рюдигеру фон дер Гольцу, из германского верховного командования.

Генерал фон дер Гольц командовал немецким экспедиционным корпусом в боях против Финляндской республики весной 1918 г., вскоре после того как эта страна стала независимой в результате Октябрьской революции. Фон дер Гольц предпринял поход в Финляндию по просьбе барона Карла Густава фон Маннергейма, шведского дворянина и в прошлом генерала императорской гвардии, возглавлявшего белогвардейские силы в Финляндии¹.

Командуя белогвардейской армией в Прибалтике, фон дер Гольц прибег к террору, чтобы задушить советское движение в Латвии и Литве. Его войска грабили страну и учиняли массовые избиения гражданского населения. У латвийского и литовского народов не было ни военного снаряжения, ни крепкой организации, и они не устояли перед таким свирепым натиском. Вскоре фон дер Гольц фактически стал диктатором над этими двумя народами.

¹ С помощью хорошо вооруженных войск фон дер Гольца Маннергейм свергнул финляндское правительство и пригласил на финляндский престол принца Фридриха Гессенского, женатого на дочери кайзера Вильгельма. Чтобы подавить сопротивление финского народа, фон дер Гольц и Маннергейм ввели террор. За несколько недель маннергеймовцы казнили около 20 тыс. мужчин, женщин и детей; десятки тысяч людей были брошены в тюрьмы и концлагеря, где многие из них умерли от пыток, голода и болезней. — *Примеч. авт.*

Американская организация помощи, АРА, которую возглавлял Герберт Гувер, обильно снабжала фон дер Гольца продовольствием. Голодающие народы Прибалтики были лишены этого продовольствия до того, как их землю заняли войска фон дер Гольца, а затем генерал сам руководил его распределением.

Довольно скоро союзники очутились перед своеобразной дилеммой: с их помощью фон дер Гольц стал властителем Прибалтики; но все же это был немецкий генерал, а следовательно, Германия, пользуясь его влиянием, могла домогаться контроля над прибалтийскими странами.

В июне 1919 г. англичане решили заменить фон дер Гольца каким-нибудь другим генералом, который был бы им подчинен более непосредственно.

Главкомандующим реорганизованной белой армией был назначен друг Сиднея Рейли, пятидесяти-восьмилетний царский генерал Николай Юденич. Англичане согласились снабдить его необходимыми военными материалами для похода на Петроград. В первую очередь было обещано полное обмундирование на 10 тыс. солдат, 15 млн. патронов, 3 тыс. автоматов и большое количество танков и самолетов¹.

¹ Одним из самых деятельных агентов английской разведки на Северном фронте был Поль Дьюкс, тесно сотрудничавший с Сиднеем Рейли. Дьюкс умудрился получить командирский чин в Красной Армии и проводил шпионскую и вредительскую работу в частях, дравшихся с Юденичем. Дьюкс информировал Юденича о каждом шаге красных частей. Кроме того, он поддерживал тесную связь с вооруженными террористами в Петрограде — бывшими членами организации Рейли, готовыми оказать помощь белым, как только они вступят в город. По возвращении в Лондон Дьюкс за свои подвиги получил рыцарский титул. Позже он написал книгу «Красные сумерки и рассвет», в которой описал свои шпионские похождения в России. Совместно с Сиднеем Рейли он с целью пропаганды перевел «Конь Бледный» Бориса Савинкова и еще ряд книг авторов-белоэмигрантов. — *Примеч. авт.*

Представители АРА обещали доставить продовольствие в районы, занятые войсками Юденича. Майор Р. Р. Пауэрс — начальник Эстонского отдела балтийской миссии АРА — предпринял подробное обследование с целью установить, сколько потребуется продовольствия, чтобы обеспечить захват Петрограда войсками Юденича. 15 июня 1919 г. в ревельский порт прибыл американский пароход «Лейк Шарлотсвилль» с баржей на буксире. Он привез первую партию продовольствия — 2400 тонн муки и 147 тонн бекона.

Юденич двинул все свои силы на Петроград. На третьей неделе октября 1919 г. его конные части достигли пригородов. Союзные правительства не сомневались, что падение Петрограда — вопрос нескольких дней, а может быть и часов. Судя по заголовкам в «Нью-Йорк таймс», победа была уже достигнута:

«18 октября. ИЗ СТОКГОЛЬМА СООБЩАЮТ: АНТИКРАСНЫЕ ВОЙСКА В ПЕТРОГРАДЕ.

20 октября. НОВЫЕ СООБЩЕНИЯ О ПАДЕНИИ ПЕТРОГРАДА. СВЯЗЬ С МОСКВОЙ ПРЕРВАНА.

21 октября. АНТИКРАСНЫЕ ВОЙСКА ПОДОШЛИ К ПЕТРОГРАДУ. В ЛОНДОНЕ С ЧАСА НА ЧАС ОЖИДАЮТ ИЗВЕСТИЙ О ПАДЕНИИ ГОРОДА».

Но у самых ворот Петрограда Юденича остановили. Собравшись с силами, революционный город нанес ответный удар, и войска Юденича, не выдержав его, покатались вспять.

29 февраля 1920 г. «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Юденич уходит из армии; выезжает в Париж, забрав свое состояние — 100 млн. марок».

Спасаясь бегством из Эстонии на юг в автомобиле с английским флагом, Юденич бросил на произвол судьбы свою вконец разгромленную армию. Разрозненные отряды его солдат бродили по засыпанным снегом полям и лесам, тысячами умирая от голода, холода и болезней.

Южная кампания

В то время как на севере войска Юденича подходили к Петрограду, с юга наступление вел генерал Антон Деникин, аристократического вида сорокапятилетний царский генерал с седеющей бородкой и седыми усами. Впоследствии генерал Деникин писал, что у его армии была «одна святая, заветная мысль, одна неугасимая надежда и желание... — спасти Россию». Но среди русского народа на юге России его армия больше всего прославилась своими садистскими методами ведения войны.

С самого начала революции богатая пшеницей Украина и Донская область с ее огромными залежами железа и угля служили предметом острых споров. После образования Украинской Советской республики в декабре 1917 г. предводитель антисоветских сил Украины Симон Петлюра просил германское верховное командование прислать на Украину войска и помочь ему свергнуть советскую власть. Немцы, давно зарившиеся на украинскую пшеницу и сало, не заставили себя просить.

Под командованием фельдмаршала Германа фон Эйхгорна немецкие войска вторглись в Украину. Фон Эйхгорн был и лично заинтересован в этой кампании: его жена была урожденная графиня Дурново и до революции — одна из самых богатых украинских помещиц. Советские войска были оттеснены от Киева и Харькова, и под контролем германской оккупационной армии была создана марионеточная «Самостийная Украина», которую возглавил Петлюра. Он заявил, что ставит себе целью установление «национал-социализма».

Но революционное движение продолжало расти. Фон Эйхгорн решил, что Петлюра не справится с положением, и заменил его правительство военной диктатурой. Этот новый марионеточный режим возглавил зять фон Эйх-

горна генерал Павел Петрович Скоропадский, ничем дотоле не отличившийся русский гвардейский офицер, ни слова не говоривший по-украински. Скоропадский получил титул гетмана Украины.

Дело у Скоропадского пошло немногим лучше, чем у Петлюры. Уже в декабре 1918 г. он, переодевшись немецким солдатом, бежал с Украины вместе с немецкой оккупационной армией, сильно поредевшей в столкновениях с Красной Армией и украинскими партизанами.

С уходом немцев затруднения советской власти на Украине еще далеко не кончились. Союзники тоже поддерживали белогвардейцев на юге России. Их помощь шла главным образом контрреволюционным частям, объединенным в «Добровольческую армию» под командованием Каледина, Деникина и других царских генералов, бежавших на юг после Октябрьской революции.

Вначале «Добровольческая армия» потерпела ряд серьезных неудач. Ее первый главнокомандующий генерал Каледин покончил с собой. Его преемник генерал Корнилов был изгнан Красной Армией из Донской области и убит в бою 13 апреля 1918 г. Командование отступающей, сильно потрепанной «Добровольческой армией» принял генерал Деникин.

И тут, когда казалось, что дело белогвардейцев проиграно, в Мурманске и в Архангельске высадились первые англо-французские десанты, и союзники принялись щедро снабжать белые армии из-за границы. Истощенная армия Деникина была спасена. Оправившись и пополнив свои ряды, она к осени 1918 г. снова была готова к наступлению.

22 ноября 1918 г., через одиннадцать дней после того как в Европе было подписано перемирие, Деникин получил радиограмму с сообщением, что в Новороссийск идет флотилия союзнических судов. На следующий день суда союзников бросили якорь в Новороссийском порту,

и французские и английские эмиссары сошли на берег, чтобы известить Деникина, что в ближайшем будущем он получит из Англии и Франции военное снаряжение.

В самом конце 1918 г. французские войска заняли Одессу и Севастополь. Английская эскадра вошла в Черное море и высадила десант в Батуми. Английский офицер был назначен генерал-губернатором Батумской области¹.

Под руководством французского верховного командования, обеспеченный английскими военными материалами, Деникин предпринял развернутое наступление на Москву. Главным его помощником в этот период был барон Врангель, высокий, худой, лысеющий генерал с холодными глазами, известный своей чудовищной жестокостью. Врангель периодически приказывал расстреливать группы безоружных пленных на глазах у их товарищей, а затем предлагал последним на выбор — вступить в его армию или подвергнуться той же участи. Когда войска Деникина и Врангеля ворвались в Ставрополь, они в первый же день перебили семьдесят раненых красноармейцев, находившихся в госпитале. В деникинской армии был узаконен грабеж. В приказах Врангеля упоминалось, что награбленное следует «делить поровну».

Продвигаясь на север, Деникин и Врангель в июне 1919 г. заняли Царицын (ныне Сталинград), а в октябре 1919 г. подошли к Туле — в 200 км от Москвы. «Все здание большевизма в России, видимо, рушится, — писала

¹ Английские войска действовали на южной окраине России еще с июля 1918 г., когда английское верховное командование послало отряды из Персии в Туркестан для поддержки антисоветского мятежа, организованного меньшевиками и эсерами. «Закаспийский исполнительный комитет», во главе с видными контрреволюционерами, сформировал марионеточное правительство под контролем англичан. Было заключено соглашение, по которому англичане получили преимущественное право на вывоз из этого района хлопка и нефти в обмен на их помощь силам контрреволюции. — *Примеч. авт.*

«Нью-Йорк таймс». — Началась эвакуация Москвы — главного очага большевизма». Далее говорилось, что Деникин «все сметает на своем пути», а Красная Армия отступает, «охваченная паникой».

Но Красная Армия внезапно перешла в контрнаступление.

Войска Деникина были застигнуты врасплох. Через несколько недель начался поспешный отход южной «Добровольческой армии» к Черному морю. Деморализация войск превратила отступление в беспорядочное паническое бегство. Больных и умирающих бросали на дорогах. В санитарных поездах не хватало медикаментов, врачей, сестер. Армия распалась на разбойничьи банды, катившиеся к югу.

9 декабря 1919 г. Врангель послал Деникину паническую телеграмму: «Вот она, горькая правда. Армия как боевая сила перестала существовать».

В начале 1920 г. остатки деникинской армии докатились до Новороссийска. Город наводнили солдаты, дезертиры, беженцы.

27 марта 1920 г., пока английский дредноут «Император Индии» и французский крейсер «Вальдек Руссо» с рейда осыпали снарядами входившие в город красные части, Деникин отплыл из Новороссийска на французском военном корабле. Десятки тысяч солдат его армии, сгрудившись в порту, беспомощно смотрели вслед своим отплывающим командирам.

Восточная кампания

По генеральному плану интервентов одновременно с наступлением Деникина на Москву с юга адмирал Колчак должен был осадить ее с востока. Однако события развернулись не по плану.

Весной и в начале лета 1919 г. парижские, лондонские и нью-йоркские газеты не скупилась на подробные сообщения о жестоких поражениях, нанесенных Красной Армией адмиралом Колчаком. Вот несколько заголовков из «Нью-Йорк таймс»:

«26 марта. КОЛЧАК ПРЕСЛЕДУЕТ РАЗБИТУЮ НАГОЛОВУ КРАСНУЮ АРМИЮ.

20 апреля. РАЗГРОМ КРАСНЫХ НА ВОСТОКЕ.

22 апреля. КОЛЧАК ПОБЕЖДАЕТ — ДНИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СОЧТЕНЫ.

15 мая. КОЛЧАК ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ НА МОСКВУ».

Но 11 августа «Таймс» перепечатала такое сообщение из Вашингтона: «Как заявил сегодня вечером один крупный правительственный чиновник, настало время подготовить весь антибольшевистский мир к мысли о возможном крушении режима Колчака в западной Сибири».

Уже в июне Колчаку пришлось спастись бегством от сокрушительных ударов Красной Армии. А в тылу у него тем временем быстро росло партизанское движение. В ноябре Колчак покинул свою столицу — Омск. В рваных мундирах и стоптанных сапогах его солдаты брели из Омска на восток. Тысячи отбившихся от этой бесконечной жалкой процессии умирали в снегу у дороги. На путях громоздились разбитые паровозы. «Мертвых не хоронили, — писал один наблюдатель, — они гнили тут же, на линии».

Колчак добрался до Иркутска в поезде, на котором развевались все флаги союзников — английский, американский, французский, итальянский и японский.

24 декабря 1919 г. в Иркутске произошло восстание, установилась советская власть, и Колчак был арестован. С ним вместе был захвачен золотой запас, который он вез в особом поезде: 5143 ящика и 1680 мешков с золотыми слитками, ценными бумагами и другими ценностями — всего на 1 150 500 тыс. рублей.

Иркутский ревком судил Колчака за измену. На суде он сказал: «Когда тонет корабль, все идут ко дну». Он жалел, что расстался с морем, и с горечью утверждал, что его предали «иностранные элементы», покинувшие его в трудную минуту...

Суд приговорил Колчака к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 7 февраля 1920 г. Из помощников Колчака многие бежали к японцам. Один из них, генерал Бакич, на прощанье отправил белогвардейскому консулу в Урге (Монголия) такое послание: «Преследуемый евреями и коммунистами, перешел границу!»

Поляки и Врангель

Несмотря на свои катастрофические поражения, англо-французские интервенты предприняли еще два наступления на европейскую часть Советской республики.

В апреле 1920 г. с запада ударили поляки, претендовавшие на всю правобережную Украину и русскую территорию до Смоленска. Французы и англичане снабжали Польшу военными материалами, США предоставили ей заем в 50 млн. долларов¹. Полякам удалось дойти

¹ Герберт Гувер предоставил в распоряжение польской армии на миллионы долларов продовольствия (АРА). 4 января 1921 г. сенатор Джеймс Рид (от штата Миссури) выступил в конгрессе с обвинением, что 40 млн. долларов из фондов помощи конгресса «тратятся на то, чтобы удержать польскую армию на фронте». Кроме того, Гувер собрал по подписке около 23 млн. долларов для помощи детям Центральной Европы и значительную часть этой суммы отправил в Польшу, хотя в воззваниях, изданных в США, говорилось, что эти деньги будут поровну разделены между немущими австрийцами, армянами и поляками. Большая часть средств, собранных в США якобы для помощи Европе, пошла на поддержку антисоветской интервенции. Гувер и сам констатировал это в своем докладе конгрессу в январе 1921 г. Первоначально конгресс ассигновал средства для помощи в первую очередь «Центральной Европе», но из доклада Гувера явствовало, что почти вся сумма в 94 938 417 долларов, в которой он

до Киева и занять его. Но здесь их остановила и отбросила Красная Армия.

Преследуемые по пятам русскими, поляки спешили ретироваться. К началу августа Красная Армия стояла на ближних подступах к Варшаве и Львову.

Правительства союзников снова подбросили полякам деньги и военные материалы. Маршал Фош поспешил послать в Польшу своего начальника штаба генерала Максима Вейгана для руководства операциями польских войск. В Варшаву посыпались английские танки и самолеты. По вине командующего Тухачевского и военного комиссара Троцкого коммуникации Красной Армии оказались непозволительно растянутыми. Последствия этого не замедлили сказаться — под натиском поляков она стала отступать по всему фронту. По Рижскому миру советское правительство было вынуждено отдать Польше западные районы Белоруссии и Украины.

После заключения мира с Польшей советские войска освободились для действий против Врангеля, который сменил Деникина на посту главнокомандующего южными белогвардейскими армиями и при поддержке французов продвинулся из Крыма на Украину. Поздней осенью 1920 г. красные части загнали Врангеля обратно в Крым, где он и оказался запертым. В ноябре Красная Армия штурмом взяла Перекоп, хлынула в Крым и сбросила армию Врангеля в море.

Последний из могикан

После разгрома Врангеля и прекращения интервенции на Западе, на русской земле осталась только одна

отчитывался, была израсходована на территории, непосредственно примыкающей к России, или в районах России, занятых белогвардейскими армиями и союзными интервентами. — *Примеч. авт.*

иностранная армия — японская. Казалось, Сибири со всеми ее богатствами предстояло окончательно перейти в руки к японцам. Барон Танака — военный министр и начальник японской военной разведки — ликовал: «русский патриотизм угас с началом революции. Тем лучше для нас. Отныне Советы могут быть побеждены только иностранными войсками при условии их достаточной численности».

Япония все еще держала в России свыше 70 тыс. войск и сотни секретных агентов, шпионов, диверсантов и террористов. Белогвардейские армии на Дальнем Востоке продолжали свои действия под руководством японского верховного командования. Среди этих антисоветских сил первое место занимала армия японского ставленника казачьего атамана Семенова.

Под давлением американцев японцы проявляли осторожность, но 8 июня 1921 г. во Владивостоке они подписали с Семеновым секретный договор о новом большом наступлении на Советы. По одной из статей этого договора Семенову после ликвидации Советов передавалась вся гражданская власть. В том же договоре было сказано: «Когда на Дальнем Востоке установится прочная правительственная власть, японским подданным будут предоставлены преимущественные права на охоту, рыболовство и лесные концессии, а также на разработку недр и месторождений золота».

Видная роль в предстоявшей кампании уделялась одному из ближайших сподвижников Семенова барону Унгерн-Штернбергу.

Эта кампания оказалась последней — интервенция подходила к концу.

Генерал-лейтенант барон Роман фон Унгерн-Штернберг — бледный, изнеженный прибалтийский аристократ, блондин с рыжеватыми усами, совсем молодым начал

службу в царской армии, участвовал в русско-японской войне 1905 г., а затем вступил в казачий полк в Сибири. В Первую мировую войну он служил под командованием Врангеля на Южном фронте и получил «Георгия» за проявленную доблесть. Среди своих однополчан-офицеров он славился отчаянной храбростью, дикой жестокостью и припадками неукротимой ярости.

После революции барон фон Унгерн снова пробрался в Сибирь и стал во главе казачьего полка, который промышлял грабежами и совершал налеты на местные Советы. И, наконец, его завербовали японские агенты, уговорившие его уйти в Монголию. Ему предложили командовать пестрой армией, состоявшей из белогвардейских офицеров, антисоветских китайских частей, монголов и японцев.

В своем штабе в Урге, в атмосфере феодального разбоя и произвола, Унгерн пришел к выводу, что он — избранник судьбы. Он женился на монгольской принцессе, сменил европейское платье на желтый шелковый монгольский халат и объявил себя новым Чингисханом. Подстрекаемый японскими агентами, не покидавшими его ни на минуту, он возомнил себя императором Нового мирового порядка, возникшего на Востоке и долженствующего покорить Советскую Россию и Европу, - и огнем, мечом и пушками уничтожить «вырождающуюся демократию и еврейский коммунизм». Этот полупомешанный садист совершал чудовищные, неслыханные зверства. Однажды в небольшом сибирском городке он увидел красивую еврейку и пообещал тысячу рублей тому, кто принесет ему ее голову; голова была доставлена, и обещанная сумма выплачена.

«Я уставляю виселицами путь из Азии через всю Европу», — мечтал барон Унгерн.

В начале кампании 1921 г. Унгерн из своей ставки в Урге разослал в свои войска такую прокламацию: «Мон-

голия стала естественным плацдармом для кампании против Красной Армии в Советской Сибири...

Комиссары, коммунисты и евреи вместе с их семьями должны быть истреблены. Их имущество должно быть конфисковано... Виновных подвергать либо дисциплинарным взысканиям, либо смертной казни в той или иной форме. «Правда и милосердие» более недопустимы. Отныне может быть только «правда и беспощадная жестокость». Зло, которое обрушилось на Россию, чтобы погубить божественное начало в человеческой душе, нужно вырвать с корнем».

На суровой, пустынной окраине России военные действия Унгерна проходили в виде разбойничьих налетов, после которых оставались только сожженные деревни да изувеченные трупы мужчин, женщин и детей. Города, захваченные войсками Унгерна, отдавались им на разграбление. Евреев, коммунистов и всех, заподозренных в демократических симпатиях, расстреливали, пытали и сжигали заживо.

В июле 1921 г. Красная Армия предприняла поход против банд Унгерна. После ряда жестоких схваток, проходивших с переменным успехом, Красная Армия и советские партизаны одержали решающую победу. Банды Унгерна стали отступать, бросая орудия, обозы и раненых.

В августе Унгерн был окружен. Его личная охрана, состоявшая из монголов, взбунтовалась и выдала его советским частям. Барона в его шелковом халате привезли в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), и Чрезвычайный сибирский ревтрибунал судил его в открытом заседании как врага народа.

Это был необычайный суд...

Сотни рабочих, крестьян и солдат — русских, сибиряков, монголов и китайцев — набились в зал суда. Тысячи

толпились на улице. Многие из этих людей на себе испытали террористический режим Унгерна; их братья, дети, жены и мужья были убиты, замучены, брошены в паровозные топки.

Барона ввели в зал, и было зачитано обвинительное заключение: «Согласно постановлению Сибирского ревкома от 12 сентября 1921 г. генерал-лейтенант барон фон Унгерн-Штернберг, бывший командующий азиатской кавалерийской дивизией, предается суду Сибирского революционного трибунала по обвинению в следующих преступлениях:

1. В том, что он поставил себя на службу аннексионистским планам Японии, что выразилась в его попытках создать азиатское государство...

2. В том, что он замышлял свержение советской власти с целью восстановить в Сибири монархию и со временем посадить на престол Михаила Романова.

3. В том, что он зверски убил множество русских крестьян и рабочих и китайских революционеров».

Унгерн не пытался отрицать свои зверства. Казни, пытки и избиения — да, все это было. Объяснялось все очень просто — «война». Но ставленник Японии? «Я сам, — объяснил барон Унгерн, — намеревался использовать Японию». Он пытался отрицать обвинение в измене и в близких сношениях с Японией.

— Подсудимый лжет, утверждая, что не имел сношений с Японией, — сказал советский прокурор. — У нас есть на то доказательства.

— Я имел дело с японцами, — признался барон, — точно так же, как и с Чжан Цзолином...¹ Чингисхан до того, как завоевал свое царство, тоже подчинялся Ван-хану.

¹ «Дела», которые Унгерн вел с Чжан Цзолином, состояли в том, что Унгерн обещал ему инсценировать «отступление» перед его войсками, за что Чжан обещал ему 10% от 10 млн. мексиканских долларов, которые он путем шантажа получил от пекинского правительства. — *Примеч. авт.*

— Мы не в двенадцатом веке, — сказал прокурор, — и собрались здесь не для того, чтобы судить Чингисхана.

— Тысячу лет Унгерны повелевали! — воскликнул барон. — Они никогда никому не повиновались.

Он надменно обвел взглядом обращенные к нему лица крестьян, рабочих и солдат.

— Я отказываюсь признать власть рабочих. Как может человек думать об управлении страной, когда он даже не держит прислуги? Он не умеет приказывать!

Прокурор привел длинный перечень преступлений Унгерна — карательные экспедиции против сочувствующих Советам крестьян, ночные скачки в степи, когда факелами служили пылающие трупы, уничтожение деревень, пытки, беспощадные избиения детей...

— На мой вкус они были слишком красными, — холодно пояснил Унгерн.

— Почему вы покинули Ургу? — спросил прокурор.

— Решил вторгнуться в Забайкалье и поднять восстание крестьян, но меня взяли в плен.

— Кто взял?

— Меня предали какие-то монголы.

— А вы подумали о том, почему они так поступили?

— Меня предали.

— Признаете ли вы, что ваша кампания закончилась так же, как все другие покушения на власть трудящихся, предпринятые за последнее время? Не согласны ли вы, что из всех таких попыток ваша была последней?

— Да, — ответил барон Унгерн. — Моя попытка была последней. Как видно, я — последний из могикан.

В сентябре 1921 г. приговор Советского трибунала был приведен в исполнение. Барон Роман фон Унгерн-Штернберг — «последний из могикан» среди белогвардейских завоевателей — был расстрелян солдатами революции.

Атаман Семенов и остатки его солдат бежали через границу в Монголию и Китай.

Но прошло еще больше года, прежде чем советская земля была полностью очищена от японцев. 19 октября 1922 г. Красная Армия подошла к Владивостоку. Японцы, занимавшие город, сдались и передали победителям все свои военные склады. На следующий день из Владивостока ушли транспорты с последними японскими солдатами. Над городом взвился красный флаг.

«Решение об эвакуации, — сообщило японское министерство иностранных дел, — должно свидетельствовать о том, что Япония — не агрессивная страна и стремится к сохранению всеобщего мира».

Глава VII

ПОДВЕДЕНИЕ БАЛАНСА

В результате двух с половиной лет кровопролитной гражданской войны и интервенции в России погибло в боях, от голода и от болезней 7 миллионов мужчин, женщин и детей. Материальный ущерб, нанесенный стране, советское правительство впоследствии оценило в 60 миллиардов долларов — сумма, намного превосходящая царские долги союзникам, Интервенты не заплатили ни доллара репараций.

Было опубликовано очень мало официальных данных о том, во сколько обошлась война с Россией налогоплательщикам союзных государств. В меморандуме, который Уинстон Черчилль издал 15 сентября 1919 г., сказано, что к этому времени Англия израсходовала около 100 млн. фунтов, а Франция — от 30 до 40 млн. фунтов стерлингов на одного только Деникина. Английская кампания на севере стоила 18 млн. фунтов стерлингов. Японцы при-

знавали, что израсходовали 900 млн. иен на содержание своей семидесятитысячной армии в Сибири.

Какие же мотивы продиктовали эту ненужную и дорогостоящую необъявленную войну?

Впоследствии представители союзников, поскольку они вообще высказывались о мотивах интервенции, преподносили ее мировому общественному мнению как политический крестовый поход против большевизма.

На самом деле «антибольшевизм» играл здесь лишь второстепенную роль. Гораздо большее значение имели такие факторы, как северо-русский лес, донецкий уголь, сибирское золото и кавказская нефть. Кроме того, имелись такие обширные империалистические замыслы, как английский план Закавказской федерации, которая бы отгородила от России Индию и сделала бы возможным исключительное господство англичан в нефтеносных районах Ближнего Востока; японский план завоевания и колонизации Сибири; французский план контроля над Донецким бассейном и Черноморьем и честолюбивый, дальнего прицела, немецкий план захвата Прибалтики и Украины.

Одним из первых мероприятий советского правительства после прихода его к власти была национализация крупных промышленных предприятий царской России. Русские шахты, фабрики, заводы и нефтяные промыслы были объявлены государственной собственностью советского народа. Советское правительство аннулировало иностранные долги царской России отчасти на том основании, что ссуды сознательно давались царизму с целью помочь ему подавлять революционное движение в народе.

Российская империя, по видимости богатая и сильная, на самом деле была полуколонией англо-французского и немецкого капитала. Французские вложения в

России составляли 17 591 млн. франков. Англо-французский капитал контролировал до 72 % русского угля, железа и стали и 50 % русской нефти. Иностранные капиталисты союзных России стран ежегодно извлекали из труда русских крестьян и рабочих несколько сот миллионов франков и фунтов стерлингов в виде дивидендов, процентов и прибылей.

После Октябрьской революции лондонский «Биржевой ежегодник» за 1919 г. под заголовком «Счет России» напечатал: «Проценты не уплачены за 1918 год и позднее».

В 1920 г. член английского парламента подполковник Сесиль Лестранж Малон заявил в палате общин во время ожесточенных дебатов о политике союзников в России: «В этой стране (в Англии) есть группы людей и отдельные лица, владеющие в России деньгами и акциями, и они-то и трудятся, строят планы и затевают интриги для свержения большевистского режима... При старом режиме на эксплуатации русских рабочих и крестьян можно было наживать и десять и двадцать процентов, при социализме же, вероятно, нельзя будет ничего нажить, а мы видим, что почти весь крупный капитал в нашей стране так или иначе связан с Россией».

«Русский ежегодник» за 1918 г., — продолжал оратор, — оценивает английские и французские капиталовложения в России приблизительно в 1 600 000 000 фунтов стерлингов, т. е. около 8 млрд. долларов».

— Когда мы говорим, что... маршал Фош и французский народ против мира с Россией, мы имеем в виду не французскую демократию и не французских крестьян и рабочих, а французских акционеров. Не будем заблуждаться на этот счет. Мы имеем в виду тех людей, из чьих бесчестно нажитых сбережений состоят эти помещенные в России 1 600 000 000 фунтов.

Малон напомнил о таких концернах, как «Ройял датч шелл ойл компани», в который из русских компаний вхо-

дили Урало-Каспийская, Северо-Кавказская, Новая Шибаревская и много других нефтяных кампаний; как крупные английские военные заводы Метро-Виккерс, которые вместе с французскими Шнейдер-Крезо и немецкими Круппа фактически контролировали всю военную промышленность царской России; как большие банкирские конторы Англии и Франции — Хор, братья Бэринг, Хамбро, «Лионский кредит», «Сосиэтэ женераль», Ротшильды и парижская «Контуар насиональ д'эсконт», помещавшие в России колоссальные суммы...

— Все эти концерны связаны друг с другом, — сообщил Малон палате общин. — Все они заинтересованы в том, чтобы война в России не прекращалась... Их и тех финансистов, что сидят на противоположной стороне палаты, поддерживает пресса и другие факторы, создающие общественное мнение в этой стране.

Некоторые представители союзников не пытались скрывать, по каким мотивам они помогают белогвардейским армиям.

Сэр Фрэнсис Бейкер — европейский директор заводов Виккерса и председатель правления Русско-британской торговой палаты — в 1919 г. сказал на банкете Русского клуба в Англии, на котором присутствовали виднейшие промышленники и политические деятели: «Мы желаем успеха адмиралу Колчаку и генералу Деникину и, мне кажется, лучшее, что я могу сделать, это поднять бокал и предложить им всем выпить за здоровье адмирала Колчака, генерала Деникина и генерала Юденича!

Россия — великая страна. Все вы знаете, поскольку все тесно связано с ней деловыми узами, каковы потенциальные возможности России, будь то в области промышленности или в области минеральных богатств, или с любой другой точки зрения, потому что в России есть все...»

Когда англо-французские войска и боеприпасы потекли в Сибирь, «Бюллетень» Английской промышлен-

ной федерации, самого мощного объединения английских промышленников, восклицал: «Сибирь — самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия обеих Америк!»

Когда английские войска продвинулись на Кавказ и заняли Баку, английский экономический журнал «Нирист» заявил: «В отношении нефти Баку не имеет себе равных. Баку — величайший нефтяной центр мира. Если нефть — королева, то Баку — ее трон».

Когда армия генерала Деникина при поддержке союзников хлынула в Донецкий угольный бассейн, крупный английский угольный комбинат Р. Мартенс и К^о объявил в своей рекламной брошюре «Россия»: «По разведанным запасам угля Россия уступает только Соединенным Штатам. Согласно опубликованным материалам международного геологического конгресса, она имеет в Донецком бассейне (где действует генерал Деникин) в три раза больше антрацита, чем Великобритания, и почти вдвое больше, чем Соединенные Штаты».

И, наконец, «Японский коммерсант» суммировал: «Россия с ее населением в 180 миллионов, с ее плодородными землями, протянувшимися от Центральной Европы до берегов Тихого океана и от Арктики до Персидского залива и Черного моря... с емкостью рынка, о какой не смели мечтать даже самые большие оптимисты... Россия потенциально и фактически — житница, рыбный промысел, лесной склад, угольный бассейн, золотые, серебряные и платиновые россыпи для всего мира!»

Англо-французских и японских интервентов привлекала богатая добыча, ожидавшая завоевателей в России. У американцев мотивы были смешанные. Традиционная внешняя политика США, поскольку ее выражали Вудро Вильсон и военный департамент, требовала дружбы с Россией, как с потенциальным союзником, в противовес германскому и японскому империализму. Американские

капиталовложения в царской России были невелики, но после Февральской революции по инициативе государственного департамента было отпущено несколько сот миллионов американских долларов на поддержку непрочного режима Керенского. Государственный департамент продолжал поддерживать Керенского и даже финансировать «русское посольство» в Вашингтоне еще несколько лет после Октябрьской революции. Ряд чиновников государственного департамента сотрудничал с белогвардейскими генералами и с англо-французскими и японскими интервентами.

Самым видным из американцев, делавших ставку на антисоветскую войну, был Герберт Гувер, будущий президент США, а в то время — глава Американской организации помощи (АРА).

Герберт Гувер, по образованию горный инженер, служил в английских концернах и еще до первой мировой войны стал удачливым предпринимателем по части эксплуатации русских нефтяных промыслов. Гувер начал спекулировать русской нефтью еще в 1909 г., когда только что стали разрабатывать майкопские месторождения. За один год он организовал одиннадцать нефтяных компаний, в которых сам держал контрольный пакет акций.

Это были:

- Майкопский нефтяной синдикат
- Майкопская Ширванская нефтяная компания
- Майкопская Апшеронская нефтяная компания
- Майкопский и Генеральный нефтяной трест
- Майкопские нефтяные продукты
- Нефтяная компания Майкопской области
- Нефтяная компания Майкопской долины
- Майкопская объединенная нефтяная компания
- Майкопский Хадыженский синдикат
- Майкопская компания промышленников
- Объединение Майкопских нефтяных промыслов.

В 1912 г. бывший горный инженер уже был связан со знаменитым английским архимиллионером Лесли Урквартом еще по трем компаниям, созданным для эксплуатации лесных и минеральных богатств Урала и Сибири. Затем Гувер и Уркварт создали Русско-азиатское общество и заключили сделку с двумя царскими банками, по которой их обществу предоставлялась привилегия на разработку всех минеральных богатств в этих краях. Акции Русско-азиатского общества поднялись с 16,25 долл. в 1913 г. до 47,5 долл. в 1914 г. В том же году общество получило от царского правительства еще три выгодных концессии, в которые входили: «2 500 000 акров земли, в том числе обширные лесные массивы и источники водной энергии; залежи золота, меди, серебра и цинка, по предварительным подсчетам — всего 7 262 000 тонн; 12 действующих шахт; 2 медеплавильных завода; 20 лесопильных заводов; 250 миль железных дорог; 2 парохода и 29 барж; домны, прокатные станы, заводы по производству серной кислоты, драги и огромные залежи угля».

Общая стоимость всего этого имущества исчислялась в 1 млрд. долларов.

После Октябрьской революции все концессии были аннулированы, а имущество конфисковано советским правительством. В следующем году «Русско-азиатская компания» — новый картель, созданный Гувером и его компаньонами для охраны их интересов в России, — предъявила английскому правительству претензию на 282 млн. долларов за нанесенный ущерб и потерю предполагаемых ежегодных доходов.

«Большевизм, — сказал Гувер на Парижской мирной конференции, — это хуже, чем война».

Гувер на всю жизнь остался одним из злейших врагов советской власти. Каковы бы ни были его личные мотивы, остается фактом, что американскими продук-

тами питания поддерживали белогвардейские армии в России и кормили штурмовые войска самых реакционных режимов в Европе, когда они были заняты подавлением демократических движений, возникших после Первой мировой войны. Таким образом, американская помощь стала оружием в борьбе против народных движений в Европе¹.

«Вся американская политика в период осуществления перемирия, — заявлял Гувер в письме Освальду Гаррисону Вилларду от 17 августа 1921 г., — была направлена на то, чтобы любыми средствами предотвратить вторжение в Европу идей или армий большевизма». «Большевизм» он понимал так же, как Фош, Петэн, Нокс, Рейли и Танака. В свою бытность и министром торговли, и президентом США, а позднее как лидер изоляционистского крыла республиканской партии он неустанно боролся против установления дружественных торговых и дипломатических отношений между Америкой и Советским Союзом...

¹ До августа 1921 г. работа Гувера как главы АРА имела целью оказывать непосредственную помощь белой армии и совершенно не снабжать Советы. На советской территории сотни тысяч людей умирали от голода. Когда же Гувер под давлением американской общественности был, наконец, вынужден начать отправку продовольствия в Советскую республику, он, по сообщению одного сотрудника организации «Помощь Ближнему Востоку», напечатанному в «Нью-Йорк уорлд» в апреле 1922 г., «продолжал противодействовать сбору средств для голодающих районов России». В феврале 1922 г., когда Гувер был министром торговли, «Нью-Йорк глоб» писала в редакционной статье: «Бюрократы, засевшие в департаменте юстиции, государственном департаменте и департаменте торговли, ведут свою, частную войну с большевистским правительством... Вашингтонская пропаганда принимает угрожающие размеры... Г. Юзу, Гуверу и Дауэрти не мешало бы отчитаться в своих действиях, пока общественное недовольство не достигло слишком высокой точки. Американский народ недолго будет терпеть зазнавшуюся бюрократию, которая в своих личных низких интересах готова обречь на смерть миллионы невинных людей». — *Примеч. авт.*

Вооруженная интервенция в России потерпела крах не только благодаря беспримерной солидарности и героизму советских народов, защищавших только что обретенную свободу, но и благодаря сильной поддержке, которую оказали молодой Советской республике демократические народы всего мира. Во Франции, в Англии и в США возмущенная общественность энергично противилась отправке в белогвардейские армии солдат, оружия, продовольствия и денег. Возникали комитеты действия под лозунгом «Руки прочь от России!» Рабочие организовывали стачки, солдаты восставали против интервенционистской политики генеральных штабов. Демократически настроенные государственные деятели, журналисты, педагоги и многие представители делового мира выражали протест против необъявленного и ничем не оправданного нападения на Советскую Россию.

Начальник британского генерального штаба сэр Генри Вильсон открыто признал, что в вопросе интервенции политика союзников не получила поддержки общественности. 1 декабря 1919 г. он писал в официальной английской «Синей книге»: «Затруднения, встреченные Антантой при выработке политики в отношении России, оказались непреодолимыми, поскольку ни в одной из союзных стран общественное мнение не оказало вооруженной интервенции против большевиков достаточно решительной поддержки, в результате чего военным операциям, естественно, недоставало согласованности и целеустремленности».

Таким образом, победа Красной Армии над ее врагами явилась одновременно победой демократических народов всего мира.

И, наконец, провалу интервенции способствовал недостаток единства среди самих интервентов. Затеяла ее коалиция мировой реакции, но внутри этой коалиции

не было подлинного сотрудничества. Ее раздирали противоречивые империалистические интересы. Англичане боялись французских притязаний на Черном море и германских притязаний в Прибалтике. Американцы считали нужным не давать Японии ходу в Сибири. Белые генералы ссорились между собой из-за дележа добычи.

Вооруженная интервенция, начатая в тайне и бесчестии, окончилась позорным провалом.

Ненависть и недоверие, порожденные ею, в течение четверти века отравляли воздух Европы.

Книга вторая

ТАЙНЫ «САНИТАРНОГО КОРДОНА»

Глава VIII

БЕЛЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Вторая волна

Первый тур войны против Советской России окончился почти вничью. Советское правительство сохранило полную власть над большей частью своих территорий, но оно было подвергнуто остракизму, окружено «санитарным кордоном» враждебных марионеточных государств и выключено из нормальных политических и торговых отношений с остальным миром. Официально Советская Россия, то есть шестая часть света, не существовала, — она «не была признана».

Внутри страны советское правительство стояло лицом к лицу с экономической разрухой: разоренные заводы, затопленные шахты; запущенное земледелие, разваленный транспорт, а кроме того, — эпидемии, голод и почти поголовная неграмотность. К наследию обанкротившегося царского режима прибавились тяжелые последствия семилетней непрерывной войны, революции, контрреволюции и интервенции.

За пределами Советской России народы по-прежнему тщетно стремились к миру и не могли обрести его. Английский государственный деятель Бонар Лоу, давая обзор международного положения через четыре года после подписания Версальского мира, сообщил палате общин, что по меньшей мере в двадцати трех пунктах земного шара идет война. Япония захватила китайские провинции и жестоко расправилась с освободительным движением в Корее; британские войска подавляли народные волнения в Ирландии, Афганистане, Египте и Индии; французы вели открытую войну с друзскими племенами в Сирии, которые, к величайшей досаде французов, были вооружены пулеметами с маркой английских заводов Метро-Виккерс; германский главный штаб, пользуясь Веймарской республикой как ширмой, подготовлял истребление германских демократических элементов и восстановление германской империи.

Все европейские страны находились в состоянии смуты, вызванной заговорами и контрзаговорами фашистов, националистов, милитаристов и монархистов, причем каждый добивался собственных целей под общим лозунгом «антибольшевизма»...

А по ту сторону Атлантического океана в разгар истерической растерянности послевильсоновского периода Соединенные Штаты мечтали о состоянии «блистательной изоляции». Величайшая иллюзия американцев того времени нашла выражение в словах «возврат к нормальному состоянию». Согласно Уолтеру Липпману, писавшему тогда в «Нью-Йорк уорлд», «нормальное состояние» определяется следующими понятиями:

«Судьба Америки в основном отнюдь не связана с судьбой Европы.

Пусть Европа варится в собственном соку...

Мы можем продавать Европе и ничего не покупать у нее... а если Европу это не устраивает, это ее дело... ей же будет хуже».

Уолтер Липпман говорит в заключение: «Всяческие страхи и неурядицы привели к своего рода истерии. И она уже породила огромные армии, бешеные тарифы, авантюристическую дипломатию, всевозможные виды нездорового национализма, фашистов и Ку-клукс-клан»...

Хотя в Европе господствовало беспокойство, усталость от войны и экономическая анархия, тем не менее новые планы военной интервенции против Советской России продолжали разрабатываться и внимательно изучаться главными штабами Польши, Финляндии, Румынии, Югославии, Франции, Англии и Германии.

Продолжалась неистовая антисоветская пропаганда.

Четыре года спустя после великой войны, которая должна была положить конец всем войнам, налицо были все предпосылки для Второй мировой войны, войны против мировой демократии под лозунгом «антибольшевизма».

Массовое бегство белогвардейцев

С разгромом белых армий Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и Семенова бывшие белогвардейцы устремились на запад, на юг, на восток, растеклись по всей Европе и Дальнему Востоку, по Северной и Южной Америке.

В 1923 г. в Германии проживало полмиллиона русских белоэмигрантов. Больше четырехсот тысяч эмигрировало во Францию и сто тысяч - в Польшу. Десятки тысяч их обосновались в Прибалтике и Балканских странах, в Китае и Японии, в Канаде, Соединенных Штатах и Южной Америке. В одном Нью-Йорке поселились три тысячи русских белогвардейцев с семьями.

Общая цифра русских эмигрантов достигала от полутора до двух миллионов¹.

Под руководством Русского военного союза, штаб-квартирой которого был Париж, вооруженные отряды русских белогвардейцев формировались по всей Европе, на Дальнем Востоке и в Америке. Они открыто заявляли, что готовят новое вторжение в Советскую Россию.

Французское правительство основало морскую школу для русских белоэмигрантов в северо-африканском порту Бизерта, куда было направлено тридцать судов царского флота с шестью тысячами человек команды. Югославское правительство организовало специальные высшие военные училища для бывших офицеров царской армии и их сыновей. Большие отряды армии генерала Врангеля были целиком эвакуированы на Балканы. Восемнадцать тысяч казаков и кавалеристов были отправлены в Югославию. Семнадцать тысяч были расквартированы в Болгарии. Многие тысячи разместились в Греции и Венгрии. Русские белогвардейцы захватили в свои руки основной аппарат тайной полиции прибалтийских и балканских государств, заняли руководящие правительственные посты и взяли под свой контроль большинство агентств шпионажа.

С помощью маршала Пилсудского русский террорист Борис Савинков организовал в Польше армию численностью в тридцать тысяч человек.

После того, как атаман Семенов был изгнан из Сибири, он бежал с остатками своей армии на японскую

¹ Не все беженцы были контрреволюционерами. Тысячи сбитых с толку людей, напуганных грандиозным, непонятым им катаклизмом, влились в общий поток беженцев. Кочуя из страны в страну, они с трудом зарабатывали себе на хлеб в чуждом и новом для них мире. Некоторые из них стали шоферами такси, официантами притонов, поварами, гидами; многие нищенствовали, чтобы не умереть с голоду. Публичные дома Харбина, Шанхая и Пекина были переполнены русскими беженками. — *Примеч. авт.*

территорию. Войска его получили от японского правительства новое обмундирование и снаряжение и были легализованы как особая русская белая армия под контролем японского верховного командования.

Барон Врангель, генерал Деникин и Симон Петлюра обосновались в Париже и сразу же приняли участие в многочисленных антисоветских заговорах. Генерал Краснов и гетман Скоропадский, действовавшие заодно с кайзеровской армией на Украине, поселились в Берлине и нашли приют под крылышком германской военной разведки¹.

В 1920 г. небольшая группа крупнейших капиталистов-белоэмигрантов, имевших огромные вклады во Франции и других странах, собралась в Париже и создала организацию, которой предстояло играть значительную роль в последующих заговорах против Советской России. Организация, получившая название Торгпрома, или Русского торгового, финансового и промышленного комитета, состояла из эмигрировавших из царской России банкиров, промышленников и дельцов. В числе ее членов были Нобель, пайщик бакинских нефтяных промыслов в России; Степан Лианозов, русский «Рокфеллер»; Владимир Рябушинский, из видной купеческой семьи в царской России; Н. К. Денисов, составивший свое огром-

¹ Любопытна последующая карьера ряда генералов, руководивших армиями иностранных интервентов в Советской России. Чехословацкие генералы Сыровы и Гайда вернулись в Прагу, где первый стал главнокомандующим чехословацкой армией, второй — начальником штаба. В 1926 г. генерал Гайда участвовал в неудавшемся фашистском перевороте, а позже был замешан в других фашистских заговорах. Генерал Сыровы в 1938 г. играл роль чешского военного квислинга. Английский генерал Нокс стал по возвращении в Англию членом парламента от консерваторов, активным антисоветским деятелем и одним из основателей общества друзей националистской Испании — организации, занимавшейся испано-фашистской пропагандой в Англии в пользу генерала Франсиско Франко. Фош, Петэн, Вейган, Маннергейм, Танака, Гофман и другие генералы-интервенты стали в послевоенный период главарями антисоветского и фашистского движения. — *Примеч. авт.*

ное состояние в сталелитейной промышленности, а также другие русские финансовые магнаты, имена которых были известны в промышленных и коммерческих кругах всего мира.

Торгпромовские деятели были связаны с английскими, французскими и германскими капиталистами, которые не теряли надежды вернуть свои погибшие в России вклады или получить новые концессии в результате свержения советского строя.

«Торгпром, — заявил глава организации Денисов, — поставил своей целью всеми средствами и способами бороться с большевиками на экономическом фронте». Члены Торгпрома, согласно высказыванию Нобеля, «стремились к скорейшему возрождению своей родины и к возможности снова работать на родине».

Антисоветская деятельность Торгпрома не ограничивалась областью экономики. Официальное заявление Торгпрома гласило: «Торгово-промышленный комитет будет продолжать упорную борьбу против советского правительства, будет неуклонно осведомлять общественное мнение культурных стран об истинном смысле событий, происходящих в России, и готовить будущее восстание во имя мира и свободы».

Господин из Ревеля

В июне 1921 г. группа бывших офицеров царской армии, промышленников и аристократов созвала в Рейхенгалле, в Баварии, международную антисоветскую конференцию. Конференция, на которой присутствовали представители антисоветских организаций всей Европы, выработала план всемирной агитационной кампании против Советской России.

Конференция избрала «Верховный совет монархистов». Задачей его была «подготовка восстановления

монархии, возглавляемой законным государем из дома Романовых — в соответствии с основными законами Российской империи».

Новая национал-социалистская партия Германии прислала на конференцию своего делегата. Это был Альфред Розенберг...

Альфред Розенберг, стройный бледный брюнет с тонкими губами, с усталым и хмурым выражением лица, с лета 1919 г. стал завсегдатаем мюнхенских пивных. Его всегда можно было встретить в Аугустинербрау или в Францисканербрау, где он часами просиживал за столиком в углу. Иногда к нему подсаживались знакомые, и хотя он приветствовал их без особого жара, но едва только начинал о чем-то с азартом говорить вполголоса, как немедленно оживлялся, и в темных глазах на белом, как мел, лице загорались искры. Он одинаково бегло объяснялся на русском и на немецком языках.

Розенберг был сыном прибалтийского помещика, который владел большим имением недалеко от порта Ревель. Его отец кичился своим происхождением от тевтонских рыцарей, которые в Средние века захватили балтийские провинции, и молодой Розенберг с гордостью называл себя немцем. До русской революции он учился на архитектурном отделении Рижского политехникума. Как только большевики взяли власть в свои руки, он немедленно бежал с советской территории и присоединился к белогвардейским отрядам, которые воевали в Прибалтике под начальством генерала графа Рюдигера фон дер Гольца. В 1919 г. Розенберг внезапно появился в Мюнхене.

Идея «священного крестового похода» против Советской России проходила красной нитью через все писания Розенберга. Он видел перед собой тот апокалиптический день, когда мощные армии нового «тевтонского ордена» вторгнутся в пределы России и сметут ненавистных большевиков.

«С запада на восток идет волна, — заявлял он, — от Рейна до Вислы. С запада на восток должна она прокатиться — от Москвы до Томска»...

За демократическим фасадом Веймарской республики в тайне от всего мира под наблюдением германского верховного командования тщательно разрабатывалась программа будущего перевооружения Германии; сотни инженеров, чертежников и различных технических специалистов работали в секретной научно-исследовательской конструкторской лаборатории, построенной фирмой Борзиг в лесу под Берлином.

Официально германская военная разведка была после окончания войны расформирована. Фактически же она была реорганизована при помощи щедрых субсидий Круппа, Гугенберга и Тиссена и интенсивно работала под начальством полковника Вальтера Николаи.

Планы новой германской войны подготавливались усердно и настойчиво...

План Гофмана

Альфред Розенберг явился поставщиком политической идеологии германской нацистской партии. Другой приятель Рехберга, генерал Макс Гофман, призван был обеспечить военную стратегию.

Генерал Макс Гофман большую часть своей молодости провел в России в качестве военного атташе при царском правительстве. Он говорил по-русски не хуже, чем на родном языке. В 1905 г. тридцатипятилетним капитаном он был прикомандирован к штабу генерала фон Шлиффена и состоял во время русско-японской войны 1904—1905 гг. представителем германского командования при штабе 1-й японской армии. Гофман никогда не мог забыть того, что ему довелось увидеть на полях Манчжурии. Кажущийся безграничным фронт и плотная масса

превосходно обученных атакующих сил врезается, «как нож в масло», в более многочисленную обороняющуюся армию, с большими резервами, но мало оперативную и руководимую неумелым командованием.

В начале Первой мировой войны Гофман был назначен начальником оперативного отдела штаба VIII германской армии, защищавшей Восточную Пруссию от ожидаемого удара со стороны русских войск.

Стратегический план, приведший к разгрому царской армии при Танненберге, впоследствии приписывался военными авторитетами не Гинденбургу или Людендорфу, а Гофману. После Танненберга Гофман фактически исполнял обязанности главнокомандующего германскими силами на Восточном фронте. Он был свидетелем крушения русской императорской армии. В Брест-Литовске он диктовал советской делегации условия мира.

В двух войнах Гофман имел возможность видеть русскую армию в деле и оба раза был свидетелем ее полного поражения. Красная Армия, по мнению Гофмана, была той же старой русской армией, «превращенной в сброд».

Ранней весной 1919 г. генерал Макс Гофман появился на Парижской мирной конференции с готовым планом наступления на Москву, возглавляемого германской армией. С точки зрения Гофмана, план его сулил двойную выгоду. Он должен был не только «избавить Европу от большевизма», но одновременно спасти германскую имперскую армию и предотвратить ее расформирование. План Гофмана в измененном виде был санкционирован маршалом Фошем...

22 ноября 1919 г. в интервью для лондонской «Дейли телеграф» Гофман заявил: «За последние два года я постепенно пришел к убеждению, что большевизм является самой страшной опасностью, какая угрожала Европе в течение веков...» В своей книге «Война упущенных возможностей» Гофман сетует на то, что его первоначальный план похода на Москву не был осуществлен.

После одного из приездов генерала Гофмана в Берлин в 1923 г. английский посол лорд Д'Абернон отмечает в своем дипломатическом дневнике: «Все его убеждения подчинены одной основной идее, а именно, что в мире до тех пор не установится порядок, пока западные цивилизованные державы не объединятся и не уничтожат советское правительство».

...На вопрос, верит ли он в возможность союза между Францией, Германией и Англией для нападения на Россию, он ответил: «Это настолько необходимо, что это должно быть!»

В последовавшие за войной годы, после провала вооруженной интервенции в Советской России, Гофман предложил новый план и начал распространять его в виде конфиденциального меморандума среди различных генеральных штабов Европы. Меморандум сразу же пробудил живейший интерес в растущих профашистских кругах. Маршал Фош и начальник его штаба Петэн, оба личные и близкие друзья Гофмана, горячо поддержали его новый план. Среди лиц, также выразивших свое одобрение, были Франц фон Паген, генерал барон Карл фон Маннергейм, адмирал Хорти и британский начальник морской разведки адмирал сэра Барри Домвиль.

План Гофмана в позднейших его вариантах нашел поддержку среди значительной и влиятельнейшей части германского верховного командования, хотя он представлял собой коренное отклонение от традиционной германской политической и военной стратегии бисмарковской школы¹.

¹ Первоначально генерал Ганс фон Сект, начальник германского рейхсвера, отверг план Гофмана. Сект мечтал о военном реванше западным державам, для которого он надеялся использовать русское сырье и живую силу. Он полагал, что ему удастся договориться с оппозиционными элементами в Красной Армии и в советском правительстве. Позднее Сект принял план Гофмана и стал нацистом. — *Примеч. авт.*

В новом плане Гофман проектировал союз Германии с Францией, Италией, Англией и Польшей в целях совместного выступления против Советской России. Стратегически, согласно высказыванию прозорливого европейского комментатора Эрнеста Генри в книге «Гитлер над Россией?», план предусматривал «концентрацию новых армий на Висле и Двине, как это сделал Наполеон, молниеносный удар, под германским командованием, по отступающим большевикам, занятие Ленинграда и Москвы в течение нескольких недель, наконец, очищение страны вплоть до Урала — и спасение гибнущей цивилизации путем завоевания половины материка».

Итак, всю Европу требовалось мобилизовать и бросить, под водительством Германии, против Советского Союза.

Глава IX

НЕОБЫКНОВЕННАЯ СУДЬБА ОДНОГО ТЕРРОРИСТА

Возвращение Сиднея Рейли

Берлин, декабрь 1922 г. Германский морской офицер и офицер английской разведывательной службы беседовали в шумном зале знаменитого отеля «Адлон» с молодой, красивой, элегантно одетой дамой. Это была лондонская звезда музыкальной комедии Пепита Бобадилья, известная также как миссис Чемберс, вдова популярного английского драматурга Хэддона Чемберса. Разговор зашел о шпионаже. Англичанин заговорил об удивительных приключениях в Советской России одного из агентов английской разведки, которого он называл мистер С.

Немец слышал о мистере С. Каждый спешил рассказать какой-нибудь эпизод из его невероятных похождениях. Под конец миссис Чемберс не могла сдерживать любопытства и спросила: «Кто же такой мистер С.?»

— Кем он только не был, — ответил англичанин. — Ведь я же вам говорю, миссис Чемберс, что мистер С. — загадочная личность, самая загадочная личность в Европе. Кстати, могу добавить, что его голова оценена дороже, чем голова кого-либо из смертных. Большевики отдали бы целую область, чтобы заполучить его живым или мертвым... Он живет среди постоянных опасностей. Он не раз служил нам глазами и ушами в России и, между нами говоря, только благодаря ему большевизм не стал большей угрозой для западной цивилизации, чем теперь.

Миссис Чемберс жаждала узнать побольше о загадочном мистере С. Собеседник ее улыбнулся: «Я его видел сегодня, он живет здесь, в отеле «Адлон»»...

В тот же вечер миссис Чемберс впервые удалось взглянуть на мистера С. Это был, как писала она впоследствии, «вылощенный и элегантный мужчина, худощавый и смуглый, с несколько желчным выражением лица, какое может быть у человека, который не раз бросал вызов смерти». Миссис Чемберс влюбилась в него с первого взгляда.

Их познакомили. В этот вечер мистер С. разговаривал с миссис Чемберс «о положении в Европе, о России, о ЧК», а главное — о «большевистской опасности»... Он сообщил миссис Чемберс свое настоящее имя: капитан Сидней Джордж Рейли...

После провала своего заговора против советской власти в 1918 г. Сидней Рейли был снова послан в Россию британским военным министром Уинстоном Черчиллем, чтобы помочь генералу Деникину в организации шпионажа. Кроме того, Рейли служил связующим звеном между Деникиным и его многочисленными евро-

пейскими союзниками в борьбе против Советов. В течение 1919—1920 гг. английский шпион деятельно трудился в Париже, Варшаве и Праге над организацией антисоветских армий и шпионско-диверсантских агентств.

Далее он работал в качестве полуофициального агента на некоторых белоэмигрантов-миллионеров, в частности на своего старого приятеля и хозяина графа Шуберского. Одним из самых дерзких проектов, который Рейли помог осуществить за этот период, был Торгпром — объединение белоэмигрантских промышленников с их англо-французскими и немецкими коллегами.

В результате своих финансовых операций Рейли скопил довольно значительное состояние и был членом правления ряда фирм, связанных с крупными русскими коммерческими предприятиями.

Он завел важные международные связи и насчитывал среди своих друзей таких лиц, как Уинстон Черчилль, генерал Макс Гофман и начальник финского главного штаба Валлениус.

Фанатическая ненависть английского шпиона к Советской России не убывала. Уничтожение большевизма стало главным смыслом его жизни. Увлечение Наполеоном, незадачливым псевдозавоевателем России, сделало его рьяным коллекционером предметов, относящихся к Наполеону. Стоимость его коллекции достигала десятков тысяч долларов. Личность Наполеона гипнотизировала его.

«Корсиканский лейтенант артиллерии загасил пламя французской революции, — говорил Сидней Рейли. — Почему бы агенту английской разведки, при стольких благоприятных данных, не стать хозяином Москвы?».

18 мая 1923 г. миссис Чемберс сочеталась браком с капитаном Сиднеем Рейли в регистратуре на Генриетта-стрит, в Лондоне. Свидетелем был капитан Хилл, старый соратник Рейли московских времен.

Миссис Чемберс вскоре вошла в курс невероятных походов своего супруга. Впоследствии она писала: «Постепенно я была посвящена в те фантастические дела, которые творятся за кулисами европейской политики. Я узнала, что в каждой европейской столице под наружным спокойствием скрывается лихорадочная подрывная деятельность эмигрантов против теперешних властителей их родной страны. В Берлине, в Париже, в Праге и даже в Лондоне группы эмигрантов собирались, строили планы, замыслили заговоры. Гельсингфорс (Хельсинки) кишмя кишел контрреволюционерами, финансируемыми и поощряемыми целым рядом европейских государств. Сидней крайне интересовался этим делом и тратил на него много времени и денег».

Однажды в лондонскую квартиру Сиднея Рейли явился таинственный посетитель. Сперва он представился как «мистер Уорнер». У него была большая черная борода, закрывавшая почти все лицо, выдающиеся скулы и холодные серо-голубые глаза. Это был рослый мужчина с длинными, болтавшимися чуть не до колен руками. Он предъявил свои документы. Они состояли из британского паспорта, удостоверения, подписанного главой партии эсеров Борисом Савинковым, и рекомендательного письма от одного видного английского государственного деятеля.

— Я пробуду в Лондоне около недели, — заявил Рейли его гость. — Мне нужно договориться с вашим министерством иностранных дел.

После этого «мистер Уорнер» открыл свое инкогнито. Его настоящая фамилия была Дребков, он подвизался в качестве руководителя одной из пятерок в антисоветской организации Рейли в России в 1918 г. А теперь он возглавлял белогвардейскую подпольную организацию в Москве.

— У вас был хорошо организованный аппарат в России, капитан Рейли, — заявил Дребков. — Мы восстановили прежние связи и наладили работу. Все ваши бывшие агенты там. Помните Палкина? Он работает у нас... Рано или поздно мы одолеем краснокожих — и наступит хорошая жизнь. Но вы ведь знаете наш русский нрав. Мы строим, и строим, и строим планы, готовим один замечательный заговор за другим, а потом ссоримся между собой из-за пустяков, упускаем один счастливый случай за другим, и ничего не получается. — Затем Дребков перешел к цели своего визита. — Нам нужен для России настоящий человек, капитан Рейли, человек, который умеет приказывать и добиваться своего, чьи приказания — закон, человек, который будет руководителем, диктатором, если хотите, вроде Муссолини в Италии, человек, который решительно положит конец распрям между тамошними нашими друзьями и выкует из нас оружие такой силы, чтобы поразить им теперешних властителей России прямо в сердце.

— Что вы скажете о Савинкове? — спросил Сидней Рейли. — Он сидит в Париже. Это самый подходящий для вас человек, по-настоящему большой человек, большая личность, прирожденный руководитель и организатор.

Миссис Рейли, излагая весь разговор в своих воспоминаниях, добавляет: «Я слышала по тону Сиднея, какую огромную жертву он приносил, передоверяя это дело Савинкову, русскому руководителю, которым он так искренне восхищался».

«Дело, как всякое другое!»

Борис Савинков, которого неофициальные круги, делающие политику на Даунинг-стрит и Кэ д'Орсэ, серьезно рассматривали в 1924 г. как будущего диктатора России, был во многих отношениях одним из самых выдаю-

щихся людей, вынырнувших из хаоса крушения старой России. Худощавый, бледный, лысоватый человек с вкрадчивыми манерами, безукоризненно одетый, в неизменном сюртуке и лакированных ботинках, он скорее напоминал «директора банка», как однажды выразился Сомерсет Моэм, чем знаменитого террориста и матерого контрреволюционера. Способности его были многообразны. Уинстон Черчилль, которому Савинкова представил Сидней Рейли, впоследствии описал русского террориста в своей книге «Великие современники» как человека, сочетающего в себе «мудрость государственного деятеля, качества полководца, отвагу героя и стойкость мученика». «Вся жизнь Савинкова, — добавляет Черчилль, — прошла в заговорах».

Еще юношей Савинков был одним из влиятельных членов партии эсеров в царской России. Вместе с четырьмя другими членами он возглавлял боевую организацию партии, особый террористический комитет, ведавший подготовкой убийств царских сановников. Так, великий князь Сергей, дядя царя, и Плеве, министр внутренних дел, были убиты боевой организацией в начале двадцатого столетия¹.

После того как первая попытка свержения царского режима в 1905 г. потерпела неудачу, Борис Савинков в значительной мере охладел к революционной деятельности и занялся литературой. Он написал сенсационный автобиографический роман «Конь бледный», где описал

¹ Подлинным главой боевой организации был Евно Азеф, один из самых удивительных провокаторов, каких только знала история. Будучи сыщиком на службе царской тайной полиции, Азеф выдавал революционеров и террористов, и в то же время именно он подготовил убийство великого князя Сергея, Плеве и других царских сановников. Интересовали его только деньги, он помогал осуществлению таких убийств для того, чтобы иметь возможность требовать от партии эсеров большие суммы на расходы. Разумеется, он не осведомлял тайную полицию о своей роли в этих убийствах. — *Примеч. авт.*

свою роль в убийстве Плеве и великого князя Сергея. Он рассказал, как он сидел переодетый английским агентом в маленьком домике на одной из боковых улиц русского города с подложным английским паспортом в кармане и «тримя килограммами динамита под столом», день за днем ожидая, когда карета великого князя проедет по этой улице.

Много лет спустя, когда во время Первой мировой войны английский писатель Сомерсет Моэм был послан английской разведкой в Россию, чтобы установить связь с Савинковым¹, он сказал русскому террористу, что, вероятно, понадобилось много мужества для осуществления этих убийств, на что Савинков ответил:

— Поверьте мне, ничуть. Это такое же дело, как всякое другое. К нему тоже привыкаешь.

В июне 1917 г. Борис Савинков был назначен Керенским, по совету представителей союзных держав, на пост политического комиссара 7-й армии на Галицийском фронте. В войсках этой группировки выражалось недовольство Временным правительством, и решено было, что савинковские крутые приемы помогут уладить дело. Савинков подавил брожение. По слухам, он собственными руками застрелил большевиков, представителей Совета солдатских депутатов...

По настоянию Савинкова Керенский назначил генерала Корнилова главнокомандующим русских армий. Сам Савинков стал товарищем военного министра. В то время он уже состоял тайным агентом французского правитель-

¹ В предисловии к своей книге «Эшенден или английский агент» Сомерсет Моэм следующим образом характеризует основную цель своей поездки в Россию: «В 1917 г. я поехал в Россию. Я был послан для того, чтобы предотвратить большевистскую революцию и помешать выходу России из войны». Моэм добавляет: «Читателю известно, что мои старания не увенчались успехом». — *Примеч. авт.*

ства и подготовлял устранение Керенского и установление военной диктатуры во главе с Корниловым.

После Октябрьской революции Савинков руководил антисоветским мятежом в Ярославле, организованным на французские средства и приуроченным к замышлявшемуся Сиднеем Рейли перевороту в Москве. Савинковские отряды были разбиты Красной Армией, а сам он еле спасся. Он бежал из России и стал одним из дипломатических представителей белоэмигрантов в Европе. Вот что писал Уинстон Черчилль о Савинкове в «Великих современниках»: «Этот экс-нигилист проявил недюжинные способности и к власти, и к интригам, руководя всеми отношениями с союзниками и с политически столь же важными прибалтийскими и лимитрофными государствами, которые составляли в то время «санитарный кордон» на Востоке».

В 1920 г. Савинков перекочевал в Польшу. С помощью своего доброго приятеля маршала Пилсудского он собрал тридцать тысяч офицеров и солдат, вооружил их и стал готовить к новому нападению на Советскую Россию.

Затем он перенес свою штаб-квартиру в Прагу. Там, работая в тесном контакте с генералом Гайда, Савинков создал организацию, известную под названием Зеленой гвардии и в основном состоявшую из бывших царских офицеров. Зеленогвардейцы не раз вторгались в пределы Советской России, грабили, громили, жгли деревни, истребляли рабочих и крестьян, убивали местных должностных лиц. В этой деятельности Савинкову активно помогали агентства тайной полиции многих европейских государств.

Один из помощников Савинкова, эсер-террорист Фомичев, организовал филиал савинковского шпионско-диверсионного аппарата в Вильно, бывшей столице Литвы, захваченной поляками в 1920 г. Группа Фомичева, при участии польской разведки, стала формировать на

советской территории тайные ячейки в целях шпионажа и в помощь диверсантам, которые посылались из Польши и которые польское правительство снабжало оружием, деньгами и подложными документами.

Впоследствии в письме в газету «Известия» (напечатано 17 сентября 1924 г.) Фомичев описал деятельность своей группы: «Когда эти шпионы и отряды возвращались обратно после убийств и ограблений, я служил связью между ними и польскими властями, передавая последним похищенные документы и разведывательные материалы. Таким образом, несколько раз были посланы в Советскую Россию отряды Сергея Павловского, Прудникова, Монича, Давида Иванова и ряд других более мелких отрядов, а также одиночек-шпионов и террористов! Между прочим, я помню, как в 1922 г. был послан в Россию полковник Свежевский с заданием убить Ленина...»

Волевые качества Савинкова, его беззастенчивость в выборе средств и незаурядные организаторские способности неизменно импонировали тем белоэмигрантам и антисоветски настроенным государственным деятелям Европы, которые не переставали мечтать о свержении советского правительства. Но временами репутация Савинкова ставила этих лиц в несколько затруднительное положение. Когда в 1919 г. в Париже Уинстон Черчилль вел переговоры с бывшим царским министром Сазоновым, встал вопрос о Савинкове. Черчилль впоследствии изложил этот инцидент в своей книге «Великие современники».

— Каково ваше отношение к Савинкову? — спросил Черчилль.

Бывший царский министр сделал негодующий жест:

— Да ведь это убийца. Я сам не понимаю, как могу работать заодно с ним! Но что делать? Ему нет равного по деловитости, изворотливости и решительности.

Воскресный день в Чекерсе

В 1922 г. в разоренных областях России свирепствовал голод, и казалось, что близкое крушение советского строя неминуемо. Государственные деятели Европы, белоэмигранты и политическая оппозиция внутри Советской России деятельно заключали тайные соглашения и формировали новые русские правительства, которые были бы готовы в нужный момент приступить к исполнению своих обязанностей. Жаркие споры шли относительно возможного диктатора России. Капитан Сидней Рейли привез Савинкова к Уинстону Черчиллю.

Черчилля давно уже интриговала личность этого «литературного убийцы», как он называл Савинкова. Согласившись с Рейли, что Савинков человек, на которого можно возложить руководство крупными операциями, Черчилль решил представить его британскому премьер-министру Ллойд Джорджу. Секретное совещание должно было состояться в Чекерсе, загородной резиденции британских премьеров.

Черчилль и Савинков вместе отправились в автомобиле в Чекерс.

«Это было в воскресенье, — повествует Черчилль в «Великих современниках». — У премьер-министра в гостях было несколько духовных лиц из независимой церкви, кроме того, он был окружен хором певцов, которые приехали из Уэльса специально, чтобы устроить в его честь хоровой концерт. Несколько часов подряд они превосходно исполняли уэльские гимны, после чего состоялась наша беседа».

Однако Ллойд Джордж не был склонен покровительствовать союзу английского правительства с Борисом Савинковым. С точки зрения Ллойд Джорджа, в России «самое худшее было позади». Большевицкий опыт

социалистического контроля над промышленностью страны, разумеется, потерпит неудачу. Большевистские вожди, «поставленные перед ответственностью фактического управления государством», отступят от своих коммунистических доктрин.

Что же касается «коммунистической угрозы миру», которая, по-видимому, так волнует Черчилля и Интеллидженс сервис, то она попросту не существует, заявил Ллойд Джордж...

— Господин премьер-министр, — возразил Борис Савинков обычным своим строгим, корректным тоном, после того как Ллойд Джордж кончил говорить, — разрешите мне заметить, что за падением Римской империи последовало средневековье.

Московский процесс 1924 г.

Смерть Ленина 21 января 1924 г. оживила надежды Рейли. Его агенты сообщали из России, что оппозиционные элементы внутри страны возобновили свои попытки захватить власть. В самой партии большевиков налицо крупные разногласия и, по-видимому, имеется возможность добиться полного раскола. С точки зрения Рейли, момент для удара был самый благоприятный.

Рейли пришлось примириться с тем фактом, что его прежние планы восстановления в России царского режима устарели. Россия слишком далеко ушла от царизма. Рейли полагал, что можно будет создать диктатуру, опираясь на различные военные и политические элементы, враждебные советскому правительству. Он был убежден, что Борис Савинков — самая подходящая фигура для установления в России такого же режима, какой возглавлял Муссолини в Италии. Английский шпион кочевал из одной европейской столицы в другую, стараясь добиться

от разведывательной службы и генерального штаба каждой страны поддержки предприятия Савинкова.

Одним из главных лиц, примкнувших в это время к антисоветской кампании, был сэр Генри Вильгельм Август Детердинг, голландец, принявший английское подданство и получивший титул «сэра», глава британского международного нефтяного концерна «Ройял датч шелл». Детердинг как представитель мирового капитала выступил в роли активного деятеля интервенции в Советской России и ее финансовой опоры.

Благодаря стараниям Рейли английский нефтяной король заинтересовался Торгпромом.

У Лианозова и Манташева в Париже и у других членов Торгпрома в Европе Детердинг ловко скупил акции на крупнейшие нефтяные промыслы Советской России. Не добившись в начале 1924 г. контроля над советской нефтью путем дипломатического нажима, английский нефтяной король провозгласил себя «владельцем» русской нефти и объявил советский режим вне закона и за пределами цивилизации. Пустив в ход все грандиозные ресурсы своего богатства, влияния и бесчисленной тайной агентуры, сэр Генри Детердинг объявил войну Советской России с откровенным намерением завладеть богатыми нефтяными источниками Кавказа.

Участие Детердинга влило новые силы в предприятие Сиднея Рейли. Английский шпион немедленно начертил конкретный план нападения на Советскую Россию и представил его на рассмотрение заинтересованным лицам из европейских генеральных штабов. В этот план, вариант плана Гофмана, были включены как политические, так и военные мероприятия.

В политическом плане Рейли предусматривал контрреволюционное восстание в России, начатое тайной оппозицией совместно с террористами Савинкова. Как только контрреволюция будет пущена в ход, откроется военная

фаза. Лондон и Париж официально заявят о непризнании советского правительства и признают Бориса Савинкова диктатором России. Белые армии, находящиеся в Югославии и Румынии, вторгнутся на советскую территорию. Польша двинется на Киев. Финляндия блокирует Ленинград. Одновременно начнется вооруженное восстание на Кавказе, возглавляемое последователями грузинского меньшевика Ноя Жордания¹. Кавказ будет отделен от остальной России и объявлен «независимой» Закавказской федерацией под англо-французским протекторатом, а нефтяные источники и нефтепроводы будут возвращены прежним владельцам и иностранным акционерам.

План Рейли был одобрен и утвержден антибольшевистски настроенными руководителями французского, польского, финляндского и румынского генеральных штабов. Английское министерство иностранных дел было крайне заинтересовано в проекте отделения Кавказа от России. Итальянский фашистский диктатор Бенито Муссолини пригласил Бориса Савинкова в Рим для специального совещания. Муссолини хотел познакомиться с «русским диктатором». Он предложил снабдить агентов Савинкова итальянскими паспортами и тем обеспечить их переезды через русскую границу во время подготовки к нападению. Кроме того, дуче обещал дать инструкцию своим фашистским дипломатам и своей тайной полиции ОВРА об оказании Савинкову всяческой помощи...

Говоря словами Рейли, «грандиозный контрреволюционный заговор близился к осуществлению»...

10 августа 1924 г., после долгой заключительной беседы с Рейли, Борис Савинков, снабженный итальян-

¹ В 1918 г. Ной Жордания был главой германского марионеточного правительства на Кавказе. В 1919 г. англичане вытеснили немцев, и Жордания стал главой Закавказской республики под английским контролем. В 1924 г. он находился в Париже. Французское правительство выделило в его распоряжение субсидию в 4 млн. франков. — *Примеч. авт.*

ским паспортом, выехал в Россию. Его сопровождало несколько верных сподвижников и адъютантов из его «Зеленой гвардии». По переезде через границу ему предстояло сделать последние приготовления к повсеместному мятежу. Все меры были приняты, чтобы сохранить его инкогнито и обеспечить ему безопасность. В момент прибытия на советскую территорию его должны были встретить представители заговорщиков, которые проникли на ответственные посты в пограничных советских городах. Сейчас же по приезде Савинков должен был через тайного агента послать информацию Рейли.

Шли дни, а известий от Савинкова не поступало. Рейли ждал их в Париже со все возрастающим нетерпением и беспокойством и не мог ничего предпринять, пока не приедет курьер. Прошла неделя, две...

28 августа вспыхнуло намеченное по плану восстание на Кавказе. На рассвете вооруженный отряд приспешников Ноя Жордания напал на мирно спавший городок Чиатура в Грузии, перебил местных советских должностных лиц и завладел городом. Террористические акты, убийства и взрывы прокатились по всему Кавказу. Были сделаны попытки захвата нефтяных промыслов...

На следующий день Рейли узнал о том, что произошло с Борисом Савинковым. 29 августа 1924 г. советская газета «Известия» сообщила, что бывший террорист и контрреволюционер Борис Савинков арестован советскими властями при попытке нелегально перейти советскую границу.

Савинков и его сподвижники переходили границу из Польши. На советской территории их встретила группа людей, которых они приняли за соучастников и которые проводили их в какой-то дом в Минске. Не успели они приехать, как появился вооруженный советский офицер и заявил, что дом оцеплен. Савинков и его спутники попали в ловушку.

Восстание на Кавказе постигла такая же неудача. Горцы, на которых контрреволюционеры рассчитывали как на союзников, встали на защиту советского строя. Вместе с рабочими нефтяных промыслов они охраняли железные дороги, нефтепроводы и нефтяные промыслы до прибытия регулярных советских войск. Стычки происходили в течение нескольких недель, но с самого начала было ясно, что мятеж обречен на провал. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила 13 сентября 1924 г., что кавказское восстание «субсидировалось и руководилось из Парижа» «влиятельными капиталистами» и «бывшими владельцами бакинских нефтяных источников». Несколько дней спустя остатки контрреволюционной армии Жордания были окружены и взяты в плен советскими войсками.

Арест Савинкова и провал кавказского восстания были достаточно неприятны Сиднею Рейли и его друзьям; но открытый процесс Савинкова, состоявшийся вскоре после того в Москве, оказался для них жесточайшим ударом. К ужасу и недоумению многих видных лиц, замешанных в его планах, Борис Савинков изложил подробности всего заговора. Он преспокойно заявил советскому суду, что с самого начала знал о ловушке, ожидавшей его при переходе советской границы. «Вы ловко залучили меня в свои сети, — сказал Савинков офицеру, арестовавшему его. — Собственно говоря, я подозревал ловушку, но я решил во что бы то ни стало вернуться в Россию, И знаете почему? Я решил прекратить борьбу против вас».

Савинков сказал, что видит, наконец, всю безнадежность и все зло антисоветского движения. Он изобразил себя перед судом как честного, но введенного в заблуждение русского патриота, который постепенно изверился в своих соучастниках и в их целях.

«С ужасом убеждался я, — говорил он, — что они заботятся не о родине, не о народе, а исключительно о своих классовых интересах».

Савинков сообщил суду, что в 1918 г. французский посол Нуланс финансировал его тайную террористическую организацию в России. Нуланс отдал Савинкову приказ поднять мятеж в Ярославле в начале июля 1918 г. и обещал эффективную помощь в виде десанта французских войск. Мятеж произошел в назначенный срок, но помощь не явилась.

— Какие вы получали денежные пособия в то время, в каких размерах? — спросил председатель суда.

— Помню, я был в полном отчаянии, — ответил Савинков, — когда я не знал, откуда взять средства, и в это время без моей просьбы ко мне явились чехи. Эти чехи мне передали сразу довольно большую сумму — 200 тысяч керенских денег. Вот эти 200 тысяч керенских рублей, собственно говоря, тогда спасли эту организацию. Единственное, что говорили чехи, — это то, что они хотели бы, чтобы эти деньги, если возможно, были бы употреблены на террористическую борьбу. Они знали, — я не скрывал этого, — что я в борьбе своей признавал террористические способы. Они это знали и, передавая деньги, подчеркивали, что они хотели бы, чтобы эти деньги были, если возможно, употреблены главным образом на террористическую борьбу.

В последующие годы, говорил Савинков, ему, как русскому патриоту, стало ясно, что антисоветские элементы за границей заинтересованы не в том, чтобы поддерживать его борьбу как таковую, а смотрят на нее, как на способ приобретения русских нефтяных источников и других минеральных богатств. «Очень много, очень упорно говорили англичане со мной о том, — сказал Савинков, — что желательно образовать независимый юго-восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья. Говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должен объединиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти».

Савинков описал свои переговоры с Уинстоном Черчиллем.

— Черчилль мне показал карту юга России, где флажками были указаны деникинские и ваши войска. Помню, как меня потрясло, когда я подошел с ним к этой карте, и он показал мне деникинские флажки и вдруг сказал: «Вот это моя армия». Я ничего не ответил, у меня выросли ноги к полу, я хотел выйти, но я сейчас же представил себе: вот я хлопну дверью и выйду со скандалом из этого кабинета, а там — на далеком фронте, какие ни на есть русские добровольцы будут ходить без сапог.

— Из каких соображений англичане и французы давали эти самые сапоги, патроны, пулеметы и т. д.? — спросил председатель.

— Официальные соображения их были, конечно, весьма благородны, — ответил Савинков. — «Мы — верные союзники, вы — изменники» и т. п. А то, что под этим скрывалось, было следующее: как минимум, — вот нефть — чрезвычайно желательная вещь; а как максимум, — ну что же, русские подерутся между собой, тем лучше, тем меньше русских останется, тем слабей будет Россия.

Сенсационные показания Савинкова продолжались два дня. Он описал всю свою карьеру заговорщика. Он назвал известных государственных деятелей и капиталистов Англии, Франции и других европейских стран, которые оказывали ему поддержку. Он сказал, что невольно стал их орудием.

— Я жил под стеклянным колпаком. Это значит, что я никого не видел, кроме своих. Я не знал народа, я не знал крестьян, рабочих. Я любил их. Я готов был жизнь свою отдавать и отдавал. Но интересы их, истинные их желания, естественно, мог ли я знать?

В 1923 г. он начал понимать «всемирное значение» большевистской революции. Он стал стремиться обратно в Россию, чтобы «увидеть все своими глазами и услышать своими ушами».

«А может быть, все то, что я читаю в зарубежных газетах, есть ложь? — продолжал Савинков. — Не может быть, чтобы люди, против которых бороться нельзя, против которых никто не может бороться, чтобы эти люди ничего не сделали для русского народа».

Советский суд приговорил Бориса Савинкова к смертной казни, как изменника родине, но, приняв во внимание его чистосердечные показания, суд заменил приговор десятью годами тюремного заключения¹.

...Как только сообщение об аресте Савинкова и ошеломляющее известие об его отступничестве достигли Парижа, Сидней Рейли помчался в Лондон советоваться со своими хозяевами. 10 сентября 1924 г. в «Морнинг пост», органе английских консерваторов, появилось пространное и сенсационное сообщение Рейли. Рейли заявлял, что открытый процесс Савинкова в Москве фактически не имел места. Он категорически утверждал, что Савинков был убит при переходе советской границы, а весь процесс — чудовищный обман: Савинков был убит при попытке перейти русскую границу, а ЧК инсценировала в Москве при закрытых дверях фальсифицированный процесс с одним из своих агентов в главной роли².

¹ Во время своего пребывания в тюрьме Савинков пользовался исключительным вниманием советских властей. Ему были предоставлены особые привилегии, он имел возможность писать, он получал все книги, какие желал. Но он хотел свободы. 7 мая 1925 г. он обратился с длинным прошением к Феликсу Дзержинскому, председателю ЧК. Он просил о помиловании, предлагал сделать все, что от него потребует правительство. Получив от администрации тюрьмы предварительный ответ о малой вероятности пересмотра приговора Верховного Суда, Савинков покончил жизнь самоубийством. — *Примеч. авт.*

² Это было одним из многих нелепых «объяснений», которыми враги Советского Союза пытались дискредитировать признания, сделанные иностранными заговорщиками и русскими предателями перед советским судом. Эти «объяснения» были особенно в ходу во время так называемых московских процессов (1936—1938 гг.). — *Примеч. авт.*

Рейли горячо защищал непримиримость Савинкова как антисоветского заговорщика: «Я имел счастье быть одним из самых близких его друзей и пламенных почитателей и я считаю своим священным долгом выступить на защиту его чести... В числе очень немногих людей я был осведомлен о его намерении пробраться в Советскую Россию... Я проводил с Савинковым целые дни вплоть до его отъезда на советскую границу. Я пользовался его полным доверием, и его планы были выработаны вместе со мной».

Заявление Рейли кончалось обращением к редактору «Морнинг пост»: «Сэр, я обращаюсь к вам, как к руководителю органа, который всегда был признанным поборником антибольшевизма и антикоммунизма, и прошу вас помочь мне обелить имя и честь Бориса Савинкова!».

В то же время Рейли отправил приватное, осторожно сформулированное письмо Черчиллю:

«Дорогой мистер Черчилль!

Несчастье, постигшее Бориса Савинкова, несомненно, произвело на вас весьма тягостное впечатление. Ни мне, ни другим его близким друзьям и сотрудникам не удалось до сих пор узнать что-либо достоверное о его участи. Мы твердо убеждены в том, что он стал жертвой самой подлой и наглой из всех интриг ЧК. Наше мнение высказано в письме, которое я отправил сегодня в «Морнинг пост». Зная ваш неизменный благожелательный интерес, позволяю себе приложить при сем копию для вашего сведения.

Преданный вам, дорогой мистер Черчилль,

Сидней Рейли».

Однако неоспоримая подлинность процесса была вскоре установлена, и Рейли был вынужден адресовать в «Морнинг пост» другое письмо. Оно гласило:

«Подробные, в значительной части даже стенографические отчеты печати о процессе Савинкова, подтвержденные свидетельствами достойных доверия и беспристрастных очевидцев, не оставляют никакого сомнения в предательстве Савинкова. Мало того, что он изменил своим друзьям, своей организации, своему делу, он сознательно и безоговорочно перешел на сторону своих бывших врагов. Он помог своим тюремщикам нанести тягчайший удар антибольшевистскому движению и добиться крупного политического успеха, который они сумеют использовать как вовне, так и внутри страны. Своим поступком Савинков навсегда вычеркнул свое имя из почетного списка деятелей антикоммунистического движения. Его бывшие друзья и почитатели скорбят о его страшном и бесславном падении, но те из них, которые ни при каких обстоятельствах не пойдут наговор с врагами рода человеческого, по-прежнему сильны духом. Моральное самоубийство их руководителя побуждает их еще теснее сплотить ряды и «продолжать дело».

С почтением *Сидней Рейли*».

Вскоре после этого Рейли получил от Уинстона Черчилля сдержанную записку.

«Чартуэлль Мэнор
Уэстерхэм, Кент
15 сентября 1924 г.

Дорогой мистер Рейли!

Ваше письмо крайне заинтересовало меня. Дело приняло такой оборот, какого я лично ожидал с самого начала. Полагаю, что не следует судить Савинкова слишком строго. Он был поставлен в ужасное положение, и только те, кому удалось с честью выйти из такого испытания, вправе произнести над ним приговор. Я, во всяком случае, подожду конца всей истории, прежде чем менять свое мнение о Савинкове.

Уважающий вас *У. С. Черчилль*».

Опубликование исповеди и показаний Савинкова причиняло большую неприятность тем лицам в Англии, которые поддерживали его предприятие. В самый разгар скандала Рейли поспешил обратиться в Соединенные Штаты. Черчилль временно удалился в свое поместье в Кенте. А британское министерство иностранных дел хранило осторожное молчание.

Далее последовал сенсационный финал.

Примерно в конце октября 1924 г., за несколько дней до всеобщих выборов в Англии, крупные заголовки газеты «Дейли мейл», издаваемой лордом Ротермиром, лаконично сообщили о раскрытии Скотланд-ярдом злокозненного советского заговора против Великобритании. В качестве документального доказательства заговора «Дейли мейл» приводила пресловутое «письмо Зиновьева», якобы представлявшее собой инструкции председателя Коминтерна английским коммунистам о способах борьбы с консерваторами на предстоящих выборах.

Таков был ответ консерваторов на признание Савинкова, и он возымел действие. Консерваторы одержали на выборах победу на ярко выраженной антибольшевистской платформе.

Много лет спустя сэр Уиндэм Чайлдс из Скотланд-ярда констатировал, что никакого письма Зиновьева никогда на самом деле не было. Документ был фальшивкой, и многие иностранные агенты были замешаны в его изготовлении. Первоначальный текст вышел из недр берлинского агентства полковника Вальтера Николаи, бывшего начальника германской имперской военной разведки, теперь работавшего в тесном контакте с нацистской партией. С благословения Николаи, некий барон Иксюль, прибалтийский белогвардеец, позднее возглавлявший нацистское агентство печати, учредил в германской столице специальную контору по изготовлению антисоветских документов и по возможно более широкому и эффективному распространению этих фальшивок.

Ознакомление британского министерства иностранных дел, а за ним и «Дейли мейл» с фальсифицированным письмом Зиновьева произошло через Джорджа Белла, таинственного интернационального шпиона. Белл состоял на жаловании у нефтяного магната сэра Генри Детердинга.

Глава X

К ФИНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Антибольшевизм на Бродвее

Осенью 1924 г. на пристани собралась делегация русских белогвардейцев, чтобы приветствовать прибывших в Америку на пароходе «Новый Амстердам» капитана Сиднея Рейли с супругой. Здесь были и цветы, и шампанское, и пылкие речи в честь «героя антибольшевистского крестового похода».

Рейли очень скоро почувствовал себя в Соединенных Штатах как дома. Там в это время широко обсуждался вопрос об американском займе Советской России. Большое число видных американских дельцов стояло за заем, а советское правительство, стремясь завязать дружеские отношения с Америкой и остро нуждаясь в капиталах и техническом оборудовании для восстановления своего разрушенного хозяйства, готово было ради их получения пойти на некоторые уступки.

«Перспективы получения займа были вполне благоприятны для Советов, — вспоминала позднее миссис Рейли, — однако Сидней решил, что этому не бывать». Значительная часть его работы в Америке была направлена на то, чтобы воспрепятствовать этому займу.

Рейли немедленно окунулся в борьбу против предполагаемого займа. Он открыл на нижнем Бродвее частную контору, которая вскоре сделалась штаб-квартирой антисоветских и белогвардейских заговорщиков в Соединенных Штатах. Вскоре огромное количество антисоветской пропаганды стало поступать из его конторы и рассылаться по Соединенным Штатам в адреса влиятельных издателей, фельетонистов, педагогов, политических и финансовых деятелей.

Рейли предпринял турне по всей стране, выступая с публичными докладами об «опасности большевизма, грозящего цивилизации и мировой торговле». Он провел ряд «конфиденциальных бесед» с избранными слушателями из числа дельцов с Уолл-стрит и с богатыми промышленниками во многих городах Америки.

«Как в публичных выступлениях, так и в газетных статьях, — писала миссис Рейли, — Сидней боролся против займа большевикам, и само собой разумеется, что с помощью одного разоблачения за другим, одной сенсации за другой он одержал полную победу, и советское правительство так и не получило займа»¹.

Но главная антисоветская деятельность Рейли в Соединенных Штатах заключалась отнюдь не в саботировании займа. Основным его делом было создание на американской почве филиала «Международной антибольшевистской лиги», которая оказывала бы эффективную помощь различным антисоветским организациям, насаждаемым им как в Европе, так и в самой России. Филиалы

¹ Сидней Рейли не мог приписать исключительно себе лавры этой победы. В Соединенных Штатах имелось достаточно людей, которые так же рьяно боролись против займа России. Среди них надо назвать Герберта Гувера. «Вопрос о торговле с Россией, — заявил Гувер М. Литвинову 31 марта 1921 г., — в большей мере вопрос политический, нежели экономический, пока Россией правят большевики». — *Примеч. авт.*

этой лиги функционировали уже в Берлине, Лондоне, Париже и Риме, равно как и в прибалтийских и балканских государствах, составлявших «санитарный кордон». На Дальнем Востоке филиал лиги, финансируемый Японией, был учрежден в Харбине под руководством известного бандита, казачьего атамана Семенова. В Соединенных Штатах не было ни одной оформленной организации этого рода. А между тем для ее создания здесь имелся богатый материал...

Русские белогвардейцы, приятели Рейли, сразу же помогли ему завязать связи с наиболее влиятельными и богатыми из числа их знакомых американцев, которые охотно согласились субсидировать его антисоветское предприятие.

«Что касается денег, то настоящий рынок для такого рода сделок — здесь и только здесь, — писал Рейли в конфиденциальном письме к одному из своих европейских агентов. — Однако, чтобы добыть эти деньги, нужно приехать сюда с вполне определенным и солидным проектом и предъявить вполне реальные доказательства того, что группа меньшинства будет в скором времени в состоянии предпринять и осуществить реорганизацию дела».

«Группа меньшинства», о которой Рейли сообщал на своем условном языке, — это антисоветское движение в России. «Реорганизация дела» обозначала свержение советского правительства. Рейли добавлял: «С подобными данными было бы возможно прежде всего войти в контакт с крупнейшим автомобильным промышленником, заинтересовать его получением привилегий, представив ему гарантии, не только словесные, что эти привилегии войдут в силу. Как только его удастся привлечь, денежный вопрос можно считать решенным».

Согласно воспоминаниям миссис Рейли, ее муж подразумевал Генри Форда.

Конец карьеры Сиднея Рейли

Вскоре после приезда в Соединенные Штаты Рейли стал работать в тесном сотрудничестве с агентами фордовской антисоветской организации. При их содействии он составил «полный список тех, кто втайне работал в Америке на большевиков»¹.

Стараниями Рейли была налажена связь между антидемократическим движением в Соединенных Штатах и филиалами «Международной антибольшевистской лиги» в Европе и Азии.

Таким образом, уже весной 1925 г. был заложен фундамент для международной фашистской пропаганды и централизованного шпионажа под ширмой «антибольшевизма».

Между тем Рейли поддерживал тесный контакт со своими европейскими агентами. Он регулярно получал корреспонденцию из Ревеля, Хельсинки, Рима, Берлина и других центров антисоветских козней. Большая часть этой корреспонденции, адресованной в контору Рейли на Бродвее, была зашифрована или написана симпатическими чернилами на обороте с виду безобидных деловых писем.

Информации содержали подробные отчеты о новых этапах антисоветского движения в Европе.

Провал Савинкова на время дезорганизовал большие участки движения. Зеленая гвардия распалась. Интриги

¹ Этот список, включавший имена всех видных американцев, благожелательно высказывавшихся о Советской России, сослужил в дальнейшем большую службу американским фашистам и нацистским агентам. Элизабет Диллинг впоследствии основательно попользовалась им и ему подобными списками при сочинении своей пресловутой «Красной паутины». Георг Сильвестр Фирек, полковник Эмерсон, Оскар Пфаус и другие нацистские шпионы и агенты «пятой колонны» в Соединенных Штатах широко использовали этот документ в своей пропагандистской деятельности. — *Примеч. авт.*

и взаимные подозрения способствовали деморализации других антисоветских группировок. По всем данным, с контрреволюционным переворотом надо было повременить.

«Сидней справедливо утверждал, что контрреволюция должна начаться в самой России, — пишет миссис Рейли. — А вся его работа извне вызовет не больше чем пассивное недоброжелательство иностранцев к советской власти. К нему не раз обращались от имени московских организаций, так же как к нему обращался в Лондоне Дребков, но он вел себя уклончиво».

В начале весны Рейли получил письмо со штемпелем «Ревель, Эстония», сильно взволновавшее его.

Письмо, написанное условным кодом, было от старого приятеля Рейли капитана Э., служившего вместе с ним в Интеллидженс сервис во время мировой войны, а теперь прикомандированного к английскому консульству в одной из прибалтийских стран. Письмо, датированное 24 января 1925 г., начиналось так:

«Дорогой Сидней! К вам в Париже должны явиться от меня два лица, муж и жена по фамилии Красноштановы. Они скажут, что привезли известие из Калифорнии, и вручат вам записку со строфой из Омара Хайяма, которую вы, наверно, помните. Если их дело заинтересует вас, попросите их остаться. Если оно вам неинтересно, скажите: «Благодарю вас, будьте здоровы».

На условном языке капитана Э. и Рейли под «Красноштановыми» подразумевались антисоветский агент Шульц и его жена. «Калифорния» означала Советский Союз, строфа из Омара Хайяма означала срочное сообщение, написанное секретным кодом. Капитан Э. писал далее: «Теперь о их деле. Они являются представителями предприятия, которое, по всей вероятности, будет иметь большое влияние на европейский и американский рынок. Они полагают, что это предприятие достигнет полного

расцвета не ранее чем через два года, но некоторые благоприятные обстоятельства могут дать ему ход в ближайшем будущем. Дело это большого размаха и такого рода, что лучше о нем не распространяться...»

Капитан Э. упомянул о том, что «группа немцев» выражает большое желание участвовать в «делке», а «группа французов» и «группа англичан» привлечены к активной работе.

Возвращаясь к «предприятию», которое, как он указал, производит операции в России, капитан Э. писал: «Они отказываются в настоящий момент назвать кому бы то ни было имя лица, заправляющего всем предприятием. Могу лишь сообщить, что в числе главных действующих лиц имеются участники оппозиционных групп. Отсюда вам понятна необходимость строгой тайны... Я рекомендую вам этот проект, полагая, что он может заменить тот грандиозный план, над которым мы столько трудились и который так катастрофически провалился».

Сидней Рейли с женой выехали из Нью-Йорка 6 августа 1925 г. В следующем месяце они прибыли в Париж, и Рейли поспешил войти в контакт с Шульцами, о которых ему писал капитан Э. Они обрисовали ему внутреннее положение России. После смерти Ленина оппозиционное движение, связанное с Троцким, организовалось в обширный подпольный аппарат, который подготавливает свержение сталинского режима.

Рейли сразу же понял, какое важное значение имеет эта новая ситуация. Он пожелал возможно скорее вступить в личное общение с главарями антисталинской группы в России. Произошел обмен посланиями через тайных агентов. В результате было решено, что Рейли встретится на советской границе с одним из главных представителей оппозиционного движения. Рейли выехал в Хельсинки на свидание с начальником штаба финской армии, своим близким другом и членом антибольшеви-

стской лиги, который должен был организовать его переход через советскую границу.

Вскоре после этого Рейли писал жене, оставшейся в Париже: «В России происходит нечто совершенно новое, значительное и достойное внимания».

Неделю спустя, 25 сентября 1925 г., Рейли отправил жене из Выборга (Финляндия) следующие, наспех написанные строки: «Мне непременно нужно съездить на три дня в Петроград и Москву. Я выезжаю сегодня вечером и вернусь во вторник утром. Я хочу, чтобы ты знала, что я не предпринял бы этого путешествия без крайней необходимости и без уверенности в полном отсутствии риска, сопряженного с ним. Пишу это письмо лишь на тот маловероятный случай, если бы меня постигла неудача. Даже если это случится, прошу тебя не предпринимать никаких шагов, они ни к чему бы не привели, а только всполошили бы большевиков и способствовали бы выяснению моей личности. Меня могут арестовать в России лишь случайно, по самому ничтожному, пустяковому поводу, а мои новые друзья достаточно влиятельны, чтобы добиться моего освобождения».

Это было последнее письмо, написанное капитаном Сиднеем Рейли, сотрудником английской Интеллидженс сервис.

Прошло несколько недель, а миссис Рейли все не получала вестей от своего супруга. Тогда она отыскала в Париже Марию Шульц, сообщницу Рейли. Миссис Рейли впоследствии описала весь разговор в своих воспоминаниях:

— Когда ваш муж приехал сюда, — сообщила Мария Шульц, — я изложила ему положение дел в нашей организации. На нашей стороне ряд видных большевистских деятелей, которые заинтересованы в ликвидации существующего строя, но притом без всякого риска для себя.

Капитан Рейли, — продолжала миссис Шульц, — сперва был настроен скептически. Он говорил, что иностранная помощь в новой попытке свержения советской власти имела бы смысл лишь в том случае, если бы группа заговорщиков внутри страны обладала реальной силой.

Я заверила его, — сказала Мария Шульц, — что наша организация в России достаточно мощна, влиятельна и крепко сколочена.

Далее Шульц рассказала, как была устроена в Выборге, в Финляндии, встреча Рейли с представителями организации русских заговорщиков...

«Они произвели на капитана Рейли очень внушительное впечатление, — рассказывала Мария Шульц, — в особенности их глава, один из виднейших большевистских деятелей, который занимает высокий пост и является яростным противником существующего строя».

На следующий день Рейли и русские заговорщики направились к границе в сопровождении специально отряженного финского патруля. «Я лично, — продолжала миссис Шульц, — сопровождала их до границы, чтобы пожелать им счастливого пути». До темноты они просидели в финском пакгаузе на берегу реки. «Мы долго ждали, пока финны прислушивались, нет ли поблизости красного патруля, но все было тихо. Наконец, один из финнов осторожно спустился с берега и частью переплыл, частью перешел реку вброд. Ваш муж последовал за ним...»

Больше Мария Шульц не видела капитана Рейли.

Окончив свой рассказ, она протянула миссис Рейли вырезку из русской газеты «Известия», где сообщалось: «В ночь с 28 на 29 сентября четыре контрабандиста пытались перейти финскую границу. В результате двое было убито. Третий, оказавшийся финским солдатом, арестован, а четвертый умер в результате тяжелого ранения...»

Позднее удалось узнать следующие подробности. Рейли благополучно перешел советскую границу и имел беседу с некоторыми членами русской антисталинской оппозиции. На обратном пути, почти у самой финской границы, он и его охрана внезапно натолкнулись на советскую пограничную охрану. Рейли и его провожатые пытались бежать. Погранохрана открыла огонь. Пулей в голову Рейли был убит наповал.

Лишь несколько дней спустя советские власти выяснили личность убитого «контрабандиста». После этого они официально сообщили о смерти капитана Сиднея Джорджа Рейли, сотрудника английской Интеллидженс сервис.

Лондонская «Таймс» почтила его память некрологом в две строки: «Сидней Джордж Рейли убит 28 сентября войсками ГПУ у деревни Алекюль в России».

Глава XI

ПРЕЛЮДИЯ С БАРАБАНЫМ БОЕМ

Под внешним затишьем середины двадцатых годов двадцатого века бушевала грозная буря. На огромных пространствах земного шара пример русской революции вновь разжег надежды на свободу, пробудил национальное самосознание и грозил опрокинуть неустойчивое здание колониального империализма.

Гроза разразилась весной 1926 г. Революция вспыхнула в Китае, где единый фронт Гоминдана и коммунистов свергнул продажную пекинскую диктатуру — послушное орудие западного империализма — и создал свободный Китай.

Это событие вызвало взрыв оголтелой антисоветской пропаганды по всей Азии и всему западному миру. Китайская революция подверглась яростным нападкам как прямое следствие «московского заговора».

Японский император сразу же выразил готовность «служить оплотом против большевизма» в Азии. С одобрения западных держав Япония подготавливала интервенцию в Китае для подавления революции. Японский премьер-министр генерал Танака представил императору свой знаменитый секретный меморандум, намечавший основные цели японского империализма.

«Для того чтобы покорить мир, мы прежде всего должны покорить Китай; тогда все остальные страны южных морей испугаются нас и капитулируют, и весь мир поймет, что Восточная Азия принадлежит нам... Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы двинемся на завоевание Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но первым нашим шагом должно быть обеспечение контроля над Маньчжурией и Монголией... Рано или поздно нам придется воевать с Советской Россией»¹.

...Но китайская революция дала толчок к освободительному движению по всей Азии. Индонезия, Индокитай, Бирма и Индия волновались. Не на шутку встревоженные империалисты видели в Японии спасение от «большевизма». Главные штабы Европы снова достали из-под сукна старые планы антибольшевистского крестового похода и общего наступления на Москву.

¹ Меморандум Танака, впоследствии получивший название японской «Майн кампф», был написан в 1927 г. и впервые обнародован в 1929 г., после того как Чжан Сюэ-лян, молодой властитель Манчжурии, приобрел его у какого-то японского агента. Китайская секция Тихоокеанского института опубликовала этот документ в Соединенных Штатах и ознакомила с ним мир. — *Примеч. авт.*

На международной дипломатической конференции в Локарно и в течение 1925/26 гг. англо-французские дипломаты лихорадочно договаривались с Германией о совместных действиях против Советской России.

Представитель английских консерваторов Ормсби-Гор в своем выступлении в Манчестере 23 октября 1925 г. дал дебатам в Локарно ясное и недвусмысленное толкование: «Необходимо полное единодушие христианской цивилизации, чтобы побороть самые мрачные силы, которые когда-либо возникали не только в наш век, но, пожалуй, и в течение всей европейской истории. Насколько я понимаю, спор в Локарно идет вот о чем: свяжет ли Германия свое будущее с судьбами великих западных держав или пойдет совместно с Россией на штурм западной цивилизации? Значение Локарно огромно. Оно показывает, что нынешнее германское правительство отходит от России и связывает свою судьбу с западными державами».

Во Франции премьер Раймонд Пуанкаре открыто ратовал за совместный поход европейских держав, включая и Германию, против Советской России.

В Берлине германские антидемократические газеты заявляли, что настало время покончить с большевизмом. После ряда совещаний с генералами рейхсвера и промышленниками, связанными с нацистской партией, генерал Макс Гофман помчался в Лондон, чтобы предложить свой пресловутый план английскому министерству иностранных дел, а также избранному кругу военных и членов парламента от консерваторов.

5 января 1926 г. лондонская «Морнинг пост» опубликовала чрезвычайно странное письмо за подписью сэра Генри Детердинга. В этом письме Детердинг возвещал, что идет активная подготовка к новой военной интервенции в Советскую Россию. Он заявлял: «...Через несколько месяцев Россия вернется к цивилизации, но при новом и лучшем правительстве, нежели царское.

...С большевизмом в России будет покончено еще в текущем году; а как только это совершится, Россия вернет себе кредитоспособность в глазах всего мира, она откроет свои границы для всех, кто пожелает работать. Деньги, кредиты, а главное труд в избытке придут на помощь России».

Известный французский правый журналист Жак Бэнвиль следующим образом комментировал в Париже это письмо: «Если председатель «Ройял датч» указал срок свержения советского режима, значит он имел основания для этого...»

12 мая 1927 г. агенты британской разведывательной службы и полиция совершили налет на контору Аркоса, англо-советского акционерного общества в Лондоне. Они арестовали служащих общества и обыскали помещение, взломали ящики столов и сейфы и даже просверлили отверстия в стенах, полах и потолках в поисках «секретного архива». Не было найдено ни одного компрометирующего документа, что не помешало «Морнинг пост», «Дейли мейл» и другим антисоветским газетам напечатать нелепые басни о «доказательствах» советских козней против Великобритании, якобы обнаруженных при налете на Аркос.

Английское консервативное правительство объявило о разрыве дипломатических и торговых отношений с Россией.

В то же лето были совершены налеты на советские консульства и другие официальные учреждения в Берлине и Париже. В июне был убит в Варшаве советский посол в Польше П. Л. Войков. В партийный клуб в Ленинграде были брошены бомбы...¹

¹ Одновременно троцкистское оппозиционное движение в самой Советской России готовило свержение советского правительства. 7 ноября 1927 г. имела место попытка троцкистского путча. Многие троцкисты были арестованы. Сам Троцкий был сослан. — *Примеч. авт.*

В интервью, данном лондонской «Сандей рефери» 21 августа 1927 г., маршал Фош ясно указал, к чему клонятся все эти акты насилия.

«В феврале 1919 г., в самом начале существования ленинского государства, я заявлял, что берусь раз и навсегда искоренить большевистскую опасность при условии, если государства, окружающие Россию, будут снабжены деньгами и оружием. Мое предложение отвергли, ссылаясь на усталость от войны, но последующие события доказали, что я был прав».

В письме к Арнольду Рехбергу, одному из главных пособников нацистского движения в Германии, маршал Фош писал: «Сделать ничего нельзя до тех пор, пока Франция и Германия не будут единодушны. Прошу вас передать от меня привет генералу Гофману, горячему стороннику антибольшевистского военного союза».

Арена для войны была расчищена.

Глава XII

МИЛЛИОНЕРЫ И ДИВЕРСАНТЫ

Собрание в Париже

В один из дней поздней осени 1928 г. в отдельном кабинете известного ресторана на Больших Бульварах в Париже конспиративно собрались несколько крупнейших капиталистов из русских эмигрантов. Были приняты все меры к тому, чтобы это собрание осталось в тайне. Оно было созвано по инициативе лидеров Торгпрома. Имена собравшихся — Нобеля, Денисова, Владимира Рябушинского и других фигур того же калибра — в свое время гремели в царской России.

Эти миллионеры-эмигранты встретились здесь для секретного совещания с двумя важными гостями из Советской России.

Один из гостей, профессор Леонид Рамзин, выдающийся русский ученый, был директором Московского теплотехнического института. Второй гость, Виктор Ларичев, был председателем топливной секции Государственной плановой комиссии СССР.

Официально профессор Рамзин и Виктор Ларичев прибыли из Советской России в Париж по служебным делам. Однако истинной целью их посещения французской столицы был доклад лидерам Торгпрома о деятельности тайной шпионской организации, которую они возглавляли в Советском Союзе.

Организация, возглавляемая Рамзиным и Ларичевым, называлась Промпартией. Составленная по большей части из представителей старой технической интеллигенции, представлявшей при царском режиме узкую привилегированную касту, Промпартия насчитывала в своей тайной организации приблизительно две тысячи членов. Большинство из них занимало ответственные технические должности. Финансируемые и руководимые Торгпромом, члены Промпартии осуществляли диверсионные и шпионские задания в советской промышленности.

На собрании в ресторане первым начал свой доклад Рамзин. Он сообщил своим слушателям, что сделано было все возможное, дабы воспрепятствовать осуществлению грандиозного и смелого пятилетнего плана, который недавно создан Сталиным в целях скорейшей индустриализации шестой части света — Советской России. Члены Промпартии, по словам Рамзина, проникли во все области советской промышленности и усердно осуществляли на практике тщательно систематизированный и научно разработанный план вредительства.

«Один из наших методов, — докладывал профессор своим слушателям, — это метод минимальной стандартизации, что тормозит экономическое развитие страны и снижает темпы индустриализации. Далее существует метод создания диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, а также между отдельными участками одной и той же отрасли. И, наконец, метод «омертвления капитала», иначе говоря, вложения капитала либо в совершенно ненужное строительство, либо в такое, которое может быть отложено на долгий срок, так как в нем нет в настоящий момент нужды».

Профессор Рамзин выразил особое удовлетворение результатом, полученным методом «омертвления капитала». «Этот метод имел в виду задержать ход индустриализации, — сказал он. — Без сомнения, он понизил общий уровень экономической жизни страны, что вызвало недовольство широких масс населения».

С другой стороны, профессор Рамзин указал на ряд неприятных осложнений. Группа членов Промпартии, работавшая на рудниках в г. Шахты, недавно арестована ОГПУ. Несколько человек, действовавших на транспорте и в нефтяной промышленности, тоже арестованы. К тому же после высылки Троцкого троцкистское оппозиционное движение в корне подавлено, внутривластная борьба и разногласия почти прекратились, а это в значительной мере затрудняет операции Промпартии.

«Нам нужна ваша активная помощь, — сказал в заключение профессор Рамзин, — Но еще нужнее вооруженная интервенция для свержения большевиков».

После него выступил Денисов, председатель Торгпрома. Его слушали в почтительном молчании.

«Как вам известно, — сказал Денисов, — мы совещались с господином Пуанкаре, а также с господином Брианном. Господин Пуанкаре одобрил план военного похода против Союза Советских Социалистических Республик и

во время одного из наших последних совещаний с ним, как вы, вероятно, помните, господин Пуанкаре сообщил, что вопрос этот передан французскому генеральному штабу для разработки. Теперь могу порадовать вас дополнительными сведениями чрезвычайной важности».

Денисов сделал эффектную паузу, а слушатели затаили дыхание.

«Могу сообщить вам, что французский генеральный штаб создал специальную комиссию с полковником Жуанвиллем во главе для организации нападения на Советский Союз»¹.

В ответ послышался взволнованный гул голосов. В комнате, наполненной табачным дымом, все заговорили одновременно. Прошло несколько минут, пока Денисову удалось возобновить свой доклад о деятельности Торгпрома.

План нападения

Нападение на Советский Союз было назначено на конец лета 1929 г. или, самое позднее, на лето 1930 г.

Основные военные силы выставлялись Польшей, Румынией и Финляндией. Французский генеральный

¹ Этот же самый полковник Жуанвилль командовал в 1918 г. французской интервенционистской армией в Сибири. В то время, когда происходило собрание Торгпрома в Париже, во французский генеральный штаб входили следующие лица: маршал Фош, который был сторонником вооруженной интервенции в России с 1919 г.; маршал Петэн, чья ненависть к советской власти могла сравниться только с его страхом перед демократией и презрением к ней; генерал Вейган, который в 1920 г. вел польские войска против Красной Армии и с тех пор остался неизменным участником всех антисоветских и антидемократических заговоров. Фош умер в 1929 г.; его личный адъютант Рене Д'Опиталь стал впоследствии председателем пресловутого Франко-германского комитета, основанного в 1933 г. нацистским агентом Отто Абецом в целях распространения нацистской и антисоветской пропаганды. — *Примеч. авт.*

штаб снабжал их военными инструкторами и, по возможности, обещал помощь французских воздушных сил. Германия должна была дать технических специалистов и добровольческие полки. Англичане предоставляли свой флот. План наступления был вариантом плана Гофмана.

Первой выступает Румыния, спровоцировав пограничный инцидент в Бессарабии. Затем должна двинуться Польша вместе с лимитрофами, то есть с прибалтийскими государствами. Белая армия Врангеля, насчитывающая 100 тыс. человек, пройдя через Румынию, должна соединиться с южной армией интервентов. Британский флот будет поддерживать операции на Черном море и в Финском заливе. Красновские казаки, расквартированные с 1921 г. на Балканах, будут высажены в качестве десантов на побережье Черного моря в районе Новороссийска; они двинутся на Дон, поднимая восстание среди донских казаков, и прорвутся на Украину. Восстания на Украине и на Дону необходимы для того, чтобы перерезать железнодорожную связь между Донецким угольным бассейном и Москвой и увеличить кризис в снабжении советской промышленности металлом и горючим. Военный план сводился к одновременному удару на Москву и Ленинград, причем южная армия предполагала двигаться по правобережной части Украины, опираясь на правый берег Днепра.

Вторжение начнется внезапно и молниеносно, без объявления войны. Красная Армия не выдержит такого натиска, и падение советской власти будет вопросом дней.

На собрании, организованном Торгпромом, полковник Жуанвилль от имени французского генерального штаба спросил профессора Рамзина, каковы перспективы для получения активной военной поддержки со стороны оппозиционных элементов внутри России в момент нападения извне. Рамзин ответил, что после высылки Троц-

кого оппозиционные элементы, хотя и рассеялись и ушли в подполье, однако они все еще достаточно многочисленны, чтобы сыграть известную роль.

Полковник Жуанвилль предложил, чтобы Промпартия и ее сообщники создали специальную «военную группу». Он сообщил Рамзину имена французских тайных агентов в Москве, которые могли бы пригодиться при организации такого дела...

Из Парижа, по-прежнему под видом командировки от советского правительства, профессор Рамзин направился в Лондон для встречи с представителями «Роял датч шелл» сэра Генри Детердинга и «Метро-Виккерс», гигантского английского оружейного концерна, во главе которого стоял пресловутый сэр Базиль Захаров, имевший крупные интересы в промышленности царской России. Русского профессора информировали о том, что, хотя Франция играет ведущую роль в плане похода против Советской России, однако Англия тоже готова выполнить свой долг. Заинтересованные круги Англии предоставят финансовую поддержку, будут по-прежнему оказывать дипломатический нажим, настаивая на изоляции Советского Союза, и позаботятся о помощи английского флота в момент нападения.

Вернувшись в Москву, профессор Рамзин доложил своим соучастникам по заговору о результатах поездки за границу. Решено было, что Промпартия займется осуществлением двух заданий. Первое: максимально осложнить положение в промышленности и сельском хозяйстве и тем самым вызвать недовольство масс и дискредитировать советскую власть. Второе: создать аппарат, который мог бы оказать непосредственную помощь интервенции путем диверсий и дезорганизации тыла.

Деньги Торгпрома, переданные французскими агентами в Москве, пошли на финансирование вредительства в различных областях промышленности. Металлур-

гической промышленности досталось по распределению 500 тыс. рублей, угольной, нефтяной и торфяной — 300 тыс. рублей, текстильной — 200 тыс. рублей, электропромышленности — 100 тыс. рублей. Периодически, по требованию французских, английских или немецких агентов, члены Промпартии и их сообщники изготовляли специальные шпионские сводки о состоянии советской авиационной промышленности, о постройке аэродромов, о ходе развития военной и химической промышленности и о работе транспорта.

С приближением сроков интервенции росло нетерпение в кругах миллионеров-эмигрантов. Один из главварей Торгпрома, Владимир Рябушинский, напечатал 7 июля 1930 г. в издававшейся в Париже белоэмигрантской газете «Возрождение» статью, озаглавленную «Необходимая война».

«Грядущая вооруженная борьба с Третьим интернационалом за освобождение России будет, конечно, отнесена историей к группе справедливейших и наименее полезных войн», — писал Рябушинский. Прежние попытки интервенции в России, продолжал он, либо кончались неудачей, либо были прекращены на том основании, что их осуществление обошлось бы слишком дорого.

«В 1920—1925 гг. специалисты брались осуществить такую операцию в шесть месяцев с армией в 1 млн. человек. Расходы исчислялись в 100 млн. английских фунтов».

Однако теперь, по словам Рябушинского, для свержения советского правительства потребуется значительно меньше капиталовложений ввиду политических и экономических трудностей, переживаемых Советской Россией.

Вероятно, 500 тыс. человек и трех-четырёх месяцев будет достаточно для окончания работы вчерне. «Выколачивание» отдельных коммунистических банд, конечно, займет еще некоторое время, но оно явится скорее полицейской, чем военной операцией.

Далее Рябушинский перечислил все те «деловые» выгоды, которые принесет вторжение в Россию. Возрождающаяся русская экономика, уверял он, под руководством людей вроде него даст «ежегодный приток в европейскую экономику таких богатств в форме спроса на целый ряд товаров, что в результате будет сведена на нет пятимиллионная армия безработных австро-германцев и англичан».

Антисоветский крестовый поход — бесспорно «великий нравственный подвиг и моральная обязанность человечества». Но оставив все это в стороне и становясь на «сухую, бездушную, чисто деловую точку зрения», Рябушинский подчеркнул: «Нет в мире предприятия, которое было бы хозяйственно более оправдываемо, более рентабельно, чем освобождение России.

Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее чем в пять миллиардов, т. е. 500 процентов годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно еще на 100—200 процентов.

Где можно найти дело лучше?»

Взгляд за кулисы

Совершенно случайно в Германии в двадцатых годах приоткрылась закулисная сторона ряда антидемократических и антисоветских заговоров, которые вынашивались в те годы в промышленных и дипломатических кругах Европы...

Германские полицейские сыщики во время очередного обхода торговой части Франкфурта неожиданно наткнулись на громадное количество фальшивых советских кредиток (червонцев), лежащих на складе и сложенных громадными кипами в ожидании погрузки на паром для отправки в Советскую Россию.

Процесс, который за этим последовал, известный как «процесс фальшивомонетчиков», превратился в международный скандал. По ходу процесса в деле оказались замешанными весьма известные в Европе лица, как, например, сэр Генри Детердинг и его таинственный агент Джордж Белл, нефтяной магнат царской России Нобель, баварский пронацистский промышленник Вилли Шмидт и пресловутый генерал Макс Гофман, который умер внезапно, до окончания суда.

Перед судом по обвинению в подделке советских червонцев предстали Белл, Шмидт и два грузинских анти-советских заговорщика из приспешников Ноя Жордания: Карумидзе и Садатирашвили. В ходе судебного производства выяснилось, что целью обвиняемых было наводнить советский Кавказ фальшивыми червонцами и таким путем вызвать в Советском Союзе беспорядки и напряженное политическое положение.

«Экономические факторы, — заметил судья, разбиравший дело, — как то: нефтяные источники и минеральные богатства, — играют, по-видимому, доминирующую роль в этом деле».

Вскоре стало ясно, что подделка червонцев была только ничтожной частью колоссального заговора. Вилли Шмидт показал, что он прежде всего был заинтересован в искоренении коммунизма в Германии, но считал, что предварительно необходимо свергнуть советскую власть в России. Он признал, что оплатил издержки генерала Гофмана, когда тот ездил в 1926 г. в Лондон для представления английскому министерству иностранных дел своего плана франко-германо-британского альянса против России. Шмидт сообщил суду, что он питал «глубочайшее доверие к генералу Гофману» как ввиду его личных заслуг, так и ввиду его общеизвестной близости к нефтяным кругам Англии. Грузинский заговорщик Карумидзе в

своих показаниях отождествил «нефтяные круги» с сэром Генри Детердингом, который был главной финансовой опорой заговора.

Из дальнейших показаний выяснилось, что могущественные финансовые и политические группировки Германии, Франции и Англии разработали подробнейший план отделения Кавказа от Советского Союза как первый шаг в развязывании всеобщей войны против России. Были уже созданы синдикаты для «экономической эксплуатации освобожденных территорий». Германия предоставляла армию, технических специалистов и вооружение. Англо-французские круги должны были оказывать финансовое и дипломатическое давление на Румынию и Польшу, чтобы обеспечить их участие в крестовом походе...

На суде был прочитан при закрытых дверях документ, который, «в случае обнародования его, мог угрожать безопасности германского государства». По слухам, он изобличал германское верховное командование.

Процесс грозил большими неприятностями. «Хотя министерство иностранных дел (германское) и английское посольство заявили, что общественность будет осведомлена обо всем, — писала газета «Нью-Йорк таймс» от 23 ноября 1927 г., — однако ни для кого не секрет, что полиция получила предписание замять дело».

Процесс фальшивомонетчиков имел совершенно неожиданный финал. Германский суд объявил, что поскольку червонцы захвачены полицией до их распространения и никогда не были в обращении, то не было и никакого подлога в строгом смысле этого слова. Хотя «подделка советских денег была бесспорно доказана», — разъяснил суд, — однако виновные в подделке и их соучастники «действовали по бескорыстным политическим

мотивам и заслуживают оправдания». Обвиняемые заговорщики вышли из зала суда свободными людьми.

Отчеты об этом сенсационном процессе исчезли со столбцов газет после следующего публичного заявления сэра Генри Детердинга: «Я не собираюсь отрицать свое знакомство с генералом Гофманом. Я преклонялся перед ним, как перед солдатом и командиром. К несчастью, он умер и не может встать на свою защиту. И потому на его защиту встаю я... Генерал Гофман был непримиримым врагом большевизма. Он долго трудился над проектом объединения великих держав для борьбы с русской опасностью... Каждому изучавшему послевоенную политику известно, что он был горячим сторонником борьбы с Москвой. Какая обида, что он умер, ибо он мог бы дать достойный ответ своим клеветникам...»

Крушение мира

Наступление на Советский Союз было отложено с 1929 г. на лето 1930 г. В белоэмигрантских кругах эту отсрочку объясняли «неподготовленностью французов», однако всем было известно, что среди различных группировок возникли расхождения из-за «сфер влияния на освобожденных территориях». Английская и французская группы спорили о контроле над Кавказом и над Донецким угольным бассейном, и обе восставали против германских претензий на Украину. Несмотря на это сэр Генри Детердинг, фактический глава всего предприятия, оптимистически смотрел на разрешение этих распрей и конфиденциально предсказывал, что война начнется летом 1930 г.

15 июня 1930 г., отвечая на письмо русского белоэмигранта, который благодарил его за присланные деньги,

Детердинг писал: «Если вы действительно хотите выразить мне вашу благодарность, то я прошу вас сделать следующее: постарайтесь в новой России, которая восстанет через несколько месяцев, быть наилучшими сынами вашей родины».

Спустя месяц сэр Генри Детердинг выступал в качестве главного оратора на праздновании десятой годовщины со дня основания в Париже русской «Ecole normale», военной академии для сыновей белых офицеров и аристократов. На торжестве присутствовали эмигрировавшие русские князья и княгини, епископы, генералы, адмиралы и просто офицеры. Бок о бок с ними стояли в полной парадной форме высокие чины французской армии.

Детердинг начал свою речь словами, что присутствующим нет надобности благодарить его за помощь их делу, так как он только выполняет свой долг перед западной цивилизацией. Обращаясь к группе русских молодых людей в военной форме, он сказал: «Вам нужно надеяться на свои силы. Вы должны помнить, что вся ваша работа, ваша деятельность будет протекать на вашей родной русской земле. Надежды на скорое освобождение России, ныне переживающей национальное несчастье, крепнут и усиливаются с каждым днем. Час освобождения вашей великой родины близок...»

Все присутствующие — и французские офицеры не менее восторженно, чем русские, — аплодировали следующему заявлению сэра Детердинга: «Освобождение России может произойти гораздо скорее, чем мы все думаем, даже через несколько месяцев!»

В самый разгар военных приготовлений разразилась неожиданная катастрофа: мировой кризис.

18 декабря 1930 г. Бенито Муссолини так охарактеризовал действие, которое произвело на Европу это беспре-

цедентное событие: «Положение в Италии было вполне удовлетворительным до осени 1929 г., когда внезапно, как взрыв бомбы, разразился американский биржевой крах. Для нас, бедных европейских провинциалов, это явилось полной неожиданностью. Мы были поражены не меньше, чем был поражен весь мир смертью Наполеона... Вмиг рухнуло благополучие, и начались тяжелые времена. Фонды снизились на тридцать, сорок, пятьдесят процентов номинальной стоимости... Кризис углублялся... С того самого дня мы снова были выброшены в бурное море, и лавировать стало не легко».

Безработица, голод, массовая деморализация и нищета были неизбежными спутниками экономического краха, который начался на Уолл-стрит и скоро, как ураган, промчался по Европе и Азии, захватывая все народы, которые должны были составить «священный союз» против большевизма.

Чуть не каждый день взлетали на воздух крупные банки и промышленные концерны; мелкие вкладчики разорялись, рабочие выбрасывались на улицу. В то время как миллионы людей голодали, пшеница гнила в силосных ямах, излишки кукурузы зарывались в землю, кофе употреблялось как горючее для топок, рыба выбрасывалась обратно в море. Мир не мог больше оплачивать те товары, которые производил в переизбытке. Вмиг пошла прахом вся система экономического распределения.

В начале 1931 г. Монтегю Норман, директор Английского банка, писал м-сье Море, директору Французского банка: «Если не будут приняты экстренные меры, капиталистическая система во всем цивилизованном мире развалится не позже чем через год».

Мир рушился, и целые нации в смятении, как потерянные, метались среди развалин...

Глава XIII

ТРИ ПРОЦЕССА

Процесс Промпартии

Единственная страна, не пострадавшая от мирового кризиса, была та самая шестая часть света, которую с 1917 г. преднамеренно исключили из деловой жизни мира, — то есть Союз Советских Социалистических Республик.

В то время как все остальное человечество корчилось в тисках кризиса, Советский Союз шел по пути грандиознейшего в истории экономического и промышленного расцвета. Первый Сталинский пятилетний план неслыханными подвигами творческого труда вдохнул жизнь в старую Россию. В голой степи вырастали целые города; возникали новые шахты, фабрики, заводы. Миллионы крестьян превращались в квалифицированных рабочих, инженеров, ученых, врачей, архитекторов, педагогов. За несколько лет страна шагнула вперед на тысячелетие, и те самые мужики, чьи деды с незапамятных времен гнули спины, работая примитивными косами, мотыгами, деревянными плугами, теперь убирали богатый урожай тракторами и комбайнами и боролись с вредителями при посредстве химикалий, разбрасываемых с самолетов. А посреди этого гигантского национального революционного труда росло и мужало поколение советской молодежи, никогда не знавшей унижений царской тирании...

В это самое время советское правительство ударило по своим врагам внутри страны. Три последовательных процесса разоблачили и сокрушили торгпромовский заго-

вор — последнюю серьезную интригу англо-французского империализма и царской контрреволюции в России.

28 октября 1930 г. профессор Рамзин, а вместе с ним и другие главари и члены Промпартии были арестованы и препровождены в тюрьму. В результате арестов, произведенных агентами ОГПУ одновременно по всему Советскому Союзу, были захвачены участники эсеровского, меньшевистского и белогвардейского подполья, а также большое число польских, французских и румынских шпионов.

Процесс главарей Промпартии слушался с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. Советским Верховным Судом в Москве. Всем восьми подсудимым, включая профессора Рамзина и Виктора Ларичева, было предъявлено обвинение в пособничестве иностранным заговорам против Советского Союза, в шпионаже и вредительстве и в подготовке свержения советского правительства. Под тяжестью собранных против них улик обвиняемые один за другим вынуждены были признать свою вину. Их показания не только вскрыли во всех подробностях их шпионскую и вредительскую деятельность, но и разоблачили роль сэра Генри Детердинга, полковника Жуанвилля, Лесли Уркварта, Раймонда Пуанкаре и других видных европейских военных, политических и промышленных деятелей, оказывавших поддержку Промпартии и Торгпрому.

Пятеро подсудимых, включая профессора Рамзина и Виктора Ларичева, были приговорены как изменники родине к высшей мере наказания — расстрелу. Остальные трое подсудимых, инженеры, лишь выполнявшие чужие задания, были приговорены к десяти годам тюремного заключения¹.

¹ Через два дня после окончания процесса профессор Рамзин и четверо других подсудимых, приговоренных к смертной казни, подали во ВЦИК ходатайство о помиловании. Суд удовлетворил ходатайство и заменил смертную казнь десятью годами тюремного заключения на том ос-

Процесс меньшевиков

Вскоре после разгрома Промпартии советские власти нанесли новый удар по врагу. 1 марта 1931 г. четырнадцать главарей многочисленной диверсионной клики, состоявшей из бывших меньшевиков, предстали перед Советским Верховным Судом в Москве.

Среди подсудимых на процессе меньшевиков был ряд лиц, занимавших ответственные должности в важнейших советских административных и технических учреждениях. В первое время существования советского строя эти самые меньшевики якобы забыли свою вражду с большевиками. Сотрудничая с Промпартией и другими подпольными антисоветскими группировками, они постарались пробраться на руководящие правительственные посты. Один из меньшевистских заговорщиков, Громан, занимал ответственный пост в Государственной плановой комиссии (Госплане) и пытался саботировать мероприятия первой пятилетки, составляя неправильные планы и снижая производственные мощности ведущих отраслей промышленности.

В период между 1928 и 1930 гг. «Союзное бюро», как назывался центральный комитет подпольной меньшевистской организации, получило из иностранных источников в общей сложности около 500 тыс. рублей. Наи-

новании, что Рамзин и его сообщники были орудиями в руках подлинных заговорщиков, находящихся за пределами Советского Союза. В последующие годы профессор Рамзин, которому советскими властями были предоставлены все возможности для научной работы, полностью встал на советскую платформу и сделал ряд ценных вкладов для осуществления программы индустриализации СССР. 7 июля 1943 г. профессор Рамзин был награжден орденом Ленина и Сталинской премией в размере 150 тыс. рублей за создание конструкция прямооточного котла, признанного лучшим в мире. По Указу Президиума Верховного Совета СССР прямооточному котлу присвоено имя изобретателя. — *Примеч. авт.*

большие субсидии поступали от Торгпрома, но и другие антисоветские группировки оказывали заговорщикам существенную помощь и находились с ними в тесном контакте.

Согласно показаниям подсудимых, главным связующим звеном между ними и заграничными антисоветскими кругами служил бывший лидер русских меньшевиков Рафаил Абрамович, бежавший после революции в Германию. Один из заправил заговора Василий Шер показал: «В 1928 г. приехал из-за границы Абрамович. О его предполагавшемся приезде мы, члены ЦК, были осведомлены ранее... Абрамович указывал на необходимость перенести центр тяжести работы на группы ответственных служащих, указывая вместе с тем, что это должно быть объединено с переходом на более решительный темп дезорганизаторской деятельности».

Другой меньшевистский заговорщик, Лазарь Залкинд, сообщил суду: «Абрамович делал вывод о необходимости перехода к активно-вредительским методам работы в различных областях советского народного хозяйства в целях внесения дезорганизации в советскую экономику и дискредитации советской экономической политики в глазах рабочих масс и крестьянства. Второй базой активной борьбы с советской властью, — указал далее Абрамович, — была военная интервенция, которая направляется против СССР»¹.

9 марта 1931 г. Верховный Суд СССР вынес приговор.

¹ Второй интернационал объявил процесс меньшевиков актом «политических гонений». Абрамович опубликовал заявление, в котором отрицал факт своего приезда в Советский Союз и участия в тайных совещаниях. Однако он признавал существование там «активной нелегальной организации нашей партии, представители которой, а также отдельные члены находились в переписке с нашей заграничной делегацией в Берлине и были организационно связаны с ней». Впоследствии Абрамович переехал в Соединенные Штаты. — *Примеч. авт.*

Подсудимые меньшевики были приговорены к тюремному заключению сроком от пяти до десяти лет.

Процесс инженеров фирмы Виккерс

Около 9 часов вечера 11 марта 1933 г. советское правительство нанесло последний удар остаткам Торгпромовского заговора. ОГПУ арестовало в Москве шесть английских и десять русских инженеров. Все они состояли на службе в московской конторе английского электропромышленного предприятия «Метро-Виккерс». Английским подданным и их русским пособникам было предъявлено обвинение в шпионаже и диверсиях в Советском Союзе, совершенных по заданиям английской Интеллидженс сервис.

Представителем фирмы Виккерс в Москве был некий капитан Ч. С. Ричардс. Накануне арестов он поспешно выехал в Англию. Ричардс был английским агентом в России с 1917 г., когда в качестве офицера английской разведывательной службы он активно участвовал в антисоветских происках, предшествовавших захвату союзниками Архангельска.

Под руководством Ричардса московская контора «Метро-Виккерс» превратилась в центр операций Интеллидженс сервис в России.

Среди английских «технических специалистов», арестованных советскими властями, был один из компаньонов капитана Ричардса по архангельской экспедиции, Аллан Монкгауз, правая рука Ричардса.

Монкгауз не признавал себя виновным в предъявленных ему обвинениях, но не отрицал, что раньше был связан с Ричардсом. Он показал: «С Ричардсом я встретился в 1917 г. в Москве и позднее в Архангельске, где он, как я это утверждаю, служил в качестве капитана Интеллид-

женс сервис. Мне известно, что в апреле или мае 1918 г. Ричардс был в Москве. Зачем он приезжал, я не знаю, но зато мне известно, из его рассказа, что он тогда тайно перешел границу Финляндии. С 1923 г. он, Ричардс, получил назначение директором электроэкспортного общества «Метрополитен-Виккерс», и после этого он в том же году выехал в Москву для переговоров о поставках для переоборудования».

Монкгауз был снова послан в Россию в 1924 г. для совместной работы с Ричардсом в московской конторе Виккерса.

Другой из арестованных виккерсовских служащих, Лесли Чарльз Торнтон, посланный в Москву в качестве главного инженера фирмы Виккерс, был сыном богатого текстильного фабриканта в царской России и русским подданным по рождению. После революции он стал английским подданным и агентом английской Интеллидженс сервис. Через два дня после ареста Торнтон дал за собственноручной подписью следующие показания: «Вся наша шпионская деятельность на территории СССР руководится британской разведывательной службой через ее агента Ч. С. Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя электроэкспортной компании «Метрополитен-Виккерс».

Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и Монкгаузом, представителями вышеупомянутой британской фирмы, которая является согласно официального соглашения поставщиком советскому правительству турбин и электрического оборудования, а также предоставляет техническую помощь. Согласно инструкции Ч. С. Ричардса, данной мне в этих целях, британский персонал постепенно вовлекался в шпионскую организацию после его прибытия на территорию СССР, и ему давались инструкции о необходимой для нас информации».

Виккерсовский «инженер» Вильям Макдональд также признал предъявленные обвинения правильными и показал: «Руководителем разведки в СССР, скрытой под вывеской «Метро-Виккерс» был мистер Торнтон, который работал в Москве в качестве главного монтажного инженера. Главой представительства был мистер Монкгауз, также принимавший участие в нелегальной работе мистера Торнтона. Помощником мистера Торнтона для выезда на места и его сообщником по шпионской работе был инженер Кушни, офицер британской армии, а ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Такова основная группа работников разведки, выполнявших шпионскую работу в СССР».

За арестом виккерсовских «инженеров» немедленно последовала буря протеста в Англии. Премьер-министр Стэнли Болдуин, не дожидаясь обвинительного акта и дачи показаний, категорически заявил, что арестованные британские подданные абсолютно не виновны. Члены парламента от консерваторов снова потребовали разрыва всяких коммерческих и дипломатических отношений с Москвой. Английский посол в Советской России сэра Эсмонд Ови, приятель сэра Генри Детердинга, ворвался в Народный Комиссариат иностранных дел в Москве и заявил М. М. Литвинову, что заключенные должны быть освобождены немедленно, без суда, во избежание «серьезных осложнений в наших взаимоотношениях».

Когда 12 апреля в Колонном зале бывшего Дворянского собрания в Москве наконец начался процесс, лондонская «Таймс» от того же числа заговорила о том, что все подсудимые поддакивают обвинению. «Обсервер» от 16 апреля изображала процесс как «насилие, совершаемое под флагом правосудия и не имеющее ничего общего с судопроизводством, известным цивилизованному миру». «Ивнинг стандарт» на той же неделе описывала совет-

ского защитника Брауде как «типичного еврея, какого каждый вечер можно встретить на Шефтсбэри авеню».

Английской публике было внушено, что никакого суда над обвиняемыми по-настоящему не было, что у английских инженеров под страшными пытками вынудили признание их вины. «Дейли экспресс» от 20 марта восклицала: «Наши соотечественники терпят все ужасы русской тюрьмы». «Таймс» от 17 апреля заявляла: «Мы со страхом думаем о том, что приходится переносить мистеру Макдональду в промежутках между заседаниями». Ротермировская «Дейли мейл», которая через несколько месяцев сделалась полуофициальным органом британской фашистской партии сэра Освальда Мосли, рассказывала своим читателям о фантастическом «тибетском зелье», которым ОГПУ парализует волю своих «жертв».

Однако все британские подданные впоследствии заявили, что советские власти обращались с ними весьма вежливо и гуманно. Ни один из них не был подвергнут ни малейшему принуждению или насилию, ни допросу с применением пыток. Аллан Монкгауз, который, вопреки множеству улик, упорно отрицал, что ему было известно, чем занимались его коллеги, тем не менее 15 марта в заявлении в «Лондон диспетч» дал следующую характеристику следователям ОГПУ: «Они были исключительно любезны со мной и чрезвычайно корректны в своих допросах. Мои следователи были, по всем данным, первоклассными знатоками своего дела. Тюрьма ОГПУ оборудована на вполне современный лад, превосходно организована и содержится в безукоризненной чистоте. Я подвергся аресту впервые в жизни, но мне приходилось посещать английские тюрьмы, и я могу засвидетельствовать, что помещение ОГПУ много лучше их... Власти ОГПУ проявляли большое внимание к моим удобствам...»

Тем не менее британское правительство под давлением консерваторов наложило эмбарго на все товары,

импортируемые из Советской России. Торговля между обеими странами была прекращена...

15 апреля, после частной беседы с представителями Англии в Москве, Лесли Торнтон неожиданно взял назад признание своей вины, засвидетельствованное собственноручной подписью. На суде он показал, что записанные им факты в основном соответствуют действительности, но слово «шпион», по его утверждению, поставлено неправильно. Пытаясь объяснить, почему он первоначально употребил это слово, Торнтон заявил, что он в тот момент находился в «возбужденном состоянии». Во время публичного допроса на суде советским обвинителем Вышинским он признал, что давал свои показания совершенно «добровольно», «без какого бы то ни было влияния или давления».

«Вышинский: Ничего не извращено?»

Торнтон: Нет, вы ничего не изменили.

Вышинский: Рогинский (Рогинский — помощник главного обвинителя), может быть?

Торнтон: Нет.

Вышинский: Может быть, ОГПУ извратило?

Торнтон: Нет, это моей собственной рукой подписано все.

Вышинский: И вашей головой. Ведь, когда вы писали, вы обсуждали, думали?

Торнтон (молчит).

Председатель: А теперь чья голова за вас думает?

Торнтон: Теперь я чувствую себя иначе».

Вильям Макдональд, после частной беседы с представителями Англии в Москве, тоже внезапно взял назад свои первоначальные показания. Затем, под давлением улик, предъявленных советскими властями, Макдональд передумал снова и вернулся к первоначальному признанию своей вины. Последние слова его, обращенные к

суду, были: «Я признаю себя виновным и ничего больше не могу добавить».

18 апреля Верховный Суд вынес приговор. Все русские подсудимые, за исключением одного, были признаны виновными и приговорены к тюремному заключению на сроки от трех до десяти лет. Британский подданный Альберт Грегори за недостатком улик был оправдан. Остальные пять английских инженеров были признаны виновными. Монкгауз, Нордволл и Кушни были приговорены к удалению из пределов Советского Союза. Лесли Торнтон и Вильям Макдональд были приговорены: первый к двум, второй к трем годам тюремного заключения.

Приговоры были легкие, и делу был быстро положен конец. Советское правительство достигло своей цели, уничтожив последние остатки торгпромовского заговора, а также разгромив центр операций английской разведки в России. Советское и британское правительства пошли на взаимные уступки. Торговля была возобновлена, а английские обвиняемые, включая Торнтон и Макдональда, посажены на пароход и отправлены домой, в Англию...

На международном политическом горизонте возникло куда более опасное явление, чем вражда английских консерваторов против Советской России.

Адольф Гитлер захватил верховную власть в Германии.

Глава XIV

КОНЕЦ ЭПОХИ

Миф о «большевистской опасности» привел к власти нацистов. Под предлогом спасения Германии от коммунизма Адольф Гитлер из безвестного австрийского ефрейтора и рейхсверовского шпиона превратился в канцлера

германской империи. В ночь на 27 февраля 1933 г. Гитлер поднялся еще выше с помощью акта величайшей провокации — поджога германского рейхстага. Зажженный самими нацистами пожар был, по заявлению Гитлера, сигналом к коммунистическому восстанию против германского правительства. На этом основании нацисты объявили осадное положение, арестовали или убили видных антифашистов и разгромили профсоюзы. Пожар рейхстага сделал Гитлера «фюрером третьей империи».

«Третья империя» сменила белогвардейскую контрреволюцию в роли оплота мировой реакции. Нацизм был апофеозом контрреволюции, оснащенной грандиозными военными и промышленными ресурсами возрождающегося германского империализма.

Пятнадцать лет обманчивого мира и тайной войны против мировой демократии и прогресса под лозунгом «антибольшевизма» принесли неизбежные плоды. Огонь, спаливший рейхстаг, должен был вскоре разгореться, распространиться и стать угрозой всему земному шару.

«Мы начинаем с того места, где остановились шесть веков назад, — писал Гитлер в «Майн кампф». — Мы отказываемся от постоянного германского устремления на юг и запад Европы и обращаем свои взоры на восток. Таким образом, мы положим конец колониальной и торговой политике довоенного времени и перейдем к территориальной политике будущего. Говоря о новых землях, мы подразумеваем, в первую очередь, Россию и подчиненные ей лимитрофные государства».

Приманка «антибольшевизма» точно магнит притягивала силы мировой реакции и империализма к Адольфу Гитлеру.

Те же военные и государственные деятели, которые с готовностью поддерживали любую интригу, любой белогвардейский заговор против Советской России, теперь оказались во главе защитников и пособников нацизма.

Антибольшевистские круги Франции, группировавшиеся вокруг маршала Фоша и его бывших помощников Петэна и Вейгана, закрывали глаза на угрозу нацизма их собственной стране и жаждали одного — объединиться с новым мощным антибольшевистским движением. Маннергейм в Финляндии, Хорти в Венгрии, Сыровы в Чехословакии и все прочие европейские марионетки, участники тайной войны против Советов, мигом были превращены в авангард нацистской агрессии на востоке.

В мае 1933 г., всего через несколько месяцев после захвата Гитлером власти в Германии, Альфред Розенберг прибыл в Англию для переговоров с сэром Генри Детердингом. Нацистский «идеолог» гостил в загородном поместье нефтяного магната Бэкхерст-Парк, возле Виндзорского замка. К этому времени в Англии уже имелась могущественная и сильно возросшая пронацистская группа из числа английских консерваторов, сторонников антибольшевистского крестового похода.

28 ноября 1933 г. ротермировская «Дейли мейл» подняла вопрос, который вскоре стал господствующим в британской внешней политике: «Крепкий молодой германский нацизм — надежный страж Европы против коммунистической опасности... Германии необходимо жизненное пространство. Если Германия переключит избытки своей энергии и свои организаторские способности на большевистскую Россию, то тем самым она поможет русскому народу вернуться к цивилизованному существованию и, возможно даже, направит мировую торговлю на путь нового расцвета»...

Но в мире западной демократии были и дальновидные государственные деятели, которые отказывались принять гитлеровский антибольшевизм как оправдание всех нацистских козней и преступлений. Два видных деятеля Великобритании и Соединенных Штатов с самого начала предвидели, что с торжеством нацизма в Герма-

нии кончилась целая эпоха мировой истории. Пятнадцать лет тайной войны против Советской России вскормили в самом сердце Европы своего рода Франкенштейна, милитаризованное чудовище, грозившее миру и безопасности всех свободных наций.

Когда гитлеровские штурмовые отряды маршировали по улицам Германии, потрясая дубинками и горланя: «Сегодня Германия наша, завтра нашим будет весь мир!», из Англии раздался голос, звучавший предостережением и тревогой. Как ни странно, это был голос Уинстона Черчилля, бывшего лидера консерваторов, противников большевизма.

В декабре 1933 г. Черчилль демонстративно порвал со своими коллегами-консерваторами и разоблачил нацизм как угрозу Британской империи. В ответ на заявление лорда Ротермира, что «крепкий молодой германский нацизм — надежный страж Европы против коммунистической опасности», Черчилль сказал: «Все эти банды крепких молодых тевтонцев, марширующие по улицам и дорогам Германии... ищут оружия, но едва только они заполучат его, — поверьте мне — они потребуют возврата отнятых территорий, утраченных колоний, а такого рода требование неминуемо потрясет, если не разорит до основания, многие страны».

Черчилль настаивал на соглашении с Францией и даже с Советским Союзом против нацистской Германии. Его объявили предателем и пособником войны те самые люди, которые прежде превозносили его как поборника антибольшевистского движения...

По ту сторону Атлантического океана другой человек видел, что кончается целая эпоха мировой истории. Недавно избранный президентом Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт круто повернул курс, отказавшись от антисоветской политики своего предшественника, президента Герберта Гувера.

16 ноября 1933 г. были установлены дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В тот же самый день президент Рузвельт послал следующее письмо М. М. Литвинову: «Я твердо верю, что установленные между нашими народами отношения навсегда останутся нормальными и дружественными и что обе нации впредь будут сотрудничать между собой для взаимного блага и для сохранения мира на земле».

В том же году нацистская Германия вышла из Лиги наций. Ее место в Совете Лиги наций было занято Союзом Советских Социалистических Республик.

Началась новая эпоха, которой предстояло сделаться эпохой самого головокружительного и чудовищного предательства в истории — эпоха тайной дипломатии, основанной на терроре, убийствах, заговорах, переворотах, на хитрости и обмане, каким не было примера в прошлом.

Кульминационным пунктом ее была Вторая мировая война.

Книга третья

«ПЯТАЯ КОЛОННА» В РОССИИ

Глава XV

ПУТЬ К ИЗМЕНЕ

Бунтовщик среди революционеров

С момента захвата Гитлером власти в Германии развязывание международной контрреволюции стало составной частью нацистских планов завоевания мира. В каждой стране Гитлер приступил к мобилизации контрреволюционных сил, которые за последние пятнадцать лет организовывались во всем мире. Отныне эти силы превращались в «пятую колонну» нацистской Германии, в организации измены, шпионажа и террора. Эта «пятая колонна» стала тайным авангардом германских вооруженных сил.

Одна из самых мощных и значительных «пятых колонн» действовала в Советской России. Ее возглавлял человек, являющийся, быть может, самым примечательным политическим ренегатом в истории.

Имя этого человека было Лев Троцкий.

Когда родилась «третья империя», Троцкий уже был главарем международного антисоветского заговора, рас-

полагавшего значительными силами в самом Советском Союзе. Находясь в изгнании, Троцкий замышлял свергнуть советское правительство, возвратиться в Россию и захватить власть.

«Было время, — писал Уинстон Черчилль в своей книге «Великие современники», — когда Троцкий стоял очень близко к вакантному трону Романовых».

В 1919—1920 гг. мировая пресса провозгласила Троцкого «красным Наполеоном». Троцкий был военным комиссаром. В своей длинной щегольской шинели, начищенных до блеска сапогах, с маузером на боку, Троцкий объезжал фронты, выступая с напыщенными речами перед рядами бойцов Красной Армии. Бронепоезд, в котором разъезжал Троцкий, был превращен в его личную штаб-квартиру. Он окружал себя гвардией вооруженных телохранителей, носивших особую форму. У него всюду была своя фракция — в командовании армией, в большевистской партии и в советском правительстве. Поезд Троцкого, гвардия Троцкого, речи Троцкого, внешность Троцкого — копна черных волос, черная острокопечная бородка, пронизывающие глаза за блестящими стеклами пенсне — были известны всему миру. В Европе и в Соединенных Штатах победы Красной Армии приписывались «руководству Троцкого».

Вот как видный американский корреспондент Исаак Ф. Маркусон описывал выступление военного комиссара Троцкого на одном из массовых митингов в Москве: «Появление Троцкого было тем, что называется у актеров удачным выходом. После паузы и в соответствующий психологический момент он появился из-за кулис и быстрыми шагами направился к небольшой трибуне, которая сооружается для ораторов на всех собраниях в России.

Еще до его появления по обширной аудитории пронесся трепет ожидания. Из уст в уста передавались слова: «Идет Троцкий». Он был элементарен, почти груб в своей

страсти — человеческое динамо высокого напряжения. Он низвергал на аудиторию Ниагару слов; ничего подобного я никогда не слышал. В них звучали прежде всего тщеславие и дерзость».

После его высылки из Советской России в 1929 г. антисоветскими элементами за рубежом был создан миф вокруг имени и личности Троцкого.

Но еще в феврале 1917 г., за месяц до падения царизма, Ленин писал, что имя Троцкого обозначает «левые фразы и блок с правыми против цели левых».

Ленин называл Троцкого «Иудушкой» русской революции¹.

...Изменниками становятся, а не рождаются. Подобно Бенито Муссолини, Пьеру Лавалю, Паулю Иозефу Геб-

¹ Ниже приводятся некоторые другие характеристики, в разное время дававшиеся Лениным Троцкому и его деятельности в русской революционном движении: «Троцкий... был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой; в 1906 г. опять отошел... Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций... мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию...» «Люди, подобные Троцкому с его надутыми фразами... являются ныне «болезнью времени»... Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов... его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы...» «Блок ликвидаторов Троцкого, впередовцев... был построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе... Троцкий... прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает...» «Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится... Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...» «Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма, Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой». — *Примеч. авт.*

бельсу, Жаку Дорио, Ван Цзин-вею и другим известным авантюристам, Троцкий начал карьеру, выступив как диссидент, как «крайний левый» в революционном движении своей родины.

Троцкий — это псевдоним. Настоящее его имя Лев Давыдович Бронштейн. Он родился в зажиточной семье из средних слоев, в Яновке, небольшом городке близ Херсона, на юге России, в 1879 г. Первой честолюбивой мечтой Троцкого было — сделаться писателем. В своей автобиографии «Моя жизнь» Троцкий признавался: «Писатели, журналисты и художники всегда представляли для меня мир более привлекательный, мир, доступный только избранным».

Молодой Троцкий начал работать над пьесой; он появился в литературных салонах Одессы в высоких сапогах, в голубой блузе художника, в круглой соломенной шляпе и с черной тростью в руках. Еще в бытность студентом он примкнул к группе богемствующих радикалов. Семнадцати лет отроду он был арестован царской полицией за распространение радикальной литературы и вместе с сотнями студентов и революционеров сослан в Сибирь. Осенью 1902 г. он бежал из Сибири и поселился за границей, где и провел большую часть своей жизни в роли агитатора и заговорщика, вращаясь среди русских эмигрантов и социалистов разных национальностей, живших в европейских столицах.

В течение первых месяцев 1903 г. Троцкий был членом редакции «Искры», марксистской газеты, которую Ленин издавал в Лондоне, будучи в эмиграции. После раскола в русском марксистском движении, происшедшего летом 1903 г., Троцкий примкнул к политическим противникам Ленина — меньшевикам. Он объездил Европу, побывал в Брюсселе, Париже, Льеже, а также в Швейцарии и Германии, повсюду, где имелись колонии русского радикального студенчества, выступая с напад-

ками на Ленина и других большевиков, призывавших к созданию дисциплинированной, высоко организованной революционной партии, способной руководить борьбой против царизма. В брошюре, озаглавленной «Наши политические задачи», изданной в 1904 г., Троцкий обвинял Ленина в попытке навязать русским радикалам «казарменный режим», употребляя выражения, поразительно похожие на те, какие он впоследствии применял в своих нападках на Сталина.

В 1905 г., после поражения, понесенного царизмом в русско-японской войне, рабочие и крестьяне восстали. Это была неудавшаяся первая русская революция. Троцкий поспешно вернулся в Россию и стал одним из руководящих деятелей Петербургского совета, контролируемого меньшевиками. В лихорадочной атмосфере интриг, напряженных политических конфликтов и погони за властью Троцкий чувствовал себя как рыба в воде. В 26 лет он вынес из всего пережитого убеждение, что его призвание — быть вождем русской революции. Уже тогда Троцкий говорил о своей «звезде» и о своей «революционной интуиции». Много лет спустя он писал в «Моей жизни»: «Я приехал в Россию в феврале 1905 г. Другие главари эмиграции вернулись лишь в октябре и ноябре. Среди русских товарищей не было ни одного, у кого я мог бы чему-нибудь научиться. Напротив, мне пришлось самому взять на себя роль учителя... В октябре я с головой окунулся в гигантский водоворот, — для меня, в личном плане, это было величайшим испытанием моих сил. Решения приходилось принимать под огнем. Не могу не отметить, что эти решения приходили сами собой. Я органически чувствовал, что годы ученичества прошли... В последующие годы я учился уже как мастер, а не как ученик... Никакая большая деятельность невозможна без интуиции... События 1905 г. выявили во мне, как мне кажется, эту революционную интуицию, и на

протяжении моей дальнейшей жизни я мог опираться на ее твердую помощь... Со всей ответственностью заявляю, что в анализе политического положения в целом и его революционных перспектив я не могу обвинить себя в каких-либо серьезных ошибках суждения».

Очувтившись снова за границей после поражения революции 1905 г., Троцкий учредил в Вене свой политический штаб и оттуда повел кампанию пропаганды. Нападая на Ленина, он стремился создать свое собственное движение и выдвинуть себя на первый план, как «революционного интернационалиста». Без устали разъезжал он по Румынии, Швейцарии, Франции, Турции, вербуя сторонников и устанавливая связи с европейскими социалистами и радикалами левацкого толка. Постепенно и настойчиво Троцкий создавал себе среди русских эмигрантов-меньшевиков, эсеров и богемствующих интеллигентов репутацию главного соперника Ленина в рядах русского революционного движения.

Крушение царского режима в марте 1917 г. застало Троцкого в Нью-Йорке, где он редактировал русскую радикальную газету «Новый мир» в сотрудничестве со своим другом — Николаем Бухариным, «ультра-левым» русским политическим эмигрантом, которого один наблюдатель охарактеризовал как «белокурого Макиавелли в кожаной тужурке»¹.

Троцкий стал собираться в Россию. Поездка его была прервана, — канадские власти арестовали его в Галифаксе. После месячного заключения он по просьбе русского Временного правительства был освобожден и выехал на пароходе в Петроград.

Английское правительство разрешило Троцкому вернуться в Россию. Как писал в своих мемуарах «Англий-

¹ Троцкий прибыл в США за два месяца до свержения царя, после того, как поздней осенью 1916 г. он был выслан из Франции. Бухарин незадолго до этого приехал в США из Австрии. — *Примеч. авт.*

ский агент» Брюс Локкарт, английская разведка рассчитывала использовать в своих интересах «разногласия между Троцким и Лениным»...¹

Троцкий прибыл в Петроград в мае. Сначала он попытался создать свою собственную революционную партию — блок из бывших эмигрантов и левацких элементов различных радикальных партий. Но вскоре стало ясно, что у троцкистского движения нет будущего. Революционные массы поддерживали большевистскую партию.

В августе 1917 г. Троцкий совершил сенсационное сальто-морtale. После четырнадцати лет оппозиции Ленину и большевикам он подал заявление о приеме в большевистскую партию.

Ленин неоднократно предостерегал против Троцкого и его личного честолюбия, но теперь, в решающей борьбе за создание советского правительства, политика Ленина требовала единого фронта всех радикальных фракций, групп и партий. Троцкий был представителем сравнительно большой группы. Ходатайство Троцкого о приеме в партию большевиков было удовлетворено.

¹ В своей книге «Английский агент» Брюс Локкарт указывал на то, что английское правительство с самого начала совершило серьезную ошибку в своем отношении к Троцкому. Локкарт писал: «Что касается Троцкого, мы поступили неразумно. Во время первой революции он жил в эмиграции, в Америке. Он не был тогда ни меньшевиком, ни большевиком. Он был тем, что Ленин называл троцкистом, т. е. индивидуалистом и оппортунистом... Он никогда не был и не мог быть хорошим членом партии. Его поведение до первой революции вызвало резкое осуждение Ленина... Весной 1917 г. Керенский обратился к английскому правительству с просьбой облегчить Троцкому возвращение в Россию... Как это бывало всегда в наших отношениях с Россией, мы и тут применили роковую политику полумер. С Троцким мы обошлись как с преступником. В Галифаксе... он был интернирован в лагере для заключенных... Возбуждив в нем ожесточенную ненависть, мы затем разрешили ему вернуться в Россию». — *Примеч. авт.*

Весьма характерно, что и свой переход к большевизму Троцкий инсценировал весьма эффектно. Он привел за собой в партию всю свою пеструю свиту левых диссидентов.

Троцкий стал председателем Петроградского совета, в котором он дебютировал в 1905 г. Этот пост он сохранил и в последующие решающие дни. Когда было образовано первое советское правительство, Троцкий занял в нем пост комиссара по иностранным делам.

Левая оппозиция

Сначала на посту комиссара по иностранным делам, а затем в качестве военного комиссара, Троцкий был и оставался заправилкой так называемой левой оппозиции внутри большевистской партии.

Члены маленькой группы оппозиционеров обладали обширными связями за границей, а также среди меньшевиков и эсеров в России. Сразу же после революции они пробрались на важные посты в армии, в дипломатическом корпусе и правительственных учреждениях.

Руководство оппозицией Троцкий делил с двумя другими оппозиционерами: Николаем Бухариным, который произвел себя в «марксистские идеологи» и возглавлял группу так называемых «левых коммунистов», и Григорием Зиновьевым, дородным, красноречивым левым агитатором, который совместно с шурином Троцкого, Львом Каменевым, возглавлял свою собственную группу, так называемых «зиновьевцев». У Троцкого, Бухарина и Зиновьева часто бывали расхождения по вопросам тактики, а также на основе личного соперничества и столкновения интересов политического честолюбия, но в решающие моменты они объединяли свои силы в повторных попытках захватить контроль над советским правительством.

Последователями Троцкого были, в частности, Юрий Пятаков — радикал, выходец из богатой украинской семьи, подпавший под влияние Троцкого в бытность свою в Европе; Карл Радек — польский «левый» журналист и агитатор, сблизившийся с Троцким в Швейцарии на почве оппозиции Ленину; Николай Крестинский — в прошлом адвокат, член Думской соц.-дем. фракции; Григорий Сокольников — молодой радикал-космополит, начавший работать в Народном комиссариате иностранных дел под руководством Троцкого, и Христиан Раковский — в прошлом весьма богатый человек, оказывавший финансовую помощь румынским социалистам, болгарин по происхождению, он жил во многих европейских странах и получил медицинское образование во Франции.

Кроме этих людей, Троцкий, на посту военного комиссара, окружил себя кликой отчаянных головорезов из среды военных, образовавших его личную гвардию и фанатически преданных своему «вождю». Видным членом военной фракции Троцкого был Николай Муралов, командующий войсками Московского военного округа, человек шести футов ростом, настоящий сорви-голова. В число личных телохранителей Троцкого входили Иван Смирнов, Сергей Мрачковский и Эфраим Дрейцер. Начальником личной охраны Троцкого стал бывший эсеровский террорист Блюмкин, убийца графа Мирбаха¹.

Троцкий привлек к себе также группу бывших царских офицеров, с которыми установил дружеские отно-

¹ В апреле 1937 г. Троцкий писал о своей связи с убийцей Блюмкиным: «Во время войны он состоял членом моего военного секретариата и был лично связан со мной... Его прошлое — у него было весьма необычное прошлое — он был членом лево-эсеровской оппозиции и участвовал в восстании против большевиков. Это он убил немецкого посла Мирбаха... Я взял его к себе, в свой военный секретариат, и всегда, когда я нуждался в храбром человеке, Блюмкин был в моем распоряжении». — *Примеч. авт.*

шения и которых, несмотря на неоднократные предостережения большевистской партии, выдвигал на важные военные посты. Одним из бывших царских офицеров, с которыми Троцкий тесно сблизился в 1920 г., во время польской кампании, был Михаил Николаевич Тухачевский, военный деятель, сам метивший в Наполеоны.

Цель объединенной левой оппозиции заключалась в устранении Ленина и захвате власти в Советской России.

После разгрома белых армий и победы над интервентами перед русскими революционерами возникла серьезная проблема — как быть дальше. Троцкий, Бухарин и Зиновьев считали, что в «отсталой России» построить социализм невозможно.

Левая оппозиция хотела превратить русскую революцию в резервуар «мировой революции», в мировой центр для развязывания революции в других странах. Очищенные от «ультра-революционной фразеологии», подлинные планы левой оппозиции сводились, как неоднократно указывали Ленин и Сталин, к яростной борьбе за власть, к анархистскому разброду, а внутри России — к установлению военной диктатуры военного комиссара Троцкого и его сообщников.

Этот вопрос был главным на Съезде Советов в декабре 1920 г. Год этот был самым холодным, голодным и, пожалуй, самым критическим годом революции. Съезд собрался в Колонном зале в Москве. В занесенном снегом городе царили холод и голод, свирепствовали эпидемические болезни. В большом, нетопленном зале делегаты Съезда Советов сидели в овчинных полушубках, дрожа от сильного декабрьского холода.

Ленин поднялся на трибуну, чтобы ответить левой оппозиции. Он описал тяжелое положение в стране. Он призвал к национальному единству для борьбы с «невероятными трудностями», связанными с реорганиза-

цией экономической и общественной жизни. Он сказал Съезду: «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно».

Рядом с трибуной висела большая карта России. По знаку Ленина карта внезапно осветилась. Она показала, как Ленин мыслит будущее своей страны. Электрические огоньки засверкали в различных местах карты, показывая замерзшим, голодным делегатам съезда местоположение будущих электростанций, плотин и других грандиозных сооружений, из которых побегут потоки электрической энергии и превратят старую Россию в современную индустриализированную социалистическую страну. Шепот возбуждения, одобрения и неверия пронесся по битком набитому холодному залу.

Друг Троцкого Карл Радек, глядя на эту пророческую картину сквозь толстые стекла очков, пожал плечами и пробормотал: «Электрофикация!» Острота Радека стала троцкистским лозунгом. Бухарин говорил, что Ленин пытается одурачить крестьян и рабочих «утопической болтовней» об электричестве.

За пределами Советской России международные друзья и сторонники Троцкого в социалистических и лево-коммунистических кругах считали, что режим Ленина обречен. Были и другие наблюдатели, также полагавшие, что Троцкий и левая оппозиция стоят у порога власти. Американский корреспондент Исаак Ф. Маркусон писал, что Троцкий «имеет за собой комсомол и большинство командиров и рядовых Красной Армии». Но внешний мир, подобно самому Троцкому, переоценивал его силу и популярность.

Стараясь собрать вокруг себя массы, Троцкий объезжал страну, устраивал эффектные выходы на митин-

гах, произносил страстные речи, обвиняя «старых» большевиков в «перерождении» и призывая «молодежь» поддержать его движение. Но русские солдаты, рабочие и крестьяне, только что расправившиеся с претендентами в «белые Наполеоны», вовсе не были расположены терпеть у себя «красного Наполеона». Сэр Бернард Пэйрс в своей «Истории России» писал о Троцком того периода: «Проницательный критик, близко наблюдавший его, правильно подметил, что по своей природе и по своим методам Троцкий принадлежит к дореволюционным элементам. Демагоги выходили из моды».

На X Съезде большевистской партии в марте 1921 г. была принята резолюция, запрещающая всякие фракционные группировки в партии, как угрожающие единству партии. Отныне все партийные руководители обязаны были подчиняться решениям большинства под угрозой исключения из партии. Центральный Комитет особо предупреждал «товарища Троцкого» насчет его «фракционной деятельности» и указывал, что «враги государства», пользуясь сумятицей, вызванной его раскольническими действиями, проникают в партию и называют себя «троцкистами». Видные троцкисты и другие левые оппозиционеры были сняты с занимаемых ими постов. Главный помощник Троцкого по военным делам Николай Муралов был смещен с должности командующего стратегически важным Московским военным округом. Позднее на этот пост был назначен старый большевик К. Ворошилов.

В апреле следующего, 1922 года Иосиф Сталин был избран генеральным секретарем ЦК партии, и ему было поручено выполнение планов Ленина. После прямого предупреждения со стороны партии и снятия с руководящих постов последователей Троцкого ряды его сторонников стали таять. Престиж его поколебался, избрание Сталина нанесло сокрушительный удар троцкистской фракции в рядах партии.

С самого начала левая оппозиция действовала двумя путями: открыто, с публичной трибуны, в своих газетах и аудиториях оппозиционеры несли свою пропаганду в народ. За сценой же подпольные совещания Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Радека, Пятакова и др. вырабатывали свои стратегические планы и договаривались о тактике оппозиции.

На базе этого оппозиционного движения Троцкий создал в России тайную организацию заговорщиков, построенную по «системе пятерок», которую в свое время ввел Рейли и которая применялась эсерами и другими антисоветскими заговорщиками.

К 1923 г. подпольный аппарат Троцкого уже представлял собой широко разветвленную организацию. Троцким и его приверженцами были разработаны для нелегальной связи специальные коды, шифры и пароли. По всей стране были организованы подпольные типографии. Троцкистские ячейки были созданы в армии, дипломатическом корпусе, в государственных и партийных учреждениях.

Много лет спустя Троцкий сообщил, что сын его Лев Седов был в это время вовлечен в троцкистский заговор, который давно уже не представлял политической оппозиции в большевистской партии, а был на грани слияния с тайной войной против советского строя.

«В 1923 году, — писал Троцкий в 1938 г. в своей брошюре «Лев Седов: сын, друг, борец», — Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов. В скором времени в комсомоле выросли собственные кадры руководителей оппозиции».

Но Троцкий не ограничился организацией заговоров внутри Советской России...

Зимой 1921/22 г. один из руководящих троцкистов — Николай Крестинский, бывший адвокат, смуглый брюнет с уклончивым взглядом бегающих глаз — был назначен советским послом в Германии. В Берлине Крестинский явился с официальным визитом к генералу Гансу фон Секту, командующему рейхсвером. Из донесений своей разведки Сект знал, что Крестинский — троцкист. Немецкий генерал дал понять Крестинскому, что рейхсвер сочувствует целям русской оппозиции, возглавляемой военным комиссаром Троцким.

Несколько месяцев спустя, в Москве, Крестинский сообщил Троцкому об этих словах генерала Секта. Троцкий отчаянно нуждался в средствах для финансирования своей растущей подпольной организации. Он сказал Крестинскому, что оппозиция в России нуждается в союзниках за рубежом и что она должна быть готова к заключению союзов с дружественными державами. Германия, добавил Троцкий, не является врагом России; ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении Франции и Англии, столкновение ее с Советской Россией на ближайшее время исключено. Оппозиционные политики в Советской России должны быть готовы к тому, чтобы воспользоваться этой ситуацией...

В 1922 г. Крестинский вернулся в Берлин с тайной инструкцией. Троцкий поручил ему, «воспользовавшись встречей с Сектом при официальных переговорах, предложить ему, Секту, чтобы он оказывал систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы». Вот что произошло, по рассказу Крестинского: «Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом... Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие и поставил в виде контр-

требования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему... некоторые секретные и серьезные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято и, начиная с 1923 года, этот договор стал приводиться в исполнение».

21 января 1924 г. умер создатель и вождь большевистской партии — Владимир Ильич Ленин.

Троцкий тогда отдыхал на Кавказе, после легкого приступа инфлуэнцы. Он не поехал в Москву на похороны Ленина и продолжал оставаться в Сухуми, на приморском курорте.

«В Сухуми, — писал Троцкий в «Моей жизни», — я проводил целые дни, лежа на балконе, выходявшем на море. Хотя уже стоял январь, солнце было ярким и теплым... Вдыхая морской воздух, я всем существом ощущал уверенность в своей исторической правоте...»

Борьба за власть

Тотчас же после смерти Ленина Троцкий стал заявлять о своих притязаниях на власть. На тринадцатом партийном съезде, в мае 1924 г., Троцкий потребовал, чтобы его платформа была поставлена на голосование. Семьсот сорок восемь большевистских делегатов съезда единодушно голосовали против платформы Троцкого и осудили его борьбу за личную власть. Всенародное осуждение Троцкого было столь очевидным, что даже Бухарин, Зиновьев и Каменев были вынуждены публично присоединиться к большинству и голосовать против него. Троцкий яростно обрушился на них за «измену». Но несколько месяцев спустя Троцкий и Зиновьев снова объединили свои силы и образовали «новую оппозицию».

«Новая оппозиция» пошла дальше, чем все предшествовавшие фракции этого рода. Она открыто призывала к «обновлению руководства» в Советской России и, развернув во всей стране пропаганду и политическую борьбу против советского правительства, собрала вокруг себя все недовольные и враждебные элементы. Сам Троцкий писал впоследствии: «В охвосте этого авангарда плелись всякого рода недовольные, непристроенные и обозленные карьеристы». Шпионы, вредители из Торгпрома, белогвардейцы, террористы устремились в тайные ячейки «новой оппозиции». Эти ячейки стали собирать оружие. На советской территории начала формироваться тайная троцкистская армия.

«У нас должна быть политика дальнего прицела, — говорил Троцкий Зиновьеву и Каменеву (он вспоминает об этом в «Моей жизни»), — мы должны готовиться к длительной и серьезной борьбе».

Находившийся за пределами России капитан Сидней Джордж Рейли из английской Интеллидженс сервис решил, что настал момент для нанесения удара. Претендент на пост русского диктатора Борис Савинков — марионетка англичан — был послан в Россию летом 1924 года для подготовки ожидавшегося контрреволюционного мятежа.

По словам Уинстона Черчилля, который и сам был причастен к этому заговору, Савинков тайно поддерживал общение с Троцким. В своей книге «Великие современники» Черчилль пишет: «В июне 1924 г. Каменев и Троцкий совершенно ясно предложили ему (Савинкову) вернуться».

В том же году близкий сторонник Троцкого Христиан Раковский был назначен советским послом в Англии. Вскоре после его прибытия в Лондон к Раковскому (о котором Троцкий в 1937 г. писал: «это мой настоящий старый друг») явились в его служебный кабинет два офи-

цера Интеллидженс сервис — капитан Армстронг и капитан Локкарт. Английское правительство сначала отказывалось принять советского представителя в Лондоне. Явившись к Раковскому, офицеры английской разведки, по его словам, обратились к нему с вопросом: «Знаете ли вы, каким образом вы получили агреман в Англии?.. Мы осведомились относительно вас у господина Истмена и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства Интеллидженс сервис дало агреман на назначение вас полпредом в эту страну».

Несколько месяцев спустя Раковский вернулся в Москву. Он рассказал Троцкому о том, что произошло в Лондоне. Английская разведка, как и германская, желала завязать сношения с оппозицией.

«Это такое дело, над которым следует задуматься», — сказал Троцкий.

Спустя несколько месяцев у Троцкого, как он впоследствии писал в «Моей жизни», появилась «загадочная температура», происхождение которой «московские врачи никак не могли объяснить», Троцкий решил, что ему необходимо поехать в Германию.

В Германии, по его собственной версии, Троцкий остановился в «частной клинике в Берлине», где его навещил Николай Крестинский, исполнявший роль связиста между Троцким и германской военной разведкой. В то время как Троцкий и Крестинский совещались в клинике, к ним в комнату, по словам Троцкого, неожиданно вошел немецкий «полицейский инспектор» и объявил, что тайная немецкая полиция принимает чрезвычайные меры для охраны Троцкого ввиду раскрытого ею заговора против его жизни.

Этот испытанный прием разведки позволил Троцкому и Крестинскому провести немало часов за закрытой дверью в обществе представителя германской тайной полиции...

Летом того же года между Троцким и германской разведкой было достигнуто соглашение. Впоследствии Крестинский следующим образом охарактеризовал условия этого соглашения: «Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты... Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее... В 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и у братских партий... Сект... выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть, главным образом, требования концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения...

...Деньги продолжали поступать. Начиная с 1923 года по 1930 год, мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валютой».

Вернувшись в Москву из поездки в Германию, Троцкий повел решительную кампанию против советского руководства. «В течение 1926 года, — пишет Троцкий в «Моей жизни», — партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью. Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях». Эта тактика провалилась и вызвала повсеместное осуждение среди рабочих, гневно клеймивших попытку троцки-

стов внести разложение в ряды партии. «Оппозиция, — писал Троцкий, — была вынуждена отступить...»

Когда летом 1927 г. над Россией нависла угроза войны, Троцкий возобновил свои атаки против советского правительства. В Москве Троцкий открыто заявил: «Мы должны восстановить тактику Клемансо, который, как известно, выступил против французского правительства в то время, когда немцы находились в восьмидесяти километрах от Парижа».

Сталин заклеил это заявление Троцкого как изменническое. «Создается, — сказал Сталин, — нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Снова было проведено голосование по вопросу о Троцком и его оппозиции. На общепартийной дискуссии подавляющее большинство в семьсот двадцать четыре тысячи против четырех тысяч отвергло платформу троцкистской оппозиции и высказалось за руководство Сталина¹.

¹ Четыре тысячи голосов — вот максимум, не превзойденный силами оппозиции за все время их агитации. Несмотря на то, что в партии были запрещены группировки и официально подчеркивалась необходимость «революционного единства» как краеугольного камня советской внутренней политики, троцкистской оппозиции была предоставлена советским правительством поразительная свобода дискуссий, критики и собраний. В особенности после смерти Ленина, когда страна переживала период внутреннего и внешнего кризиса, Троцкому удалось использовать сложившуюся обстановку для попыток создать вокруг своей фракции массовое движение. В своей публичной пропаганде оппозиция пускала в ход все мыслимые виды политической аргументации против советского строя. Социальная и экономическая политика сталинского руководства подвергалась постоянной критике, и все же не было ни одной попытки запретить агитацию Троцкого, пока она открыто не саморазоблачилась как антисоветская и по своей сути, и по связям своим с другими антисоветскими силами. С 1924 по 1927 г. положение можно охарактеризовать словами Сиднея и Беатрисы Вебб, писавших в своей книге «Советский коммунизм — новая цивилизация?»: «Это были три года непрерывных публичных дискуссий, что могло показаться удивительным всем тем, кто считал, что СССР стонет под игом неограниченной диктатуры. Эти дискуссии принимали различные формы. Происходили неоднократные деба-

В «Моей жизни» Троцкий описывает ту лихорадочную заговорщическую деятельность, которая развернулась после его ошеломляющего поражения в результате общепартийной дискуссии. «В различных районах Москвы и Ленинграда были созваны тайные собрания при участии рабочих и студентов обоего пола, приходивших группами от двадцати до ста и двухсот человек послушать того или иного из представителей оппозиции. В течение дня мне приходилось бывать на двух, трех, а иногда и четырех таких собраниях...

«Оппозиция умело подготовила большое собрание в помещении Московского высшего технического училища, которое было занято изнутри... Попытки администрации прекратить собрание оказались тщетными. Каменев и я говорили около двух часов».

Троцкий лихорадочно готовился к предстоящему открытому выступлению. В конце октября его планы созрели. 7 ноября, в день десятой годовщины большевистской революции, должен был произойти путч. Возглавить его предстояло наиболее решительным приверженцам Троцкого из его бывшей лейб-гвардии. Специальные отряды были выделены для захвата стратегических пунктов в стране. Сигналом к путчу должна была явиться политическая демонстрация против советского правительства во время массового парада рабочих

ты в главных законодательных органах, таких как ВЦИК и ЦК коммунистической партии. Горячие споры велись в местных советах так же, как и в местных партийных организациях. В большом количестве выходила литература (оппозиционная) — книги и брошюры, не встречая препятствий со стороны цензуры и к тому же в издании государственных издательств, причем, как указывает хорошо знакомое с этим вопросом лицо, она исчислялась буквально тысячами страниц». Веббы добавляют, что «вопрос был окончательно и авторитетно решен Пленумом Центрального Комитета партии в 1925 г. и после дополнительного обсуждения утвержден XIV и XV партийными съездами», но и «после этих решений Троцкий, упорствуя в своей агитации, пытался организовать сопротивление, и его поведение стало явно мятежным». — *Примеч. авт.*

в Москве, утром 7 ноября. Впоследствии Троцкий писал в «Моей жизни»: «Руководящая верхушка оппозиции шла навстречу финалу с открытыми глазами. Мы достаточно ясно понимали, что сделать наши идеи общим достоянием нового поколения мы можем не путем дипломатии и уклонения от действий, а лишь в открытой борьбе, не останавливаясь ни перед какими практическими последствиями».

Путч Троцкого провалился уже в самом начале. С утра 7 ноября, когда рабочие демонстрации шли по улицам Москвы, на них посыпались с высоких зданий троцкистские листовки, возвещавшие «приход нового руководства». Небольшие группы мятежников с троцкистскими лозунгами и плакатами внезапно появились на улицах. Они были сметены разгневанными рабочими.

Советские власти приняли энергичные меры. Муралов, Смирнов, Мрачковский и другие бывшие участники военной гвардии Троцкого были немедленно арестованы. Каменев и Пятаков были арестованы в Москве. Правительственные агенты произвели обыски в тайных троцкистских типографиях и в складах оружия. Зиновьева и Радека арестовали в Ленинграде, куда они направились для организации путча одновременно с московским. Один из сторонников Троцкого, дипломат Иоффе, бывший послом в Японии, покончил самоубийством. Кое-где троцкисты были арестованы в обществе бывших белых офицеров, эсеровских террористов и иностранных агентов...

Троцкий был исключен из большевистской партии и сослан.

Алма-Ата

Троцкий был сослан в Алма-Ату, столицу Казахской советской республики в Средней Азии, вблизи китайской границы. Ему и его жене Наталье, и сыну, Седову,

был отведен дом. Советское правительство еще не представляло себе подлинного масштаба и значения его заговора. Ему разрешили сохранить при себе несколько личных телохранителей, в том числе бывшего офицера Красной Армии Эфраима Дрейцера. Ему позволили получать и отправлять личные письма, иметь свою библиотеку и секретный «архив» и время от времени принимать друзей и почитателей.

Однако Троцкий и в ссылке не прекратил своей заговорщической деятельности...

27 ноября 1927 г. самый изворотливый из всех троцкистских стратегов, немецкий агент, дипломат Николай Крестинский написал Троцкому секретное письмо, в котором излагался стратегический план, усвоенный троцкистскими заговорщиками на будущее время. «Со стороны троцкистской оппозиции, — писал Крестинский, — нелепо пытаться продолжать открытую агитацию против советского правительства. Вместо этого троцкисты должны постараться вернуться в партию, занять ответственные посты в советском правительстве и продолжать борьбу за власть в самом правительственном аппарате». Характеризуя стоящую перед троцкистами задачу, Крестинский писал: «Медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

Тактический план Крестинского понравился Троцкому. Вскоре, как впоследствии признал Крестинский, Троцкий обратился к своим арестованным и сосланным последователям с инструкцией «вернуться обманным путем в партию», «законспирироваться» и «занять более или менее самостоятельные ответственные посты». Пятаков, Радек, Зиновьев, Каменев и другие сосланные оппозиционеры начали отмежевываться от Троцкого, объявили свою прошлую оппозицию «трагической ошибкой» и подали заявления о восстановлении в партии.

Дом Троцкого в Алма-Ате стал центром активных антисоветских интриг. «Идеологическая жизнь оппозиции в то время кипела как в котле», — писал впоследствии Троцкий в своей брошюре «Лев Седов». Из Алма-Аты Троцкий руководил тайной кампанией пропаганды и подрывной деятельности, направленной против советского режима¹.

Сыну Троцкого Льву Седову было поручено руководство системой тайной связи, при посредстве кото-

¹ В отсутствие Троцкого руководство оппозиционными силами временно перешло к Николаю Бухарину, который, не соглашаясь признать руководство Троцкого, предусмотрительно отказался от открытого участия в рискованной попытке путча. Бухарин считал подлинным теоретиком и руководителем оппозиции себя, а не Троцкого. В Институте красной профессуры, который он возглавлял в Москве, Бухарин окружил себя «кадрами», как он их называл, завербованными среди молодых студентов. Некоторых из них Бухарин обучал технике заговора. Он находился также в тесном соприкосновении с представителями технической интеллигенции, примкнувшей к «Промпартии». Сначала Бухарин называл себя «левым коммунистом». После поражения Троцкого он приступил к формулировке принципов, впоследствии легших в основу того движения, которое вскоре получило широкую известность под названием правой оппозиции. Бухарин считал, что Троцкий действовал опрометчиво и что его провал в большой мере обусловлен тем, что его выступление не было поддержано другими антисоветскими силами внутри страны. Бухарин решил с помощью своей правой оппозиции исправить эту ошибку. Вскоре после объявления троцкистов вне закона должно было начаться осуществление в полном объеме первого пятилетнего плана. Страна стояла перед перспективой новых трудностей и крайнего напряжения. Вместе с Алексеем Рыковым, занимавшим высокий пост в правительстве, и профсоюзным лидером Томским Бухарин, в тайном сотрудничестве с агентами Торгпрома и меньшевиками, организовал внутри большевистской партии правую оппозицию. Сначала Троцкий был недоволен претензиями Бухарина на руководство движением, которое было организовано им, Томским, но после кратковременного периода соперничества, и даже вражды, разногласия между ними сгладились. Открытая «легальная» фаза правой оппозиции продолжалась до ноября 1929 г., когда Пленум Центрального Комитета постановил, что пропаганда правых оппортунистов не совместима с пребыванием в партии. Бухарин, Рыков и Томский были сняты со своих высоких официальных постов. — *Примеч. авт.*

рой Троцкий общался со своими сторонниками и другими оппозиционерами в стране. В двадцать с небольшим лет Седов, наделенный преизбытком энергии и уже приобретший опыт прожженного конспиратора, сочетал фанатичную преданность целям оппозиции с чувством горечи и озлобления, которое в нем вызывало эгоистически самовластное поведение его отца. В своей брошюре «Лев Седов» Троцкий описывает ту важную роль, которую играл Седов, руководя из Алма-Аты системой связи заговорщиков. Троцкий писал: «Зимой 1927 года... Льву исполнилось двадцать два года... Его работа в Алма-Ате в течение этого года была поистине беспримерной. Мы называли его нашим министром иностранных дел, министром полиции и министром связи. Выполняя все эти функции, он должен был опираться на нелегальный аппарат».

Через Седова поддерживалась связь с секретными курьерами, доставлявшими сообщения в Алма-Ату и увожившими директивы Троцкого.

Иногда из Москвы приезжали специальные курьеры. Встречаться с ними было делом непростым... Внешние сношения поддерживались исключительно Львом. Порой он уходил из дому дождливой ночью или в сильный снегопад, или же, обманывая бдительность соглядатаев, укрывался на целый день в читальне, чтобы потом встретиться с курьером в общественной бане или в густом кустарнике где-нибудь на окраине, или на по-восточному людном городском базаре, где толпы казахов шныряли среди лошадей, ослов и наваленных грудami товаров. И каждый раз он возвращался с ценной добычей, спрятанной под одеждой.

Через руки Седова проходило в неделю не менее «ста документов секретного характера». В дополнение к этому Троцкий рассылал из Алма-Аты большое количество пропагандистских материалов и личных писем. Многие из этих писем содержали «директивы» для его

приверженцев и антисоветскую пропаганду. «Между апрелем и октябрём (1928 г.), — хвастал Троцкий, — мы получили приблизительно тысячу писем и документов и около семисот телеграмм. За этот же период мы отправили пятьсот телеграмм и не менее восьмисот политических писем...»

В декабре 1928 г. к Троцкому в Алма-Ату был направлен представитель советского правительства. Судя по записи в «Моей жизни», он сказал Троцкому следующее: «Деятельность ваших политических единомышленников в стране приняла в последнее время явно контрреволюционный характер. Условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам возможность руководить этой деятельностью...» Советское правительство требует от Троцкого обещания прекратить эту подрывную деятельность. В противном случае правительство будет вынуждено принять против него энергичные меры как против изменника. Троцкий отказался внять этому предостережению. Его дело было рассмотрено в Москве Особым совещанием при ОГПУ.

В сорок первом номере газеты «Правда» от 19 февраля 1929 г. было опубликовано следующее сообщение ТАСС: «Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья».

Троцкий был выслан из Советского Союза. Это было началом самого необыкновенного этапа в его карьере.

«Изгнание обычно означает уход со сцены; в случае с Троцким произошло обратное, — писал впоследствии Исаак Маркусон в своей книге «Бурные годы». — Пока Троцкий находился в пределах СССР, его можно было уподобить жалящему шершню, но и на расстоянии многих тысяч миль его жало не утратило своей остроты.

Действуя издалека, он стал заклятым врагом России... Мастер демагогии, он жил в фантастической атмосфере национальных и международных заговоров, подобно герою детективного романа Е. Филиппа Оппенгейма».

Глава XVI

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ»

Троцкий на Принцевых островах

13 февраля 1929 г. Лев Троцкий приехал в Константинополь. Огромные заголовки в мировой прессе возвести его приезд. Иностранцы корреспонденты собрались на пристани в ожидании принадлежащей частному лицу моторной лодки, которая должна была доставить его на берег. Раздвигая толпу корреспондентов, Троцкий прошел к ожидавшему его автомобилю, у руля которого сидел один из его личных телохранителей, и машина унесла его туда, где его ждало заранее приготовленное помещение.

В Турции разразилась политическая буря. Просоветские круги требовали высылки Троцкого. В антисоветских кругах его приветствовали как врага советского режима. Турецкое правительство колебалось. Циркулировали слухи, что оно подверглось дипломатическому давлению держав, заинтересованных в том, чтобы удержать Троцкого в Турции, поблизости от советской границы. Наконец, был достигнут компромисс. Троцкий остался в Турции и в то же время не в Турции. «Красному Наполеону», как его называла пресса, было предоставлено убежище на принадлежащих Турции Принцевых островах.

Через несколько недель после прибытия Троцкий, его жена, сын и группа его телохранителей поселились на Принцевых островах.

На этом живописном черноморском острове, где Вудро Вильсон мечтал созвать мирную конференцию из представителей союзных держав и Советского государства, изгнанный Троцкий учредил свою новую политическую штаб-квартиру; его главным помощником и заместителем был его сын — Лев Седов... «На Принцевых островах, — писал впоследствии Троцкий, — была тем временем успешно сформирована новая группа молодых сотрудников из различных стран, работавшая в тесном контакте с моим сыном».

Лихорадочная атмосфера таинственности и интриг окружала небольшой дом, в котором жил Троцкий. Снаружи дом охранялся полицейскими собаками и вооруженными телохранителями. Жилище Троцкого кишело авантюристами радикального толка, выходцами из России, Германии, Франции и других стран. Троцкий называл их своими «секретарями». Они образовали новую гвардию Троцкого. Дом его осаждали посетители: антисоветские пропагандисты, политики, журналисты, падкие до лжегероики эмигранты и новоявленные приверженцы «мировой революции». Двери в кабинет Троцкого, где происходили его частые совещания с ренегатами коммунистического или социалистического движения, охранялись. Время от времени Троцкого навещали агенты Интеллидженс сервис и другие загадочные личности, визиты которых были окружены тайной.

Вначале главарем вооруженной лейб-гвардии Троцкого на Принцевых островах был Блюмкин, эсеровский убийца, с двадцатых годов с собачьей преданностью следовавший за Троцким. В конце 1930 г. Троцкий отправил его в Советскую Россию со специальным заданием. Блюмкин был задержан советскими органами безопас-

ности, предан суду, признан виновным в антисоветской пропаганде и в контрабандном ввозе в страну оружия и расстрелян.

Впоследствии личная гвардия Троцкого возглавлялась французом Раймондом Молинье и американцем Шелдоном Хартом.

Троцкий всеми силами старался сохранить в изгнании свою репутацию «великого революционера». Ему шел пятидесятый год. Приземистый, слегка сутулый, он становился все более грузным и обрюзгшим. Его знаменитая копна черных волос и остроконечная бородка поседели, но движения все еще были быстрыми и нетерпеливыми. Черные глаза за неизменным, блестящим на крючковатом носу пенсне придавали его мрачным, подвижным чертам злое выражение. Многих, кто видел его, отталкивала эта «мефистофельская» физиономия.

Забываясь о том, чтобы поддержать за пределами Советской России свою репутацию, Троцкий ничего не оставлял на волю случая. Он любил цитировать слова французского анархиста Прудона: «Судьба — я смеюсь над ней; что касается людей, они слишком невежественны и поработены, чтобы вызывать у меня раздражение». Однако прежде чем дать интервью важным посетителям, Троцкий тщательно репетировал свою роль и заучивал перед зеркалом в спальне соответствующие жесты. Журналисты, посещавшие Принцевы острова, должны были приносить свои статьи Троцкому на предварительный просмотр. В своих беседах Троцкий изливал нескончаемый поток догматических утверждений и антисоветской брани, подчеркивая каждую фразу и жест театральными приемами митингового оратора.

Вскоре после того как Троцкий поселился на Принцевых островах, его интервьюировал либеральный немецкий писатель Эмиль Людвиг. Троцкий был настроен оптимистически.

— Россия зашла в тупик, — сказал он Людвигу, — пятилетний план потерпел неудачу, вскоре появится безработица, наступит экономический и промышленный крах; программа коллективизации сельского хозяйства обречена на провал.

— Сколько у вас последователей в России? — спросил Людвиг.

Троцкий вдруг обнаружил сдержанность. Он сделал жест пухлой, белой, наманикюренной рукой: «Трудно определить». Его сторонники, сказал он Людвигу, «разобщены», работают нелегально, «в подполье».

— Когда вы рассчитываете снова выступить открыто?

На этот вопрос Троцкий после краткого раздумья ответил: «Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция — тогда слабость правительства явится стимулирующим средством»...

Уинстон Черчилль, все еще проявлявший горячий интерес к антисоветской кампании во всем мире и во всех ее фазах, написал специальный очерк об изгнаннике на Принцевых островах. «Троцкий мне никогда не нравился», — заявил Черчилль в 1944 г. Но азартность Троцкого как заговорщика и дьявольская энергия импонировали авантюристическому темпераменту Черчилля. Характеризуя цели международного заговора Троцкого с момента, когда тот покинул советскую землю, Черчилль писал в «Великих современниках»: «Троцкий... стремится мобилизовать все подонки Европы для борьбы с русской армией».

Американский корреспондент Джон Гюнтер посетил штаб-квартиру Троцкого на Принцевых островах. Он беседовал с Троцким и с рядом его русских и европейских приверженцев.

Гюнтер писал: «Троцкистское движение возникло в большей части Европы. В каждой стране есть ячейка троц-

кистских агитаторов. Они получают директивы непосредственно с Принцевых островов. Различные группы поддерживают между собой известного рода связь, — через свои издания и обращения, но главным образом путем частной переписки. Отдельные центральные комитеты связаны с международным центром в Берлине».

Гюнтер попытался заставить Троцкого высказаться о его «четвертом интернационале», — чего он добивается и что делает. Троцкий уклонился от разговора. Но как-то, в порыве экспансивности, он показал Гюнтеру несколько бутафорских книг, в которых прятались, а затем перевозились секретные документы. Он отозвался с похвалой о деятельности Андреса Нина в Испании. Он сообщил также, что имеет последователей и сторонников среди влиятельных лиц в Соединенных Штатах. Далее он говорил о троцкистских ячейках, организованных во Франции, Норвегии и Чехословакии. «Их деятельность, — сказал он Гюнтеру, — «полулегальна»...

«Для Троцкого, — писал Гюнтер, — Россия потеряна, по крайней мере, на время...» Главная цель Троцкого — «продержаться, а тем временем со всей энергией неустанно совершенствовать свою противокommунистическую организацию за рубежом».

...В течение 1930—1931 гг. Троцкий развернул с Принцевых островов совершенно необычную кампанию антисоветской пропаганды. Это была пропаганда совсем нового типа — несравненно более тонкая и сбивающая с толку в гораздо большей степени, чем все, что изобреталось в прошлом крестоносцами антибольшевизма.

Времена переменились. После великого кризиса весь мир был революционно настроен, в том смысле, что он не хотел возвращения старых порядков, принесших столько нищеты и страданий. Первая фашистская контрреволюция — в Италии — не без успеха изображалась ее организатором, бывшим социалистом Бенито Муссолини, как

«итальянская революция». В Германии нацисты создавали себе массовую базу не только вербовкой антибольшевистских и реакционных сил, но и потому, что выступали перед немецкими рабочими и крестьянами под маской «национал-социалистов». Еще задолго до этого — в 1903 г. — Троцкий ловко оперировал приемом — по выражению Ленина — «ультрареволюционной фразы», «которая ему ничего не стоит».

Ныне — уже во всемирном масштабе — Троцкий стал совершенствовать технику пропаганды, применявшуюся им вначале против Ленина и большевистской партии. В бесчисленных «ультралевых» и сугубо радикальных по тону статьях, книгах, брошюрах и речах Троцкий нападал на советский режим, призывая к его насильственному свержению, но не потому, что этот режим революционен, а потому, что он, по терминологии Троцкого, стал «контрреволюционным» и «реакционным».

И вот, словно по мановению жезла, многие крестоносцы антибольшевистского похода оставили свою доморощенную, открыто контрреволюционную и монархическую линию пропаганды и перешли к применению новой, «обтекаемой», троцкистской тактики нападения на русскую революцию «слева».

Первым крупным пропагандистским выступлением Троцкого, введшим эту новую антисоветскую линию в обиход международной контрреволюции, было опубликование его мелодраматической, полувывымышленной автобиографии «Моя жизнь». Эта книга, сначала печатавшаяся в виде серии антисоветских статей в европейских и американских газетах, ставила себе задачей — очернить Сталина и Советский Союз, увеличить престиж троцкистского движения и раздуть легенду о Троцком как о «мировом революционере». В «Моей жизни» Троцкий выдавал себя за вдохновителя и организатора русской революции, которого его противники лишили принадлежащего ему положения лидера России.

Антисоветские агенты и пресса тотчас же подняли рекламную шумиху вокруг книги Троцкого, объявив ее сенсационным боевиком, раскрывающим закулисную «правду» о русской революции.

Адольф Гитлер прочитал автобиографию Троцкого сразу же по ее выходе. Биограф Гитлера Конрад Гейден рассказывает в своей книге «Дер фюрер», что Гитлер в 1930 г. изумил кружок своих друзей неумеренными похвалами «Моей жизни». «Блестяще! — кричал Гитлер своим собеседникам, размахивая перед ними томиком Троцкого. — Меня эта книга научила многому, и вас она может научить».

Книга Троцкого стала вскоре учебным пособием для всякого рода антисоветских агентур. Она была воспринята как основное руководство по антисоветской пропаганде. Японская тайная полиция использовала ее в качестве принудительного чтения для заключенных в тюрьмы японских и китайских коммунистов, рассчитывая таким образом сломить их боевой дух. Гестапо аналогичным образом использовало эту книгу...

...«Моя жизнь» была лишь первым залпом в развернутой Троцким широкой кампании антисоветской пропаганды. За ней последовало бесчисленное множество других антисоветских книг, брошюр и статей, из которых многие сначала публиковались под кричащими заголовками в реакционных газетах Европы и Америки. «Бюро» Троцкого наводнило мировую антисоветскую прессу потоком клеветнических «разоблачений», «обвинений» и «закулисных историй», состряпанных сомнительными «очевидцами».

Для внутреннего потребления в Советском Союзе Троцкий издавал официальный «Бюллетень оппозиции», печатавшийся за границей, сначала в Турции, а затем в Германии, Франции, Норвегии и других странах и контрабандным путем ввозившийся в Россию секретными троцкистскими курьерами. «Бюллетень» не предназна-

чался для советских масс. Он был рассчитан на дипломатов, государственных служащих, военных и интеллигентов, некогда следовавших за Троцким или склонных подчиниться его влиянию. «Бюллетень» содержал также директивы для пропагандистской работы троцкистов в России и за границей. Из номера в номер «Бюллетень» рисовал страшные картины грядущего краха советского режима, предсказывая кризис в промышленности, возобновление гражданской войны и разгром Красной Армии при первом же нападении извне. «Бюллетень» умело спекулировал на сомнениях и тревогах, порожденных периодом строительства в сознании неустойчивых, растерявшихся и недовольных элементов. «Бюллетень» открыто призывал эти элементы к актам вредительства и насилия против советского правительства.

Вот несколько типичных образчиков антисоветской пропаганды и призывов к насильственному свержению советского режима, которые Троцкий распространял во всем мире в годы, последовавшие за его высылкой из СССР:

«Первое же социальное потрясение, внешнее или внутреннее, может ввергнуть распадающееся советское общество в гражданскую войну. («Советский Союз и четвертый интернационал», 1933 г.)

Политические кризисы ведут к всеобщему кризису, который уже надвигается. («Убийство Кирова», 1935 г.)

Можем ли мы ожидать, что Советский Союз выйдет без поражения из грядущей большой войны? На столь прямо поставленный вопрос мы ответим не менее прямо: если война останется только войной — поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном отношении империализм несравненно сильнее. Если его не парализует революция на Западе, империализм сметет нынешний режим. (Статья в «Америкэн меркьюри», март 1937 г.)

Поражение Советского Союза неизбежно, если новая война не вызовет новую революцию... Если теоретически допустить возможность войны без революции, то поражение Советского Союза неизбежно. (Из показаний на процессе в Мехико, апрель 1937 г.)».

Свидание в Берлине

С того момента, как Троцкий оставил русскую землю, агенты иностранных разведок стремились установить с ним связь и использовать его международную антисоветскую организацию. Польская Дефензива, фашистская ОБРА в Италии, финская военная разведка, белоэмигранты, руководившие антисоветской секретной службой в Румынии, Югославии и Венгрии, и реакционные элементы в английской Интеллидженс сервис и французском Дезьем бюро (Второе бюро) готовы были ради достижения своих целей вступить в сделку с заклятым врагом России. Денежные средства, специальные помощники, целая сеть шпионов и курьеров — все это было к услугам Троцкого для того, чтобы он мог расширить свою международную деятельность по части антисоветской пропаганды и укрепить и реорганизовать свой конспиративный аппарат в Советской России.

Самым важным фактором было нараставшее сближение Троцкого с германской военной разведкой (отделение III Б), которая под руководством полковника Вальтера Николаи уже сотрудничала с приобретающими все большее влияние органами, подведомственными Генриху Гиммлеру.

До 1930 г. агент Троцкого Крестинский получил от германского рейхсвера приблизительно 2 млн. золотых марок на финансирование троцкистской деятельности в Советской России в обмен на шпионские сведения, предоставленные троцкистами германской военной разведке.

Впоследствии Крестинский показал: «Начиная с 1923 по 1930 г. мы получали каждый год по 250 тыс. германских марок золотой валютой. Примерно 2 миллиона золотых марок... До конца 1927 г. выполнение этого соглашения шло, главным образом, в Москве. Затем с конца 1927 г. почти до конца 1928 г., в течение, примерно, десяти месяцев, был перерыв в получении денег, потому что после разгрома троцкизма я был изолирован, не знал планов Троцкого, не получал от него никакой информации и указаний... Так продолжалось до октября 1928 г., когда я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо... В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову или французским друзьям Троцкого, то есть Росмеру, Мадлене Паз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов... Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги он получил... Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 г. стал командующим рейхсвером».

В 1930 г. Крестинский был назначен заместителем комиссара иностранных дел и переведен из Берлина в Москву. Его отъезд из Германии, наряду с внутренним кризисом, который тогда происходил в рейхсвере в результате усиливавшегося влияния нацизма, снова задержал на время поступление немецких денег к Троцкому. Но Троцкий в этот период был уже накануне заключения нового, расширенного соглашения с германской военной разведкой.

В феврале 1931 г. сын Троцкого Лев Седов снял в Берлине квартиру. В паспорте его было указано, что он находится в Германии как студент, — он якобы приехал в Берлин для занятий в одном «германском научном институте». Но в действительности пребывание Седова

в немецкой столице в этом году было обусловлено более важными причинами...

За несколько месяцев до того Троцкий написал брошюру, озаглавленную «Германия — ключ к международному положению». Сто семь нацистских депутатов были избраны в рейхстаг. Нацистская партия получила 6400 тыс. голосов. Когда Седов приехал в Берлин, над немецкой столицей нависла атмосфера лихорадочного ожидания и напряжения. По берлинским улицам маршировали колонны штурмовиков в коричневых рубашках; распевая «Хорст Вессель», они врываются в дома и клубы немецких рабочих и либеральных деятелей. Нацисты торжествовали. «Еще никогда, — писал Адольф Гитлер на страницах «Фелькишер беобахтер», — я не был в таком хорошем расположении духа и не испытывал такого внутреннего удовлетворения, как в эти дни».

Официально Германия все еще была демократической. Торговые отношения между Германией и Советской Россией достигли высшей точки своего развития. Советское правительство закупало машины у немецких фирм. Немецкие техники приглашались на ответственные должности в советских горных предприятиях и работали в области электрификации. Советские инженеры ездили в Германию. Советские торговые представители и агенты по закупкам и коммерческим операциям непрерывно курсировали между Москвой и Берлином по заданиям, связанным с выполнением пятилетнего плана. Некоторые из этих советских граждан были сторонниками или бывшими последователями Троцкого.

Седов находился в Берлине с конспиративным заданием — в качестве представителя своего отца.

Впоследствии Троцкий писал в своей брошюре «Лев Седов»: «Лев все время был начеку, в неустанных поисках нитей, ведущих в Россию, в погоне за возвращающимися туристами, учившимися за границей советскими студен-

тами, сочувствующими нам сотрудниками иностранных представительств». Главным заданием Седова в Берлине было установление контакта со старыми членами оппозиции, передача им инструкций Троцкого и получение от них важных сведений для отца.

Ряду видных троцкистов удалось занять различные должности в Комиссариате внешней торговли. Среди них был Иван Смирнов, в прошлом командир Красной Армии и один из руководителей гвардии Троцкого. После кратковременной ссылки он, следуя троцкистской тактике, отрекся от Троцкого и подал заявление об обратном приеме в большевистскую партию. Инженер по профессии, Смирнов вскоре получил второстепенную должность в транспортной организации. В начале 1931 г. он был назначен инженером-консультантом при торговой миссии, направлявшейся в Берлин. Вскоре по прибытии Смирнова в Берлин с ним установил контакт Седов. На секретных свиданиях, происходивших на квартире Седова и в загородных кафе и пивных, Смирнов был поставлен в известность о выработанном Троцким плане реорганизации тайной оппозиции на основе сотрудничества с агентами германской разведки.

— Отныне, — сказал Седов Смирнову, — борьба против советского режима приобретает характер решительного наступления. Прежнее соперничество и политические разногласия между троцкистами, бухаринцами, зиновьевцами, меньшевиками, эсерами и всеми другими антисоветскими группами и фракциями должны быть забыты. Надо создать единую оппозицию. Далее, борьба должна отныне приобрести активный характер. По всей стране надо развернуть кампанию террора и вредительства против советского режима. План ее должен быть разработан во всех деталях. Нанося повсеместные и строго согласованные по времени удары, оппозиция сможет свергнуть советское правительство в состоянии

безнадежного хаоса и деморализации. Тогда она захватит власть.

Ближайшей задачей Смирнова была передача наиболее испытанным представителям оппозиции в Москве инструкций Троцкого о реорганизации подпольной работы и подготовке к террору и вредительству. Он должен был также позаботиться о регулярной доставке в Берлин троцкистскими курьерами «информационных данных» Седову — для передачи их отцу. Паролем для этих курьеров служила фраза: «Я привез привет от Гали».

Седов попросил Смирнова, пока он не уехал из Берлина, выполнить еще одно поручение, а именно — связаться с руководителем советской торговой миссии, недавно прибывшей в Берлин, и сообщить этому лицу, что Седов в городе и хочет повидаться с ним по делу первостепенной важности.

Руководителем этой только что прибывшей в Берлин советской торговой миссии был старый последователь Троцкого и самый преданный его почитатель Юрий Леонидович Пятаков.

Худой, высокий, бледный, всегда безукоризненно одетый, с покатым лбом и аккуратной рыжеватой бородкой, Пятаков по внешности напоминал скорее ученого, профессора, чем ветерана-заговорщика. В 1927 г., после попытки путча, Пятаков — первым из ведущих троцкистов — лицемерно порвал с Троцким, добиваясь восстановления в рядах большевистской партии. Обладая способностями администратора и организатора, Пятаков, уже находясь в ссылке, сумел занять крупные должности в быстро расширявшейся советской промышленности. В конце 1929 г. он был вновь принят в большевистскую партию — с испытательным сроком. Он последовательно занимал председательские посты в планирующих организациях, на транспорте и в химической промышленности. В 1931 г. он вошел в состав Высшего Совета

Народного Хозяйства и в том же году был послан в Берлин во главе специальной торговой миссии для закупки в Германии промышленного оборудования.

Следуя инструкциям Седова, Иван Смирнов навестил Пятакова в его кабинете в Берлине. Смирнов сообщил Пятакову, что Лев Седов находится в Берлине и имеет для него специальное поручение от Троцкого. Несколько дней спустя Пятаков встретился с Седовым. Вот рассказ самого Пятакова об этой встрече: «Есть такое кафе «Ам Цоо», недалеко от зоологического сада, на площади. Я пошел туда и увидел за столиком Льва Седова. Мы оба очень хорошо знали друг друга по прошлому. Он мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца — Л. Д. Троцкого, что Троцкий, узнав о том, что я в Берлине, категорически предложил ему меня разыскать, со мной лично встретиться и со мной переговорить. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное затишье, которое объяснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность... После этого Седов мне задал прямо вопрос: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?» Я дал согласие».

Затем Седов ознакомил Пятакова с тем, на каких основах Троцкий предполагает реорганизовать оппозицию: «Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы: о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения не может быть и речи; если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться. Троцкий твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий

обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства — бессмыслица, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса, или, вернее, междугосударственных вопросов».

Отмахнуться от этих вопросов, — сказал в заключение Седов, цитируя слова Троцкого, — значит расписаться в собственной несостоятельности.

Вскоре последовало второе свидание Седова с Пятаковым. В эту встречу Седов сказал Пятакову:

— Вы понимаете, Юрий Леонидович, что, поскольку возобновляется борьба, нужны деньги. Вы можете предоставить необходимые средства для ведения борьбы?

Седов пояснил Пятакову, как это сделать. По своим официальным функциям — торгового представителя советского правительства в Германии — Пятаков должен разместить возможно больше заказов между двумя германскими фирмами — Борзиг и Демаг. Пятакову рекомендовалось, ведя переговоры с этими концернами, «не особенно нажимать на цены». У Троцкого есть договоренность с фирмами Борзиг и Демаг. «Вам, — добавил Седов, — придется доплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу»¹.

¹ Фирмы Борзиг и Демаг служили ширмой для германской военной разведки. Закрывая с ними сделки, Пятаков получил возможность передавать значительные суммы в распоряжение Троцкого. Американский инженер Джон Д. Литтлпэдж был свидетелем того, как совершались сделки Пятакова с этими немецкими фирмами. Литтлпэдж состоял на службе у советского правительства в должности эксперта по вопросам золотой и медной промышленности. В серии статей о своем пребывании в Советской России, опубликованных в «Сатердей ивнинг пост» в январе 1938 г., Литтлпэдж писал: «Я отправился в Берлин весной 1931 г. в составе большой комиссии по закупкам, возглавляемой Пятаковым. Моя работа заключалась в технической консультации при закупках оборудования для горной промышленности. Наряду с другим оборудованием, комиссия за-

В 1931 г. в Берлине находились два других члена тайной оппозиции, которых Седов привлек к работе в новом троцкистском аппарате. Это были Алексей Шестов — инженер из торговой миссии Пятакова, и Сергей Бессонов — работник советского торгового представительства в Берлине.

купала в Берлине шахтные подъемники мощностью от 100 до 1000 лошадиных сил. После некоторой дискуссии немецкие концерны (Борзиг и Демаг) снизили свои цены на 5 и 6 пфеннигов за килограмм. Изучая эти предложения, я обнаружил, что фирмы заменили предусмотренные спецификацией рамы из легкой стали чугунными, весящими несколько тонн, что сокращало себестоимость каждого килограмма, но увеличивало вес и тем самым стоимость для покупателя. Естественно, я обрадовался этому открытию и с торжеством сообщил о нем членам комиссии... Все было устроено так, чтобы Пятаков мог вернуться в Москву и доложить, что ему удалось добиться снижения цен, но в то же время он заплатил бы деньги за кучу бесполезного чугуна и дал бы немцам возможность сделать ему значительную скидку... Этот трюк удался ему в отношении остальных рудников, но в данном случае я помешал». В дальнейшем Литтлпэдж столкнулся с рядом фактов вредительства в промышленности на Урале, где в результате деятельности троцкиста Кабакова производство на некоторых рудниках преднамеренно снижалось. В 1937 г., указывает Литтлпэдж, «Кабаков был арестован по обвинению во вредительстве в промышленности. Когда я услышал о его аресте, я не удивился». В 1937 г. Литтлпэдж обнаружил факты, подтверждавшие наличие в промышленности вредительства, направляемого лично Пятаковым. Американский инженер произвел реорганизацию некоторых важных рудников в Южном Казахстане и оставил советским работникам детальные письменные инструкции, которые должны были способствовать максимальной производительности. «И вот, — пишет Литтлпэдж, — в 1937 г. — это было одно из моих последних заданий в России — я получил срочный вызов, требовавший моего возвращения на эти рудники. Оказывается, за это время были безвозвратно потеряны тысячи тонн богатой руды и через несколько недель, если бы ничего не было предпринято, погибло бы все месторождение. Я узнал, что... приезжала комиссия из ведомства Пятакова... Мои инструкции были брошены в корзину, и в рудниках была введена такая система эксплуатации, которая, вне всякого сомнения, в течение немногих месяцев привела бы к потере всего рудного тела». Литтлпэдж обнаружил «вопиющие факты преднамеренного вредительства». Перед самым его отъездом из России, после того как он передал

Бессонов, бывший эсер, человек лет сорока с небольшим, был смуглый, невысокого роста толстяк добродушного вида. Берлинское торгпредство, в котором работал Бессонов, занимало центральное место в системе советской внешней торговли в Европе и вело торговые переговоры с десятком различных стран; сам Бессонов постоянно находился в Берлине. Поэтому он идеально подходил на ампула «связиста» между русскими троцкистами и их «вождем» в изгнании. Было договорено, что секретные троцкистские сообщения из России поступают в Берлин к Бессонову, который затем должен препровождать их Седову или Троцкому.

Алексей Шестов был человек совершенно другого типа, и порученная ему работа вполне соответствовала его темпераменту: ему предназначалась роль одного из главных организаторов немецко-троцкистских шпионских и вредительских ячеек в Сибири, где он был членом правления Восточно-Сибирского угольного треста. Шестову было лет тридцать с небольшим. В 1923 г., еще будучи студентом Московского горного института, Шестов примкнул к троцкистской оппозиции, а в 1927 г. возглавлял одну из тайных типографий в Москве. Худощавый, светлоглазый, наделенный бурным, неистовым темпераментом, Шестов следовал за Троцким с фанатической преданностью. Он часто хвастался: «Я несколько

советским властям подробный письменный отчет обо всех обнаруженных им фактах, был арестован ряд членов троцкистской вредительской группы. Литтлпэдж узнал, что вредители использовали его инструкции «как основу для преднамеренного разрушения предприятий», ведя работы по методам как раз противоположным тем, которые были указаны в инструкции. Вредители сознались, отмечал Литтлпэдж в «Сатердей ивнинг пост», что «они были вовлечены в заговор против сталинского режима оппозиционерами, убедившими их, что оппозиция достаточно сильна, чтобы свергнуть Сталина и его сторонников и самой захватить власть». — *Примеч. авт.*

раз лично встречался с Троцким». Для Шестова Троцкий был «вождем», и он его иначе и не называл.

При встрече с Шестовым в Берлине Седов сказал ему:

— Нечего сидеть у моря и ждать погоды; нужно всеми силами и средствами приступить к активной политике дискредитации сталинского руководства и сталинской политики. Троцкий считает, что единственно правильный путь, путь трудный, но верный, это — путь насильственного удаления Сталина и руководителей правительства путем террора.

— Мы действительно зашли в тупик, — согласился Шестов. — Нам надо либо разоружиться, либо находить новый путь для борьбы.

Седов спросил Шестова, не знает ли он немецкого промышленника по имени Дейльман. Шестов ответил, что знает его понаслышке. Дейльман был одним из директоров фирмы «Фрейлих-Клюпфель-Дейльман». Многие из инженеров фирмы служили в Кузнецком бассейне, где работал и сам Шестов.

Затем Седов сообщил Шестову, что он должен еще до возвращения в Советскую Россию «связаться с Дейльманом». Фирма Дейльман, — пояснил Седов, — может оказаться весьма полезной троцкистской организации в «подрыве советской экономики в Сибири». Господин Дейльман уже помогает переправлять в Советский Союз агентов и материалы для троцкистской пропаганды... В возмещение Шестов должен снабжать господина Дейльмана определенной информацией о новых сибирских шахтах и других промышленных предприятиях, в которых немецкий директор будет заинтересован.

Шестов ответил на это: «Вы мне предлагаете просто-напросто быть шпионом!»

Седов пожал плечами и сказал: «Напрасно вы бросаетесь такими словами. В борьбе ставить вопрос так щепе-

тильно, как вы ставите, неправильно... Если вы согласны на террор, если вы согласны на вредительскую работу в промышленности, то я абсолютно не могу понять, почему это вас останавливает».

Несколько дней спустя Шестов встретился со Смирновым и передал ему слова сына Троцкого:

— Седов велел мне связаться с фирмой «Фрейллих-Клюпфель-Дейльман», ведущей в Кузнецком бассейне шпионскую диверсионную работу.

Смирнов сказал: — Брось бравировать такими громкими словами, как шпион и диверсант. Время уходит, надо действовать. Почему тебя удивляет, что мы, чтобы свергнуть Сталина, готовы мобилизовать все контрреволюционные силы, действующие в Кузбассе? Что ты находишь страшного, если к этой работе привлечь немецких диверсантов? У нас нет другого пути. Надо соглашаться.

Шестов молчал. Смирнов сказал ему:

— Ну, какие у тебя настроения?

— У меня нет личных настроений, — отвечал Шестов, — а, как учил нас Троцкий, я — руки по швам и жду приказаний.

Перед отъездом из Берлина Шестов встретился с Дейльманом, директором немецкой фирмы, финансировавшей Троцкого. Шестов был завербован германской военной разведкой под кличкой «Алеша». Впоследствии Шестов показал:

Я имел до отъезда свидание с директором упомянутой фирмы Дейльманом и его помощником Кохом... Сущность этого разговора с руководителями фирмы «Фрейлих-Клюпфель-Дейльман» была такова. Во-первых, о доставке шпионских сведений через представителей этой фирмы, работающих в Кузбассе, и об организации совместно с троцкистами вредительской и диверсионной работы. Говорилось и о том, что фирма в свою очередь

окажет поддержку нам... и что они могут еще подбросить людей по требованию нашей организации... что они окажут всемерную помощь приходу к власти троцкистов¹.

Вернувшись в Советскую Россию, Шестов привез с собой письмо от Седова, адресованное Пятакову, который в то время уже был в Москве. Шестов спрятал это письмо в подошву своего ботинка. Он передал его Пятакову в Комиссариате тяжелой промышленности. Письмо было от Троцкого с Принцевых островов. Оно наметало «неотложные задачи», стоявшие перед оппозицией в Советской России.

¹ Немцы особенно интересовались новой индустриальной базой, которую Сталин создавал в далекой Западной Сибири и на Урале. Эта база была вне досягаемости бомбардировочной авиации и в случае войны могла явиться фактором первостепенной важности для Советов. Немцы хотели, чтобы на эту базу проникли шпионы и вредители. Фирмы Борзиг, Демаг и «Фрейлих-Клюпфель-Дейльман», заключившие договоры с советским правительством, по которым они должны были поставлять машины и оказывать техническую помощь в выполнении пятилетнего плана, использовались немецкой военной разведкой в качестве «ширмы». Немецкие шпионы и вредители присылались в Россию под видом «инженеров» и «специалистов». Немецкая военная разведка вербовала также агентов среди советских инженеров в Германии, поддававшихся на шантаж или подкуп... Советский инженер Михаил Строилов, завербованный в число немецких шпионов в Берлине в декабре 1930 г. и впоследствии вошедший в троцкистскую организацию в Сибири, рассказал советскому суду после своего ареста в 1937 г.: «Началось дело постепенно, с моего знакомства с фон Бергом. Он прекрасно говорил по-русски, потому что в дореволюционное время лет 15—20 жил в России, в Петербурге. Берг рекомендовал мне прочитать книгу Троцкого... В Новосибирске ко мне стали являться по условленному паролю некоторые из немецких специалистов. До конца 1934 г. ко мне обратилось 6 человек: Зоммерэггер, Вурм, Баумгартнер, Маас, Хауэр и Флесса... Первая моя информация — в январе 1932 г., через инженера Флесса, об огромном плане строительства в Кузбассе, была по существу шпионской... Последовало указание перейти к решительным вредительским, разрушительным действиям. План вредительских разрушительных действий был составлен... западно-сибирской троцкистской организацией». — *Примеч. авт.*

Первая задача — «использовать все возможные средства для свержения Сталина и его сторонников». Это означало террор.

Вторая задача — «объединить все антисталинские силы». Это означало сотрудничество с немецкой военной разведкой и любыми другими антисоветскими силами, готовыми действовать совместно с оппозицией.

Третья задача — «противодействовать всем мероприятиям советского правительства и партии, особенно в экономической области». Это означало вредительство.

Пятакову отводилась роль главного заместителя Троцкого, уполномоченного руководить всем аппаратом заговора в Советской России.

Три слоя

В течение 1932 г. будущая «пятая колонна» России начала принимать конкретные очертания в подпольном мире оппозиции. На узких совещаниях и тайных конференциях участники заговора знакомились с новой линией и получали инструкции, связанные с новыми задачами. В Советской России создавалась сеть террористических и вредительских ячеек и система курьерской связи. В Москве и Ленинграде, на Кавказе и в Сибири, в Донбассе и на Урале троцкистские организаторы выступали на пестрых по составу тайных сборищах заклятых врагов советского строя: эсеров, меньшевиков, «левых», «правых», националистов, анархистов и белогвардейцев — фашистов и монархистов. Письмо Троцкого распространялось в этом бурлящем подпольном мире оппозиционеров, шпионов и тайных агентов; готовилось новое наступление против советского строя.

Настойчивые требования Троцкого о подготовке террористических актов вначале встревожили кое-кого из

троцкистских интеллигентов старшего поколения. Журналист Карл Радек проявил признаки паники, когда Пятаков ознакомил его с новой линией. В феврале 1932 г. Радек получил от Троцкого письмо, доставленное, как и вся троцкистская переписка секретного характера, тайным курьером.

Троцкий писал своему колеблющемуся стороннику Радеку: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены вместе с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства».

Письмо Троцкого и настояния Пятакова в конце концов убедили Радека. Он согласился следовать новой линии — линии террора, вредительства и сотрудничества с «иностранными державами».

В числе наиболее активных организаторов террористических ячеек, создававшихся в Советском Союзе, были Иван Смирнов и его старые товарищи по гвардии Троцкого — Сергей Мрачковский и Эфраим Дрейцер.

Под руководством Смирнова Мрачковский и Дрейцер приступили к формированию небольших групп боевиков-террористов из своих бывших сотоварищей со времен гражданской войны — троцкистов, готовых применять насильственные методы.

Одной из таких террористических групп в Москве Мрачковский заявил в 1932 г.:

— Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководства партии и правительства... Надо убрать Сталина и других руководителей партии и правительства. В этом главная задача.

Тем временем Пятаков подбирал кадры заговорщиков среди лиц, занимавших ведущие посты, главным образом в военной промышленности и на транспорте, вербуя их для участия в решительной кампании вредительства, которую Троцкий намеревался развернуть.

Летом 1932 г. между Пятаковым, как заместителем Троцкого в России, и Бухариным, лидером правой оппозиции, велись переговоры о соглашении с тем, чтобы ликвидировать на время бывшее соперничество и разногласия и работать совместно под верховным руководством Троцкого. Меньшая по численности группа, возглавлявшаяся ветеранами оппозиции Зиновьевым и Каменевым, согласилась подчинить свою деятельность авторитету Троцкого. Касаясь этих переговоров, Бухарин впоследствии показал на суде: «Я разговаривал с Пятаковым, Томским и Рыковым. Рыков разговаривал с Каменевым, а Зиновьев с Пятаковым.

Летом в 1932 г. я второй раз разговаривал в Наркомтяжпроме с Пятаковым. Разговаривать тогда мне было очень просто, так как я работал под руководством Пятакова. Он тогда был моим хозяином. Я должен был по делам заходить к нему в кабинет, не вызывая никаких подозрений... Пятаков рассказал о беседе, которая происходила летом 1932 г., о встрече с Седовым относительно установки Троцкого на террор... Мы решили, что очень быстро найдем общий язык и что разногласия в борьбе против Советской России будут изжиты».

Окончательные переговоры завершились осенью на тайном совещании, организованном на пустой даче в окрестностях Москвы. Вокруг дачи и по прилегающим к ней дорогам заговорщики расставили часовых во избежание неожиданностей и для сохранения абсолютной тайны. На этом совещании было сформировано нечто вроде верховного командования объединенных сил оппозиции для руководства организацией террора и вреди-

тельства в Советском Союзе. Это верховное командование оппозиции получило наименование «право-троцкистского блока». Оно состояло из трех различных пластов или слоев. В случае провала одного из них остальные должны были продолжать работу.

Первый слой — троцкистско-зиновьевский террористический центр во главе с Зиновьевым отвечал за организацию и руководство террором.

Второй слой — троцкистский параллельный центр во главе с Пятаковым отвечал за организацию вредительства и руководство им.

Третий и самый важный слой — фактический «право-троцкистский блок» во главе с Бухариным и Крестинским включал большую часть лидеров и руководящих представителей объединенных сил оппозиции.

Весь этот аппарат состоял всего лишь из немногих тысяч членов и двадцати или тридцати руководителей, занимавших ответственные посты в армии, ведомстве иностранных дел, органах государственной безопасности, в промышленности, в профсоюзных, партийных и правительственных учреждениях.

С первых же дней право-троцкистский блок был насыщен платными агентами иностранных разведок, в особенности германской военной разведки, и находился под их руководством. Вот некоторые из иностранных агентов, занимавшие руководящее положение в новом блоке заговорщиков:

Николай Крестинский, троцкист, заместитель комиссара по иностранным делам, был агентом германской военной разведки с 1923 г., когда он впервые согласился выполнять шпионские задания генерала Ганса фон Секта.

Аркадий Розенгольц, троцкист, народный комиссар внешней торговли, выполнял шпионские задания гер-

манского верховного командования с 1923 г. Впоследствии сам Розенгольц показал: «...Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 г., когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных в рейхсвер Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе». В 1926 г. Розенгольц начал работать для английской военной разведки, сохраняя связь с Германией.

Христиан Раковский, троцкист, бывший посол в Англии и Франции, агент Интеллидженс сервис с 1924 г. Раковский показал: «Я установил преступные связи с британской Интеллидженс сервис в 1924 г.». В 1934 г. Раковский стал также агентом японской разведки.

Станислав Ратайчак, троцкист, начальник главного управления химической промышленности, агент германской военной разведки, был направлен немцами в Россию вскоре после революции. Осуществлял шпионскую и вредительскую деятельность в промышленности, создававшейся советским правительством на Урале.

Иван Граше, троцкист, служащий советской химической промышленности, приехал в Россию в 1919 г. под видом возвращающегося на родину военнопленного; был агентом чехословацкой, а затем германской разведки.

Алексей Шестов, троцкист, член правления треста Кузнецкуголь. Стал агентом германской разведки в 1931 г., выполнял ее задания через посредство германской фирмы «Фрейлих-Клюпфель-Дейльман» и осуществлял шпионско-вредительские акты в Сибири.

Гаврила Пушкин, троцкист, служащий химических предприятий в Горловке. Стал агентом германской военной разведки в 1935 г. Как он впоследствии сообщил советским властям в своих показаниях, он передал немцам: «1) данные о выработке на всех химических предприятиях Союза за весь 1934 год, 2) программу работ всех химических предприятий Союза на 1935 год, 3) план

строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом».

Яков Лившиц, троцкист, крупное должностное лицо дальневосточного ж.-д. ведомства, был агентом японской военной разведки и аккуратно передавал Японии секретную информацию о советских железных дорогах.

Иван Князев, троцкист, служащий уральской железнодорожной системы, агент японской разведки. Под ее контролем осуществлял вредительскую деятельность на Урале и снабжал японское военное командование информацией о советском транспорте,

Иосиф Турок, троцкист, заместитель начальника службы движения Пермско-Уральской железной дороги, агент японской разведки. В 1935 г. получил от японцев тридцать пять тысяч рублей за выполнение шпионских и вредительских заданий на Урале.

Михаил Чернов, правый, народный комиссар земледелия СССР, агент германской военной разведки с 1928 г. По заданиям немцев Чернов осуществлял на Украине вредительство в крупном масштабе, так же как и задания по шпионажу.

Василий Шарангович, правый, секретарь Центрального комитета коммунистической партии Белоруссии, в 1921 г. был направлен как польский шпион в Советскую Россию. В следующие годы продолжал работать под наблюдением польской разведки, снабжая ее шпионскими сведениями и осуществляя вредительскую деятельность в Белоруссии.

Григорий Гринько, правый, народный комиссар финансов. Агент германской и польской разведок с 1932 г. Был руководителем фашистского украинского националистического движения, способствовал контрабандной доставке оружия и военного снаряжения в Советский Союз и осуществлял шпионскую и вредительскую деятельность по заданиям немцев и поляков.

Конспиративный аппарат троцкистов, правых и зиновьевцев и являлся фактически «пятой колонной» держав оси в Советской России.

Глава XVII

ИЗМЕНА И ТЕРРОР

Дипломатия измены

В 1933—1934 гг. страны Европы казались охваченными таинственной болезнью. Одну страну за другой потрясали неожиданные перевороты, военные путчи, акты саботажа, убийства, раскрывались головокружительные интриги и заговоры. Не проходило и месяца без того, чтобы не совершался очередной акт измены или насилия.

Эпидемия измены и террора прокатилась по Европе.

Очагом заразы была нацистская Германия. 11 января 1934 г. агентство «Юнайтед пресс» телеграфировало из Лондона: «С тех пор, как нацистская Германия стала центром нового фашистского движения, весь континент превратился в арену агитации и актов насилия со стороны тех, кто считает, что старая форма государственного управления обречена».

Термин «пятая колонна» тогда еще был неизвестен. Но тайный авангард германского верховного командования уже развернул свое наступление против народов Европы. Французские кагуляры и «Огненные кресты», английский «Союз фашистов», бельгийские рексисты, польская П.О.В., чехословацкие генлейновцы и гвардия

Глинки, норвежские квислинговцы, румынская «Железная гвардия», болгарская ИМРО, финские ляпуассцы, литовский «Железный волк», латвийский «Огненный крест» и многие другие вновь создававшиеся нацистами тайные общества или реорганизованные контрреволюционные лиги уже начали свою работу, расчищая путь для побед германской армии и для порабощения континента и готовя нападение па Советский Союз.

Вот неполный список наиболее важных актов нацистско-фашистского террора, совершенных вскоре после прихода Гитлера к власти:

Октябрь 1933 г. Убийство в Львове (Польша) секретаря советского посольства Алексея Маилова агентами ОУН, террористической организации украинских националистов, финансировавшейся нацистами.

Декабрь 1933 г. Убийство румынского премьера Иона Дука «Железной гвардией», организацией нацистско-румынских террористов.

Февраль 1934 г. Мятеж в Париже, поднятый французской фашистской организацией «Огненные кресты», инспирируемой нацистами.

Март 1934 г. Попытка переворота в Эстонии, подготовленного фашистским союзом «Борцов за свободу», финансировавшимся нацистами.

Май 1934 г. Фашистский переворот в Болгарии, попытка путча в Латвии, организованная «Балтийским братством, находившимся под контролем нацистов.

Июнь 1934 г. Убийство польского министра внутренних дел генерала Бронислава Перацкого агентами ОУН, террористической организации украинских националистов, финансировавшейся нацистами.

Убийство агентами ОУН Ивана Бабия, руководителя «Организации католического действия» в Польше.

Попытка крупного мятежа в Литве, подготовленного нацистской организацией «Железный волк».

Июль 1934 г. Неудавшийся нацистский путч в Австрии и убийство нацистскими террористами канцлера Энгельберта Дольфуса.

Октябрь 1934 г. Убийство короля Югославии Александра и французского министра иностранных дел Барту агентами усташей, хорватской фашистской организации, контролирувавшейся нацистами.

Два человека руководили организацией этой нацистской «пятой колонны» и контролировали ее деятельность, которая вскоре распространилась далеко за пределы Европы, охватив Соединенные Штаты, Латинскую Америку, Африку и, во взаимодействии с японской разведкой, весь район Дальнего Востока. Это были Альфред Розенберг и Рудольф Гесс. Розенберг возглавлял внешнеполитический отдел национал-социалистской партии, в задачу которого входило руководство тысячами нацистских шпионских, вредительских и пропагандистских агентств во всем мире, в частности сконцентрированных в Восточной Европе и Советской России. Как заместитель Гитлера, Рудольф Гесс ведал всеми секретными внешними сношениями нацистского правительства.

Альфред Розенберг, бывший эмигрант-монархист из Ревеля, первым установил от имени нацистов тайные отношения со Львом Троцким. Эти отношения закрепил Рудольф Гесс...

В сентябре 1933 г., через восемь месяцев после того, как Адольф Гитлер стал диктатором Германии, дипломат-троцкист и немецкий агент Николай Крестинский остановился на несколько дней в Берлине по пути в Киссинген, где он каждый год «отдыхал и лечился». Крестинский занимал тогда пост заместителя комиссара по иностранным делам.

В Берлине, в советском посольстве, Крестинский встретился с троцкистским связистом Сергеем Бессоно-

вым. В большом волнении Крестинский информировал Бессонова насчет того «зондажа», который в то время в троцкистских кругах «произвел руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистской партии Германии Розенберг по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Германии и русскими троцкистами».

Крестинский заявил Бессонову, что он должен повидать Троцкого. Эту встречу необходимо устроить во что бы то ни стало. Крестинский пробудет в киссингенском санатории до конца ноября, а затем отправится в Меран, в Итальянский Тироль. Приняв должные меры предосторожности, Троцкий может встретиться с ним в любом из этих пунктов.

Встреча состоялась. На второй неделе октября 1933 г. Лев Троцкий в сопровождении своего сына Седова с фальшивым паспортом переправился через франко-итальянскую границу и встретился с Крестинским в отеле «Бавария» в Меране¹.

¹ Троцкий проживал тогда в Сан-Палэ, небольшом городке на юге Франции, у подножья Пиренеев. В июле он оставил Принцезы острова (вместе со своей свитой телохранителей и «секретарей» он вскоре поселился на охранявшейся вилле вблизи Парижа). В то время когда Троцкий приехал во Францию, французские реакционеры и фашисты всеми силами пытались воспрепятствовать предполагавшемуся заключению франко-советского пакта о взаимопомощи. Французское правительство, разрешившее Троцкому переехать во Францию и основать там свой антисоветский центр, возглавлялось в то время Эдуардом Даладьё, чья политика умиротворения, осуществленная в Мюнхене, в значительной мере способствовала тому, что Франция и другие миролюбивые государства Европы оказались жертвой предательства, отдавшего их в руки нацистов. Французский радикальный депутат Анри Герно лично поддержал ходатайство Троцкого о разрешении ему въезда во Францию. Необходимые указания были даны министром внутренних дел Камиллом Шотаном, французским политиком с сомнительной репутацией, который помог «замять» расследование обстоятельств фашистского заговора кагуляров и впоследствии занял пост вице-премьера в кабинете Петэна. В письме

На состоявшемся совещании были рассмотрены почти все важнейшие вопросы, связанные с будущим развитием заговора в Советской России. Троцкий начал с недвусмысленного заявления, что «захват власти в России может быть осуществлен только силой». Но организация заговорщиков сама по себе недостаточно сильна, чтобы произвести переворот и удержаться у власти без помощи извне. Поэтому существенно важно добиться конкретного соглашения с иностранными государствами, заинтересованными в оказании помощи троцкистам против советского правительства.

Троцкий далее сказал Крестинскому:

— Зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с рейхсвером, но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только рейхсвер, а не германское правительство в целом...

— Второе. В чем сущность соглашения с рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима

депутату Герно Шотан писал: «Вы любезно обратили мое внимание на просьбу господина Льва Троцкого, эмигранта русского происхождения, о разрешении ему по соображениям здоровья проживать в департаментах Юга. Имею честь сообщить вам... что... заинтересованное лицо сможет без труда получить французскую визу, если оно обратится с соответствующей просьбой». Среди многочисленных влиятельных друзей и сторонников Троцкого во Франции были Жак Дорио, ренегат-коммунист и нацистский агент, и Марсель Деа, в прошлом профессор-социалист, а затем нацистский агент и — после поражения Франции — видный коллаборационист. Переезд Троцкого во Францию был встречен с одобрением антисоветскими элементами из французской разведки и тайной полиции. В апреле 1937 г. на процессе в Мексике Троцкий заявил: «...Мосье Том и мосье Кадо, генеральный секретарь полиции и префектуры департамента Нижней Шаранты, — вся полицейская верхушка была очень хорошо знакома с моим положением. Секретный агент полиции был осведомлен о каждой моем шаге». — *Примеч. авт.*

при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, за которые надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза. А нам нужны не 250 тысяч золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи придти к власти, и в этом направлении нужно вести работу.

— Прежде всего, — продолжал Троцкий, — необходимо достигнуть соглашения с германским правительством.

Что касается японцев, то Троцкий говорил о них как «о силе, с которой необходимо договориться». Поэтому русские троцкисты должны начать «зондировать» японских представителей в Москве. «Для этого, — инструктировал Троцкий Крестинского, — надо использовать Сокольников, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами...»

Продолжая инструктировать Крестинского о внутренней организации конспиративного аппарата в России, Троцкий сказал:

— Но ведь если даже произойдет нападение, скажем, Германии на Советский Союз, это еще не даст возможности захватить аппарат власти, если у нас не будут подготовлены известные внутренние силы... Необходимо иметь оплот и в городе, и в деревне, у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связи имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной Армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и придти к власти, заменить нынешнее правительство, которое должно быть арестовано, и посадить на его место свое собственное правительство, заранее подготовленное.

По своем возвращении в Россию Крестинский должен был войти в соприкосновение с генералом Тухачевским, заместителем начальника штаба Красной Армии, которого Троцкий охарактеризовал как «человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который несомненно с нами пойдет».

Последователи Троцкого в России должны были оказать всяческую поддержку генералу Тухачевскому, но в то же время расставить на стратегически важных местах своих людей, чтобы в момент переворота честолюбивый Тухачевский не мог без помощи Троцкого подчинить своему контролю новое правительство.

К концу совещания Троцкий дал Крестинскому особое указание о проведении кампании террора и вредительства в Советской России. Троцкий заявил, что диверсионные акты и террористические акты надо рассматривать с двух точек зрения: во-первых, «...под углом зрения применения их во время войны и для дезорганизации обороны Красной Армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота...». Во-вторых, сказал Троцкий, надо помнить, что эти акты давали бы ему, Троцкому, «большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы сослаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны, и достаточно активны».

Вернувшись в Москву, Крестинский на секретном совещании русских троцкистов сделал подробный отчет о своей встрече с Троцким. Некоторые из заговорщиков, в особенности Карл Радек, предполагаемый «министр иностранных дел» Троцкого, были уязвлены тем, что Троцкий вступил на путь столь важных переговоров без предварительной консультации с ними.

Ознакомившись с докладом Крестинского, Радек послал Троцкому специальное письмо с просьбой о

«более подробном разъяснении вопроса внешней политики».

Несколько недель спустя ответ Троцкого из Франции был вручен Радеку Владимиром Роммом, заграничным корреспондентом ТАСС, молодым человеком, выполнявшим функции троцкистского курьера¹. Ромм получил это письмо от Троцкого в Париже и доставил его в Россию заделанным в обложку популярного советского романа «Цусима». Впоследствии Радек сообщил следующее о содержании этого письма: «Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создаст реальную обстановку для прихода к власти блока... Троцкий указал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким средневропейским государствами и что официозным кругам этих государств он открыто сказал, что блок стоит на почве

¹ Владимир Ромм был корреспондентом ТАСС в Токио, Женеве и Париже. В 1933 г. в Париже ему было назначено Троцким свидание в кафе в Булонском лесу. Троцкий сказал Ромму, что только «с помощью крайних мер» заговорщики смогут добиться своей цели, и процитировал латинскую поговорку: «Что не излечивает лекарство, излечивает железо, что не излечивает железо, излечивает огонь». В 1934 г. Ромм был назначен корреспондентом ТАСС в США. Перед отъездом в Америку Ромм встретился с Седовым в Париже. Впоследствии Ромм показал: «Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, информировать его. Когда я спросил, почему это так его интересует, Седов сказал: «Это вытекает из установок Троцкого на поражение СССР. Поскольку вопрос о сроках войны с Германией и Японией в известной мере зависит от состояния советско-американских отношений, то это не может не интересовать Троцкого». — *Примеч. авт.*

сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического, и территориального характера».

В этом же письме Троцкий извещал Радека, что в ближайшем будущем с русскими троцкистами, работающими на дипломатических постах, войдут в соприкосновение некоторые иностранные представители и что в этом случае дипломаты-троцкисты должны будут подтвердить свою лояльность по отношению к Троцкому и заверить иностранных представителей, что они всецело его поддерживают...

Через некоторое время в кабинет Радека в редакции «Известий» вбежал заместитель народного комиссара иностранных дел по восточным вопросам троцкист Григорий Сокольников. Захлопнув за собой дверь, он возбужденно сказал:

— Представьте себе, веду в НКВД официальные переговоры. Разговор кончается. Переводчик и секретарь вышли. Японский посланник очутился передо мной и поставил вопрос: знаю ли я о предложениях, которые Троцкий сделал его правительству?

Сокольников был крайне смущен этим происшествием. Он спросил Радека:

— Как это представляет себе Троцкий? Как могу я, заместитель народного комиссара, вести такие переговоры? Это абсолютно невозможная ситуация.

Радек пытался успокоить своего взволнованного друга. «Не волнуйтесь, — сказал он. — Троцкий, очевидно, не представляет себе настоящего положения вещей». Радек уверял Сокольникова, что такие случаи больше не повторятся. Он уже написал Троцкому, что для русских троцкистов невозможно вести переговоры с немецкими и японскими агентами «на глазах у ОГПУ».

— Русским троцкистам, — сказал Радек, — придется «пойти на завизирование мандата» Троцкого на перего-

воры при условии, что он будет подробно информировать их о ходе этих переговоров...

Вскоре после этого к Радеку на одном дипломатическом приеме в Москве подсел немецкий дипломат и начал разговор:

— Наши руководители знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает: что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?

Описывая чувство, которое вызвало у него это неожиданное обращение, Радек впоследствии говорил: «Разумеется, его беседа со мной продолжалась не больше двух минут; обстановка дипломатического приема не подходит для разглаговольствований. Надо было буквально в одну секунду принять решение и дать ответ. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для такого сближения».

...В ночь на 30 июня 1934 г. террор нацистов обрушился на их собственные кадры в Германии: Гитлер ликвидировал оппозиционные элементы в своем движении. За одни сутки в Мюнхене и Берлине гитлеровскими убийцами были расстреляны капитан Эрнст Рем, начальник штаба штурмовых отрядов; Эдмунд Гейнес, обергруппенфюрер Восточной Германии; Карл Эрнст, главный начальник берлинских штурмовиков, и десятки их друзей и сторонников. Все нацистское движение было охвачено крайней тревогой и страхом.

Троцкий немедленно же направил в Берлин для встречи с троцкистским «связистом» Сергеем Бессоновым одного из самых своих доверенных «секретарей», международного шпиона по имени Карл Рейх, он же Иогансон. Бессонов был вызван в Париж для представления Троцкому подробного отчета о положении в Германии.

У Бессонова не было возможности отправиться в Париж немедленно, но в конце июля ему удалось выехать из Берлина. Встретившись с Троцким в одном из парижских отелей и описав ему обстановку в Германии, он в тот же вечер вернулся в Берлин. При встрече с Бессоновым Троцкий был в состоянии сильного нервного возбуждения. События в Германии, устранение «радикальных» нацистов во главе с Ремом могло нарушить его — Троцкого — планы. Бессонов заверил Троцкого, что Гитлер, Гиммлер, Гесс, Розенберг, Геринг и Геббельс по-прежнему хозяева положения.

— Они еще придут к нам! — воскликнул Троцкий.

Он сообщил Бессонову, что по приезду в Берлин ему придется выполнить важное поручение — вступить в переговоры с руководством фашистской Германии и обещать определенные уступки территорий в обмен на помощь немцев.

«В этом вопросе стесняться нечего, нам может быть обеспечена действительно серьезная, настоящая помощь со стороны Гесса и Розенберга. Мы не должны останавливаться перед тем, чтобы пойти на широкие территориальные уступки, — говорил Троцкий, — учтите это в своей работе и в своих разговорах с немцами, и я напишу об этом еще и Пятакову, и Крестинскому».

Между тем паутина измены уже оплела различные звенья советского дипломатического корпуса. Послы, секретари, атташе и младшие консульские агенты были вовлечены в сеть заговора не только в Европе, но и на Дальнем Востоке...

В заговоре принимал участие и советский посол в Японии. Фамилия его была Юренев. Он был тайным троцкистом с 1926 г. По указанию Троцкого он установил связь с японской разведкой. В установлении этого контакта с Японией Юреневу помогал старый друг Троцкого

Христиан Раковский, бывший посол в Англии и Франции. К этому времени Раковский уже не занимал важных постов в советском ведомстве иностранных дел. Он работал в различных комиссиях по общественному здравоохранению. Но все же среди участников подпольного заговора он оставался крупной фигурой.

В сентябре 1934 г. Раковский в составе советской делегации выехал в Японию на международную конференцию обществ Красного Креста, которая должна была состояться в Токио в октябре. Перед отъездом в Японию Раковский получил из Наркомтяжпрома конверт на свое имя. Конверт был от Пятакова и содержал письмо, которое Раковский должен был передать послу Юреневу в Токио. Предлогом к написанию письма была обычная просьба о присылке обычной экономической информации. Но на оборотной стороне письма были приписаны симпатическими чернилами адресованные Юреневу строки, извещавшие, что Раковский должен быть использован для переговоров с японцами.

Через день после приезда Раковского в Токио с ним установил контакт один из японских агентов. Эта встреча произошла в коридоре здания японского Красного Креста в Токио. Раковскому было сказано, что цели русского троцкистского движения «вполне совпадают» с целями японского правительства. Японский агент добавил, что для японского правительства чрезвычайно важно знать оценку Раковским «внутреннего политического положения Союза». В тот же вечер Раковский рассказал Юреневу о своем разговоре с японским агентом.

— Я сказал Юреневу, что тут речь идет о привлечении меня в качестве шпиона, информатора японского правительства, — рассказал он на процессе.

— Нечего колебаться, — отвечал посол-троцкист, — жребий брошен.

Несколько дней спустя Раковский ужинал с одним из высокопоставленных представителей японской разведки. Японский офицер начал беседу напрямик:

— Нам известно, что вы являетесь ближайшим другом и единомышленником господина Троцкого. Я должен вас попросить, чтобы вы ему написали, что наше правительство недовольно его статьями по китайскому вопросу, а также поведением китайских троцкистов. Мы вправе ожидать от господина Троцкого иной линии поведения. Господин Троцкий сам должен понимать, что является необходимым для нашего правительства. Входить в подробности не нужно, но ясно, что вызвать инцидент в Китае явилось бы желательным поводом для того, чтобы можно было вмешаться в китайские дела.

Затем японский офицер изложил Раковскому, какого рода секретную информацию японское правительство хотело бы получить от русских троцкистов: данные о состоянии колхозов, железных дорог, шахт и промышленных предприятий, главным образом в восточных районах СССР. Раковскому сообщили различные коды и шпионские клички для пользования при передаче информации. Было договорено, что доктор Найда, секретарь делегации Красного Креста, явится связным между Раковским и японской разведкой.

Перед отъездом из Токио у Раковского происходила прощальная беседа с Юрневым. Посол-троцкист был в подавленном состоянии. С мрачным видом он сказал:

— Мы очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься, как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведкой... Мне приходится вот в этом всем ориентироваться...

Раковский ответил ему:

— Нам, троцкистам, приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской... То, что мы делаем, является политикой ва-банк, все за все. Но когда авантюра удастся, авантюристов называют великими государственными людьми¹.

Дипломатия террора

В то время как русские заговорщики закрепляли свои изменнические связи с представителями Германии и Японии, готовилась и другая фаза тайного наступления на советское правительство. К измене присоединился террор...

В апреле 1934 г. в кабинет начальника важного по своему значению строительства кузнецких угольных шахт в Сибири вошел инженер Бояршинов. Он пришел сообщить, что на его участке творится что-то неладное. Слишком много несчастных случаев, подземных пожаров, порчи механизмов. Бояршинов подозревал вредительство.

¹ 20 февраля 1937 г. токийская газета «Миако» опубликовала отчет о заседании «плановой и бюджетной комиссии» японского правительства. На этом заседании депутат Иосида спросил военного министра генерала Сугияму, располагает ли он или армия какой-либо информацией о пропускной способности Сибирской железной дороги. Военный министр ответил утвердительно, добавив, что пропускная способность стратегически важной советской железной дороги известна японскому верховному командованию во всех деталях. «В России, — продолжал генерал Сугияма, — есть элементы, находящиеся в оппозиции к нынешнему правительству, и именно от них мы получили эти сведения». Опубликование этого заявления в газете «Миако» имело серьезнейшие последствия для журналистских кругов Токио. Газета была оштрафована правительством на крупную сумму за предание гласности тайной информации, а главный редактор ее информационного отдела Ягуци Гилеи, по настоянию военного министерства, был вынужден подать в отставку. — *Примеч. авт.*

Начальник строительства поблагодарил Бояршинова за информацию и сказал: «Кому нужно, я сообщу, а вы пока молчите».

Начальником строительства был Алексей Шестов, немецкий шпион и главный организатор троцкистского вредительства в Сибири.

Через несколько дней Бояршинов был найден мертвым в овраге. Когда он возвращался домой с работы, на пустынном участке дороги его задавил мчавшийся с большой скоростью грузовик. Шофером грузовика был профессиональный террорист Черепухин. Шестов поручил ему убить Бояршинова и заплатил ему за это 15 тыс. рублей¹.

В сентябре 1934 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов, совершавший инспекционную поездку по горнорудным и промышленным районам страны, прибыл в Сибирь. Когда Молотов возвращался после поездки на одну из шахт Кузнецкого угольного бассейна, машина, в которой он ехал, внезапно свернула с дороги, покатилась с крутой насыпи и остановилась на самом краю крутого оврага. Молотов и его спутники, отделавшись ушибами и синяками, выбрались из-под опрокинувшейся машины. Они чудом избежали смерти.

Машиной управлял Валентин Арнольд, начальник местного гаража. Арнольд был членом троцкистской террористической организации. Шестов дал ему задание убить Молотова, и Арнольд преднамеренно на полном ходу свернул с дороги. Попытка не удалась лишь потому, что в последнюю минуту Арнольд потерял самооблада-

¹ Деньги, выплаченные Шестовым убийце Бояршинова, были взяты им из секретного фонда в 164 тыс. рублей, которые похитили из государственного банка в Анжерке троцкистские бандиты, действовавшие под руководством Шестова. Эти деньги пошли на финансирование вредительской и террористической деятельности в Сибири. — *Примеч. авт.*

ние и замедлил ход при приближении к насыпи, где по плану должен был произойти «несчастный случай»...

К осени 1934 г. троцкистские и правые террористические группы действовали по всему Советскому Союзу. В состав этих террористических групп входили бывшие эсеры, меньшевики, профессиональные убийцы и бывшие агенты царской охранки. На Украине и в Белоруссии, в Грузии и Армении, в Узбекистане, Азербайджане и в Приморской области на Дальнем Востоке в террористический аппарат вербовались антисоветски настроенные националисты. Во многих местах операциями этих групп непосредственно руководили нацистские и японские агенты.

Был составлен список советских вождей, которых намечалось убить. Во главе списка стояло имя Иосифа Сталина. Далее следовали имена Климентия Ворошилова, Вячеслава Молотова, Сергея Кирова, Лазаря Кагановича, Андрея Жданова, Вячеслава Менжинского, Максима Горького и Валериана Куйбышева.

Террористы периодически получали от Троцкого письма, подчеркивавшие безотлагательность устранения советских лидеров. В октябре 1934 г. одно из таких писем было получено бывшим телохранителем Троцкого Эфраимом Дрейцером. Письмо было написано симпатическими чернилами на полях немецкого киножурнала. Оно было доставлено Дрейцеру его сестрой, которая получила этот журнал от троцкистского курьера в Варшаве. Письмо Троцкого к Дрейцеру гласило:

«Дорогой друг. Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

1. Убрать Сталина и Ворошилова.
2. Развернуть работу по организации ячеек в армии.
3. В случае войны использовать всякие неудачи и замешательство для захвата руководства».

Письмо было подписано «Старик»: такова была шифрованная подпись Троцкого.

Заговорщикам удалось после длительных наблюдений проследить маршрут, которым обычно пользовался в Москве народный комиссар обороны Ворошилов. Три террориста, вооруженных револьверами, в течение многих дней дежурили на улице Фрунзе, где обычно следовал автомобиль Ворошилова. Но машина шла на такой большой скорости, что террористы, как один из них признал впоследствии, «сочли бесполезным стрелять в нее».

Несколько покушений на жизнь Сталина также окончились неудачей.

Троцкистскому террористу, которому было поручено убить Сталина на одной важной партийной конференции в Москве, удалось проникнуть в зал заседания, но он не смог подойти на достаточно близкое расстояние к советскому вождю, чтобы воспользоваться своим револьвером. В другой раз террористы стреляли в Сталина, когда он проезжал в моторной лодке у побережья Черного моря, но промахнулись.

Когда террорист Иван Бакаев сообщил о неудавшемся покушении на Сталина, Лев Каменев сказал:

— Жаль, но будем надеяться, что в следующий раз будет удачнее¹.

¹ Внутренняя атмосфера троцкистско-зиновьевского террористического центра, если отвлечься от его «политического» фасада, напоминала нравы нью-йоркских гангстеров. Руководил террористами Бакаев, в прошлом политический помощник Зиновьева в Петроградском совете. Бакаеву Зиновьев поручил «устранять» всех тех, кто был способен предать организацию. В мае 1934 г., когда покушение на Сталина сорвалось потому, что получивший это задание убийца Богдан в последнюю минуту заколебался, Бакаев взял на себя миссию «заставить Богдана молчать». Он пришел к Богдану на квартиру и провел там ночь. На утро, после ухода Бакаева, Богдан был найден на полу с пулей в голове. Рядом с его трупом лежал револьвер. В комнате было найдено также письмо Богдана, которое Бакаев заставил его написать. В письме говорилось, что Бо-

Троцкий проявлял все большее нетерпение. Тон его переписки со своими приверженцами в России резко изменился. Он гневно укорял их в том, что они «все время занимаются организационной подготовкой и разговорами» и не сделали «ничего конкретного».

Троцкий начал засылать специальных агентов в Советский Союз для помощи в организации и проведении террористических актов. Эти агенты, которые были либо русскими эмигрантами, либо немецкими троцкистами, приезжали по фальшивым паспортам, заготовленным для них заговорщиками из советского дипкорпуса или германской военной разведкой и гестапо.

Первым из этих специальных агентов прибыл немецкий троцкист Натан Лурье. Вслед за ним прибыли еще два эмиссара Троцкого — Конон Берман-Юрин и Фриц Давид, он же Илья-Давид Крутлянский. В марте 1933 г. Троцкий прислал новых агентов — Валентина Ольберга и Моисея Лурье, он же Александр Эмель (Моисей Лурье не был родственником Натана Лурье).

Перед отъездом Натана Лурье из Берлина ему была указано, что в Москве ему предстоит действовать под контролем немецкого инженера и архитектора Франца Вайца, работающего в Советском Союзе. Вайц не при-

гдан покончил с собой ввиду «гонений», которым троцкистско-зиновьевская оппозиция подвергалась со стороны советского правительства. Член троцкистско-зиновьевского террористического центра Исаак Рейнгольд впоследствии показал: «Предполагалось и Зиновьевым и Каменевым..., что Бакаев должен будет на завтра после переворота, после захвата власти, стать во главе ГПУ в качестве председателя его. Опираясь на аппарат ГПУ, он должен был помочь скрыть следы, должен был уничтожить, убить не только тех сотрудников и работников ГПУ, которые могли бы знать кое-что о заговоре, но и всех непосредственных исполнителей террористических актов против Сталина и его ближайших помощников. Своих активистов, своих террористов-боевиков, которые были замешаны в этом деле, должна была уничтожить троцкистско-зиновьевская организация руками Бакаева». — *Примеч. авт.*

надлежал к числу сторонником Троцкого, он был членом германской национал-социалистской партии. В Советский Союз он был направлен в роли секретного эмиссара Генриха Гимmlера. Гимmlер поручил Вайцу организацию шпионажа и террористических актов в сотрудничестве с троцкистско-зиновьевским террористическим центром.

Когда один из сторонников Зиновьева задал ему вопрос об этих непосредственных связях с нацистским агентом, Зиновьев ответил: «Что же здесь вас смущает? Вы же историк... Вы знаете дело Лассалья с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции. Почему мы не можем теперь использовать Гимmlера?»

Незадолго до отъезда в Россию Конон Берман-Юрин и Фриц Давид были вызваны Троцким на специальное совещание. Оно происходило в Копенгагене в конце ноября 1932 г. Впоследствии Конон Берман-Юрин показал: «У меня было с ним (Троцким) два свидания. Прежде всего он стал меня прощупывать в отношении моей работы в прошлом. Спрашивал, почему я стал троцкистом. Я его информировал очень подробно. Затем Троцкий перешел к советским делам. Троцкий говорил: основной вопрос — это вопрос о Сталине. Сталина нужно физически уничтожить. Он говорил, что другие методы борьбы сейчас не эффективны. Он говорил, что для этого необходимы люди, которые решились бы на все, которые пошли бы на самопожертвование ради этой, как он выразился, исторической задачи...

...Вечером мы продолжали наш разговор. Я задал ему вопрос, как согласовать индивидуальный террор с марксизмом. Троцкий заявил мне на это следующее: нельзя к вопросам подходить догматически. Он сказал, что в Советском Союзе создалась такая ситуация, которую

Маркс не мог предвидеть. Троцкий сказал еще, что, кроме Сталина нужно убить Кагановича и Ворошилова.

В течение беседы он нервно ходил по комнате и говорил о Сталине с исключительной ненавистью...

Он заявил, что террористический акт нужно приурочить, по возможности, к какому-нибудь пленуму или конгрессу Коминтерна, чтобы выстрел в Сталина загремел на большом собрании. Это будет иметь огромный резонанс далеко за пределами Советского Союза... Это будет всемирно историческим политическим событием».

Троцкистско-зиновьевский террористический центр готовился нанести советскому правительству свой первый сильный удар. Этим первым ударом было убийство Сергея Кирова, секретаря Ленинградского областного комитета партии и одного из ближайших соратников Сталина.

В начале ноября 1934 г. Зиновьев, находившийся в Москве, послал своего подручного Бакаева в Ленинград проверить организацию террористических ячеек в этом городе.

Ленинградские террористы, делавшие безуспешные попытки проникнуть к Кирову, были не особенно довольны приездом эмиссара Зиновьева. «Что же, Григорий Евсеевич (Зиновьев), — сказал один из боевиков Бакаеву, — не верит... посылает сюда проверять наши настроения и нашу работу, — ну что ж, мы люди не гордые...»

На совещании представителей ленинградских террористических ячеек, на котором присутствовали семь террористов, Бакаева ознакомили с положением дел. Ему сообщили, что установлено регулярное наблюдение за Кировым на всем пути от его дома до места работы в Смольном институте. Бакаева познакомили с человеком, которому было поручено убийство: это был Леонид Николаев, бледный, худощавый человек тридцати лет,

бывший бухгалтер, снятый с работы за подлог в отчетности и исключенный из партии за политическую неблагонадежность.

Николаев сказал Бакаеву, что он предполагает стрелять в Кирова либо вблизи квартиры последнего, либо в Смольном институте. Он добавил, что старался попасть на прием к Кирову, но его не приняли.

Бакаев повторил инструкции, которые Зиновьев дал ему в Москве: «Главная практическая задача заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя...

На следствии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности категорическим образом отрицать это, аргументируя несовместимостью террора с взглядами большевиков-марксистов».

Зиновьев остался доволен положением дел в Ленинграде. Он и Каменев были уверены, что убийство Кирова произойдет в скором времени. Они считали, что этот акт повергнет советское правительство в состояние растерянности и явится сигналом к аналогичным актам против советских лидеров по всей стране. «Головы имеют ту особенность, — заявил Каменев, — что они снова не вырастают».

1 декабря 1934 г. в 4 часа 27 минут дня Сергей Киров вышел из своего кабинета в Смольном институте. Он шел по длинному украшенному мраморными колоннами коридору, направляясь в комнату, где он должен был сделать доклад по поводу решения ЦК об отмене карточной системы на хлеб. Когда он проходил мимо одного из смежных коридоров, оттуда выбежал человек и выстрелил ему в затылок из револьвера. В 4 часа 30 минут Сергей Киров умер.

Убийцей был Леонид Николаев. Он пытался скрыться, а когда это не удалось, — обратить оружие против самого себя, но был схвачен прежде, чем успел это сделать.

28 декабря 1934 г. Леонид Николаев предстал перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР. В своих показаниях он заявил: «Когда я стрелял в Кирова, я рассуждал так: наш выстрел должен явиться сигналом к взрыву, к выступлению внутри страны против ВКП(б) и советской власти».

Военная Коллегия приговорила Николаева к расстрелу.

Николаев не раскрыл того факта, что Зиновьев, Каменев и другие главарь троцкистско-зиновьевского центра были непосредственно замешаны в покушении на Кирова.

Однако советскому правительству было ясно, что тщательное планирование и подготовка, предшествовавшие убийству, исходили от гораздо более опытной и опасной организации, чем террористическая группа Николаева. Большевицкая партия выделила специального уполномоченного для расследования ленинградского дела.

Через две недели после суда над Николаевым Григорий Зиновьев, Лев Каменев и ряд известных их приверженцев, включая Бакаева, предстали перед ленинградским судом по обвинению в соучастии в убийстве Кирова. На суде Зиновьев и Каменев упорно придерживались заранее выработанной линии поведения. Не сознавая ни в чем, кроме того, что обнаружило советское правительство в ходе следствия, они симулировали глубокое раскаяние и «признавали», что политически оппозиционная деятельность, в которой они участвовали, «создала атмосферу», благоприятствующую для «антисоветской деятельности». Они признали, что были руководителями «Московского центра» оппозиции и несут «моральную и политическую ответственность» за убийство Кирова,

поскольку они возглавляли то подрывное политическое движение, на почве которого было совершено преступление. Но они упорно отрицали свою осведомленность о готовившемся покушении на жизнь Кирова.

— Я привык чувствовать себя руководителем, — заявил Зиновьев, — и, само собой разумеется, я должен был все знать... Злодейское убийство представляет всю предыдущую антипартийную борьбу в таком зловещем свете, что я признаю абсолютную правоту партии, когда она говорит о политической ответственности бывшей антипартийной зиновьевской группы за совершенное убийство.

Каменев вел такую же линию. Он заявил: «Должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место».

Хитрость удалась. Суд не мог установить факта непосредственного участия Зиновьева и Каменева в покушении на Кирова. Они были признаны виновными лишь в преступной антисоветской деятельности. Приговор суда гласил: «Судебное следствие не установило фактов, которые дали бы основание квалифицировать преступления членов «Московского центра» в связи с убийством 1 декабря 1934 года товарища С. М. Кирова как подстрекательство к этому гнусному преступлению, однако следствие полностью подтвердило, что участники контрреволюционного «Московского центра» знали о террористических настроениях ленинградской группы и сами разжигали эти настроения...»

За свою заговорщическую деятельность Зиновьев был приговорен к десяти годам заключения, а Каменев — к пяти.

Следствие коснулось лишь поверхности заговора. Среди многих фактов, которые не попали в поле зрения ленинградского суда, наиболее странными были, пожалуй, следующие.

После ареста Зиновьева и Каменева они были доставлены в НКВД¹ четырьмя агентами. Этими агентами были Молчанов, начальник секретного политического отдела НКВД, Паукер, начальник оперативного отдела, Волович, заместитель начальника оперативного отдела, и Буланов, подручный руководителя НКВД.

При аресте Зиновьева и Каменева эти четыре агента НКВД действовали самым необычным образом. Они не только не произвели обыска в квартирах арестованных, для выявления уличающих материалов, но фактически позволили Зиновьеву и Каменеву уничтожить ряд компрометирующих документов...

Еще более примечательны некоторые данные об этих четырех агентах НКВД: Молчанов и Буланов сами являлись тайными членами право-троцкистской заговорщической организации, Паукер и Волович были германскими агентами.

Для ареста Зиновьева и Каменева эти люди были специально отобраны наркомом внутренних дел Генрихом Ягодой.

Глава XVIII

УБИЙСТВО В КРЕМЛЕ

Ягода

В мае 1934 г., за полгода до убийства Сергея Мироновича Кирова, скончался от сердечного припадка долго хворавший председатель ОГПУ В. Р. Менжинский,

¹ В конце 1934 г. ОГПУ было преобразовано в НКВД (Народный комиссариат внутренних дел). — *Примеч. авт.*

На его место был назначен заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода, сорокатрехлетний человек среднего роста, на вид уравновешенный, деловитый, с убегающим подбородком и подстриженными усиками.

Генрих Ягода был тайным членом право-троцкистского блока. Как участник правой оппозиции, он примкнул к заговору в 1929 г. не потому, что был солидарен с программой Бухарина и Троцкого, а просто в расчете на то, что оппозиционеры придут к власти в России. Ягода хотел быть на стороне победителей. Он сам говорил: «Я очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе... Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит — троцкисты или ЦК ВКП(б), — окончательно еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я как заместитель председателя ОГПУ в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность».

Об участии Ягоды в заговоре сначала было известно только трем главарям правых: Бухарину, Рыкову и Томскому. В 1932 г., когда образовался право-троцкистский блок, об участии Ягоды узнали Пятаков и Крестинский.

Как заместитель председателя ОГПУ Ягода имел возможность ограждать заговорщиков от провала и ареста: «Я на протяжении ряда лет принимал все меры к тому, чтобы оградить организацию, в особенности ее центр, от провала», — показывал он. Ягода принимал участников право-троцкистского блока в аппарат ОГПУ. Таким образом, многие агенты иностранных разведок могли проникать в советские органы безопасности и при поддержке Ягоды заниматься шпионажем в пользу соответствующих государств. Германские шпионы Паукер и Волович, кото-

рым Ягода поручил арестовать Зиновьева и Каменева, были приняты на службу в ОГПУ самим Ягодой. «Я считал их, — говорил впоследствии Ягода об иностранных шпионах, — ценной силой при реализации заговорщических планов, в особенности по линии связи с иностранными разведками».

В 1933 г. Иван Смирнов, главный организатор троцкистско-зиновьевского террористического центра, был неожиданно арестован агентами советского правительства. Ягода не мог воспрепятствовать аресту. Под предлогом допроса заключенного Ягода посетил Смирнова в его камере и «проинструктировал его», дав указание, как держаться на допросе.

В 1934 г., перед убийством Кирова, охрана ОГПУ задержала в Ленинграде террориста Леонида Николаева. У него в портфеле были найдены револьвер и записная книжка с маршрутом, по которому Киров проезжал ежедневно. Когда Ягода был уведомлен об аресте Николаева, он дал инструкцию Запорожцу, заместителю начальника ОГПУ по Ленинградской области, освободить террориста без допроса. Запорожец был одним из подручных Ягоды. Он делал, что ему приказывали.

Через несколько недель Николаев убил Кирова. Но убийство Кирова было только одним из целого ряда убийств, осуществленных право-троцкистским блоком при прямом участии Генриха Ягоды...

За уравновешенной, деловитой внешностью Ягоды скрывались чудовищное честолюбие, жестокость и коварство. Ввиду того, что секретная деятельность право-троцкистского блока все более и более зависела от него, как заместителя председателя ОГПУ, он стал считать себя центральной фигурой и главой всего заговора. Ягода мечтал стать русским Гитлером. Он читал «Майн кампф». «Это действительно стоящая книга», — признавался он своему сообщнику и секретарю Павлу Буланову.

Особенно воодушевляло его, как он сам говорил Буланову, то обстоятельство, что Гитлер «из унтер-офицеров выбрался в такие лица». Ягода сам начал свою карьеру унтер-офицером русской армии.

У Ягоды была собственная концепция государственного строя, который должен быть установлен после свержения Сталина. Новое государство будет создано по образцу нацистской Германии, говорил он Буланову. Сам Ягода станет во главе его; Рыков займет место Сталина в качестве секретаря реорганизованной партии; Томский будет секретарем профсоюзов, которые должны находиться под строгим военным контролем, наподобие нацистских рабочих батальонов; «философ» Бухарин, как называл его Ягода, «будет у него не хуже доктора Геббельса».

Что касается Троцкого, Ягода не был уверен, что разрешит ему вернуться в Россию; это будет зависеть от обстоятельств. А пока что Ягода готов был воспользоваться переговорами Троцкого с Германией и Японией. Вооруженный переворот, по словам Ягоды, должен был быть приурочен к началу войны против Советского Союза.

«Для осуществления этого переворота нужны будут все средства: и вооруженное выступление, и провокация, и даже яды... — говорил Ягода Буланову. — Иногда бывают моменты, когда нужно действовать медленно и чрезвычайно осторожно, а бывают моменты, когда нужно действовать и быстро и внезапно».

Решение право-троцкистского блока сделать террор средством политической борьбы против советского правительства встретило одобрение Ягоды. Об этом решении его уведомил А. С. Енукидзе, в тот момент секретарь ЦИКа СССР и один из руководителей заговорщической работы правых. Ягода выставил только одно возражение. Террористические методы, применяемые заговорщиками,

казались ему слишком примитивными и опасными. Ягода предложил придумать более тонкие способы политических убийств, нежели традиционные бомбы, ножи и пули.

Сначала Ягода заинтересовался ядами. Он устроил тайную лабораторию и привлек к работе несколько химиков. Целью его было найти такой способ убийства, при котором разоблачение было бы исключено. «Убийство с гарантией» — вот путь, по которому Ягода хотел идти.

Но даже яды — это грубо и опасно; Ягода вскоре выработал собственную технику убийств и рекомендовал руководителям право-троцкистского блока свой метод как превосходное средство борьбы.

«Это очень просто, — говорил Ягода, — человек естественно заболевает, некоторое время болеет, окружающие привыкают к тому, что больной, что тоже естественно, или умирает, или выздоравливает. Врач, лечащий больного, может способствовать или выздоровлению больного, или смерти больного... Ну, а все остальное — дело техники».

Надо было только найти подходящих врачей.

Убийство Менжинского

Первый врач, которого Ягода вовлек в свой адский план убийства, был доктор Л. Г. Левин, плотный, пожилой человек, который любил хвастать своей полной аполитичностью. Доктор Левин был личным врачом Ягоды. Но для Ягоды особенно важно было то, что доктор Левин занимал большой пост в лечебных организациях Кремля. Среди его постоянных пациентов были многие видные советские деятели, в том числе начальник Ягоды В. Р. Менжинский, председатель ОГПУ.

Ягода стал оказывать особое внимание доктору Левину, он посылал ему заграничные вина, цветы для его

жены и даже подарки. Он предоставил Левину в собственность дачу. Когда доктор ездил за границу, Ягода давал ему разрешение беспошлинно и бестаможенно ввозить приобретенные им за границей вещи. Врач был польщен, однако несколько озадачен таким необычайным вниманием своего влиятельного пациента.

Скоро, стараниями Ягоды, ничего не подозревавший доктор Левин уже был повинен во взяточничестве и в мелких нарушениях советских законов. Тогда Ягода поставил вопрос ребром. Он сказал доктору Левину, что тайное оппозиционное движение, одним из руководителей которого был он сам, скоро придет к власти в Советском Союзе. Доктор Левин, сказал Ягода, может оказать большие услуги заговорщикам. Некоторые из ведущих советских деятелей, среди которых имеются и пациенты доктора Левина, должны быть устранены с пути.

«Учтите, — сказал Ягода перепуганному доктору, — что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Раз я вам оказал в этом доверие — вы это и должны ценить и вы должны это выполнить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят...» Ягода добавил: «Пока давайте оставим этот разговор, вы обдумайте дома, а через несколько дней я вызову вас».

Доктор Левин позднее описал впечатление, какое произвели на него слова Ягоды. Он показал: «Мне не нужно здесь передавать психологического ощущения, насколько мне было страшно это слушать, — думаю, что это достаточно понятно, но потом... такое непрекращающееся смущение... Он дальше сказал: «Вы знаете, кто с вами говорит, руководитель какого учреждения с вами говорит?»... Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и мне и моей семье. Я считал, что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться».

Доктор Левин помог Ягоде завербовать еще одного врача, также постоянно лечившего Менжинского. Этот врач был И. Н. Казаков, чьи лечебные методы, резко отличавшиеся от общепринятых, вызвали в начале тридцатых годов горячие споры в советских медицинских кругах.

Доктор Казаков утверждал, что ему удалось найти почти безотказный метод лечения целого ряда болезней. Метод свой он назвал «лизатотерапией». Председатель ОГПУ Менжинский, страдавший грудной жабой и бронхиальной астмой, уверовал в лечение Казакова и регулярно пользовался им¹.

По приказанию Ягоды доктор Левин явился к Казакову. Левин сказал ему:

— Зря вы возитесь с Менжинским — Менжинский живой труп.

¹ 23 декабря 1943 г. доктор Генри Е. Сиджрист, профессор истории медицины в университете Джона Гопкинса, выдающийся американский авторитет по истории медицины, писал авторам настоящей книги о докторе И. Н. Казакове: «В 1935 г. я провел целый день с профессором И. Казаковым в его клинике. Это был человек высокого роста, с пышной шевелюрой, которого скорее можно было принять за деятеля искусства, чем за ученого, по виду он больше всего напоминал оперного певца. От разговора с ним создавалось впечатление, что он либо гений, либо шарлатан. Он уверил, будто открыл новый метод лечения, который называл лизатотерапией, но отказался сообщить, как он изготовлял лизаты, которыми пользовался для лечения самых разнообразных болезней. Свой отказ он мотивировал тем, что этот метод может быть дискредитирован, если им будут пользоваться неосмотрительно и неумело, пока он еще недостаточно исследован. Высшие органы здравоохранения отнеслись к нему и к его открытию чрезвычайно сочувственно и предоставили ему все возможности клинического и лабораторного исследования и развития его метода. Профессор Казаков ожидал моего посещения и вызвал на этот день многих из своих бывших пациентов, чтобы продемонстрировать их мне... Все это произвело на меня впечатление какого-то балагана. Мне приходилось и в других странах видеть случаи чудесного излечения, осуществленного знахарями... Спустя несколько лет выяснилось, что его метод не оправдал себя и что сам он был не только шарлатаном, но и преступником». — *Примеч. авт.*

Доктор Казаков в изумлении посмотрел на своего коллегу.

— Мы с вами особо по этому вопросу поговорим, — сказал доктор Левин.

— О чем? — спросил Казаков.

— О здоровье Менжинского.

Позднее доктор Левин уточнил вопрос:

— Я вас считал умнее, а вы меня не поняли. — сказал он Казакову. — Удивляюсь я вам, что вы так рьяно взялись за лечение Менжинского и даже укрепляете его здоровье. Зря допустили его к работе.

Далее, к все возраставшему удивлению и ужасу доктора Казакова, доктор Левин продолжал:

— Вы поймите, что Менжинский — фактически труп, а восстанавливая его здоровье, допуская его к работе, вы тем самым восстанавливаете против себя Ягоду. Менжинский мешает Ягоде, и Ягода заинтересован в скорейшем устранении его. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается.

Доктор Левин добавил:

— Ни слова об этом Менжинскому! Предупреждаю вас, что если вы скажете Менжинскому, то Ягода вас, конечно, уничтожит, и нигде вы не спрячетесь от Ягоды, потому что он вас достанет из-под земли.

6 ноября 1933 г. доктор Казаков был спешно вызван на дом к Менжинскому. Когда доктор Казаков прибыл на квартиру председателя ОГПУ, его поразили тяжелый, удушливый запах скипидара и краски. Через несколько минут он сам почувствовал, что ему нечем дышать. Один из секретарей Менжинского пояснил ему, что в доме только что был произведен ремонт, что какое-то «специальное вещество» было добавлено к краске, «чтобы краска скорее сохла». Это «специальное вещество» и давало такой едкий, невыносимый запах.

Доктор Казаков поднялся наверх. Он застал Менжинского в очень тяжелом положении. Состояние его бронхов значительно осложнилось от удушливого запаха. Он находился в вынужденно-сидячем положении, совершенно отек, с трудом мог говорить. Доктор Казаков прослушал его легкие. Дыхание было затруднено, всюду типично-астматические сухие хрипы, удлинённый выдох. Доктор Казаков немедленно сделал Менжинскому инъекцию, чтобы ослабить припадок. Затем он открыл настежь все окна в его комнате и приказал секретарю Менжинского открыть все двери и все окна в доме. Запах стал постепенно исчезать. Доктор Казаков оставался у Менжинского, пока пациент не почувствовал себя лучше. Когда припадок окончился, доктор Казаков уехал домой.

Едва он вошел к себе, как раздался звонок по телефону. Звонили из ОГПУ. Доктору Казакову сказали, что его немедленно желает видеть Ягода. За ним уже выслана машина, которая доставит его к Ягоде...

— Как вы находите здоровье Менжинского? — был первый вопрос Ягоды, когда они остались одни в его кабинете. Невысокий, вылощенный, темноволосый заместитель председателя ОГПУ сидел за своим столом и холодным взглядом следил за выражением лица Казакова. Доктор Казаков ответил, что Менжинский сейчас, после перенесенных припадков бронхиальной астмы, находится в тяжелом состоянии. Ягода минуту молчал:

— Говорили вы с Левиным?

— Да, говорил, — ответил доктор Казаков.

Ягода внезапно вскочил с места и зашагал назад и вперед у своего стола. Вдруг он круто повернулся к Казакову и злобно закричал:

— Так что же вы умничаете, почему вы не действуете? Кто вас просил вмешиваться в чужие дела?

— Что вы хотите от меня? — спросил Казаков.

— Кто вас просил оказывать помощь Менжинскому? — сказал Ягода. — Вы зря возитесь с ним. Жизнь его

никому не нужна, всем мешает. Я вам предлагаю вместе с Левиным выработать такой метод лечения, при котором можно было бы скорее закончить жизнь Менжинского! — После паузы Ягода добавил: — Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить...

Для доктора Казакова наступили дни, полные ужаса, страха и кошмарных переживаний. Он работал, как в бреду. Должен он или не должен довести до сведения советских властей то, что ему известно? К кому обратиться? Где уверенность, что он не нарвется на одного из шпионов Ягоды?

Доктор Левин, с которым он часто встречался в это время, сообщил Казакову о существовании тайного заговора против советского правительства. Такие видные и влиятельные государственные деятели, как Ягода, Рыков и Пятаков, были участниками заговора; видные журналисты, такие, как Карл Радек и Бухарин, примкнули к нему; его втайне поддерживали некоторые лица из военного командования. Если доктор Казаков окажет теперь значительную услугу Ягоде, то Ягода вспомнит об этом, когда придет к власти. В Советском Союзе идет тайная борьба, и врачи наравне с другими должны сделать свой выбор.... Доктор Казаков сдался. Он сказал Левину, что готов выполнять приказы Ягоды.

Ниже мы приводим собственные слова доктора Казакова о методе, которым он и доктор Левин пользовались для убийства В. Р. Менжинского.

«Я видел Левина, и вместе с ним был выработан метод, который заключался в следующем: прежде всего, были использованы два основных свойства белка и белковых продуктов. Первое: продукты белкового распада — гидролизы — обладают свойством усиливать действие лекарственного вещества. Второе: лизаты поднимают чувствительность организма. Вот эти два свойства и были

использованы. В-третьих, были использованы особенности организма Менжинского — комбинация бронхиальной астмы с грудной жабой. Всем известно, что при бронхиальной астме находится в возбуждении так называемый парасимпатический отдел вегетативной нервной системы. Поэтому при бронхиальной астме даются вещества, возбуждающие противоположный отдел, т. е. симпатической щитовидной железы. Таким препаратом является препарат надпочечника, препарат продукта мозга. При грудной жабе находится в возбуждении как раз симпатический отдел, идущий от подшейного сплетения симпатического узла. Вот та тонкость, которая была использована...

Постепенно включались одни препараты и выключались другие... Надо было еще включить ряд сердечных лекарственных веществ — дигиталис, адонис, строфант, которые заставляли сердце энергично работать. Введение этих лекарств проводилось в таком порядке: давались лизаты, потом был перерыв в лечении лизатами, затем давались сердечные лекарства. В результате такого «лечения» наступила огромная слабость».

В ночь с 9 на 10 мая 1934 г. Менжинский скончался. На место его председателем ОГПУ был назначен Генрих Ягода.

— Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения, — показал впоследствии Ягода. — На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, а в интересах нашей заговорщической организации.

Убийство с гарантией

Список лиц, намеченных право-троцкистским блоком к уничтожению, включал имена советских вождей: Сталина, Ворошилова, Кирова, Менжинского, Молотова, Куй-

бышева, Кагановича, Горького и Жданова. Их надежно охраняли. Советское правительство имело горький опыт борьбы с террористами, и шансов на успех у заговорщиков было мало. Ягода прекрасно это знал. Когда Енукидзе, один из руководителей заговорщиков, сообщил ему о решении троцкистско-зиновьевского центра об открытом убийстве Сергея Мироновича Кирова, Ягода сначала возражал. На суде он показал: «Я выразил опасение, что прямой террористический акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать. Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь».

Однажды в конце августа 1934 г. в служебный кабинет Енукидзе в Кремле был вызван молодой человек, один из участников правой оппозиции. Это был В. А. Максимов. В 1928 г. Максимов был слушателем Института красной профессуры в Москве, возглавлявшегося тогда Бухариным. Бухарин завербовал его в заговорщическую организацию. Главари правых тщательно обработали неглупого, беспринципного юнца и после окончания им института стали назначать его на секретарские должности. В момент, когда его вызвали в кабинет Енукидзе, Максимов занимал должность личного секретаря В. В. Куйбышева, председателя Государственной плановой комиссии, члена Политбюро коммунистической партии и близкого друга и соратника Сталина.

Енукидзе сообщил Максимову, что «если раньше правые рассчитывали на то, что удастся свергнуть советскую власть при помощи организации отдельных наиболее антисоветски настроенных слоев, и в частности кулачества, то сейчас положение изменилось... и необходимо перейти к наиболее активным методам захвата власти».

Енукидзе тут же расшифровал новую тактику заговорщиков.

Центр правых, в согласии с троцкистами, принял решение о необходимости учинить ряд террористических актов против своих политических противников. Это должно было быть достигнуто «методом подрыва здоровья вождей». Этот метод, по словам Енукидзе, «наиболее удобен тем, что он внешне придаст характер несчастного исхода болезни и тем самым дает возможность прикрыть террористическую деятельность правых».

— Подготовка к этому уже начата, — прибавил Енукидзе. Он сказал Максимову, что тайным инициатором этого дела является Ягода, и заговорщики находятся под его защитой. Максимова как секретаря Куйбышева решено было использовать в связи с планом убийства председателя Государственной плановой комиссии. Куйбышев страдал серьезной болезнью сердца, и заговорщики думали этим воспользоваться.

Максимов испугался такого поручения и проявил некоторую нерешительность.

Через несколько дней Максимов был снова вызван к Енукидзе. На этот раз вопрос об убийстве Куйбышева обсуждался более подробно и при разговоре присутствовал еще один человек. Он сидел в темном углу комнаты и за все время не проронил ни слова; однако его присутствие оказало должное влияние на Максимова. Этот человек был Генрих Ягода.

— От вас требуется, — заявил Енукидзе Максимову, — во-первых, дать возможность врачам Ягоды часто посе-

щать больного. И второе: в случае острого заболевания, припадков каких-нибудь, не торопиться с вызовом врача, а если нужно, то вызывать только тех врачей, которые его лечат.

...К концу 1934 г. в здоровье Куйбышева наступило значительное ухудшение. Он сильно страдал и почти не мог работать.

Доктор Левин впоследствии изложил метод, который он, по инструкции Ягоды, применял во время болезни Куйбышева: «Слабым местом в его организме было сердце, на которое был направлен наш удар. Мы знали о плохом состоянии его сердца в продолжение значительного периода времени. Он страдал поражением сосудов сердца, миокардитом, у него бывали небольшие припадки грудной жабы. В этих случаях необходимо щадить сердце, необходимо избегать остро действующих сердечных средств, которые очень возбуждали бы деятельность сердца и приводили бы постепенно к его дальнейшему ослаблению... Мы применяли в отношении Куйбышева возбуждающие сердце средства без перерывов в течение продолжительного периода времени, вплоть до его командировки в Среднюю Азию. Начиная с августа по сентябрь-октябрь 1934 г., он непрерывно получал впрыскивания специальных препаратов эндокринных желез и другие средства, возбуждающие деятельность сердца. Это усилило и участило припадки грудной жабы...»

25 января 1935 г. в два часа дня у Куйбышева в его кабинете в Совете Народных Комиссаров в Москве начался сильный сердечный припадок. Максимов, находившийся в это время при Куйбышеве, был предупрежден доктором Левиным, что в случае припадка Куйбышеву следовало бы лежать без движения, совершенно спокойно. Максиму было сказано, что его задачей является убедить Куйбышева делать обратное, и он уговорил тяжело больного человека уйти домой.

Мертвенно бледный, едва держась на ногах, Куйбышев вышел из Совнаркома. Максимов спешно позвонил Енукидзе и сообщил о случившемся. Главари правых посоветовал ему не нервничать и не торопиться с вызовом врача.

Куйбышев с большим трудом проделал путь от Совнаркома до дома. Мучительно страдая, поднялся на третий этаж. Его встретила домашняя работница. Когда она увидела, что ему очень плохо, она позвонила Максиму и сказала, что Куйбышев нуждается в срочной медицинской помощи.

Когда пришли врачи, они застали Куйбышева уже мертвым.

«Историческая необходимость»

Наиболее жестокими из всех убийств, совершенных по указаниям Ягоды, были убийство Максима Горького и убийство его сына, Пешкова. Горькому было шестьдесят восемь лет. Его знали и чтили во всем мире не только как величайшего из современных русских писателей, но и как одного из крупнейших гуманистов мира. У Горького был туберкулез и больное сердце. Его сын, Пешков, унаследовал от отца крайнюю восприимчивость к заболеваниям дыхательных путей. Оба, Горький и его сын, были пациентами доктора Левина.

Убийство Горького и его сына, Пешкова, по единодушному решению главари право-троцкистского блока, было поручено Ягоде. В 1934 г. Ягода сообщил об этом решении доктору Левину и приказал выполнить его.

— Алексей Максимович — человек, очень близкий к высшему партийному руководству, — заявил Ягода доктору Левину, — человек, очень преданный той политике, которая ведется сейчас в стране, очень преданный лично

Сталину, человек, который никогда не изменит, никогда не пойдет с нами по одному пути. А вы знаете, с другой стороны, каким авторитетом пользуется слово Горького у нас в стране и далеко за ее пределами, каким влиянием он пользуется и как много вреда он может сделать своим словом нашему движению. Нужно вам решиться на это, и вы пожнете плоды при приходе новой власти.

Доктор Левин был явно смущен такими инструкциями, но Ягода продолжал:

— Вы напрасно так волнуетесь, вы поймите, что это неизбежно, что это — момент исторический, это — историческая необходимость, это — этап революции, через который мы должны пройти, и вы вместе с нами его пройдете и будете его свидетелем, и вы должны нам помочь теми средствами, которые в ваших руках¹.

Пешков был убит раньше отца. Доктор Левин показал: «У него были три системы в организме, которые очень легко можно было использовать: это сердечно-сосудистая, чрезвычайно возбудимая система, его дыхательные органы, унаследованные от отца, не в смысле туберкулеза, а в смысле слабости, и, наконец, вегетативно-нервная система. Небольшое количество вина и то влияло на

¹ Несмотря на преклонный возраст Горького, троцкисты ненавидели и боялись его. Сергей Бессонов, троцкистский связист, показал, что в начале июля 1934 г. Троцкий говорил ему: «Максим Горький очень близко стоит к Сталину. Он играет исключительно большую роль в завоевании симпатии к СССР в общественно-мировом демократическом мнении и особенно Западной Европы... Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. При этом условии я делаю вывод, что Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пятакову в самой категорической форме. Горького уничтожить физически во что бы то ни стало». Русские эмигранты и террористы, действовавшие заодно с нацистами, также внесли имя Горького в список советских вождей, которых они замыслили убить. Перед убийством сына Горького, Пешкова, Ягода говорил одному из заговорщиков, что смерть Пешкова будет «большим ударом по Горькому» и превратит его в «безобидного старика». — *Примеч. авт.*

его организм, а он пил, несмотря на это, большое количество вина...»

Доктор Левин начал подготовку «ослабления организма» Пешкова.

В середине апреля 1934 г. Пешков сильно простудился. Началось крупозное воспаление легких.

Когда показалось, что Пешков может выздороветь, Ягода пришел в ярость. «Черт знает что, — возмущенно заявил он, — здоровых залечивают, а тут больного не могут залечить».

Но в конечном итоге старания доктора Левина привели к желанным результатам. Как он сам впоследствии показал: «Больной был очень ослаблен, сердце было в отвратительном состоянии; нервная система, как мы знаем, играет огромную роль в течении инфекционных болезней. Все было возбуждено. Все было ослаблено, и болезнь приняла чрезвычайно тяжелый характер.

...Ухудшило течение этой болезни то, что были устранены те средства, которые могли принести большую пользу для сердца, и, наоборот, давались те, которые ослабляли сердце. И в конце концов... 11 мая, после воспаления легких, он погиб».

Максим Горький был убит аналогичными методами. В течение 1935 г. частые отлучки Горького из Москвы вырывали его из рук доктора Левина и временно облегчали его состояние, но затем, в начале 1936 г., нашелся удобный случай, которого дожидался доктор Левин. Горький серьезно заболел в Москве гриппом. Доктор Левин преднамеренно усугубил болезнь и, как в случае с Пешковым, грипп перешел в крупозное воспаление легких. И на этот раз доктор Левин убил своего пациента: «В отношении Алексея Максимовича установка была такая: применять ряд средств, которые были в общем показаны, против которых не могло возникнуть никакого сомнения и подозрения, которые можно применять для усиления сер-

дечной деятельности. К числу таких средств относились камфара, кофеин, кардиозол, дигален. Эти средства для группы сердечных болезней мы имеем право применять. Но в отношении его эти средства применялась в огромных дозировках. Так, например, он получал до сорока шприцев камфары... в сутки. Для него эта доза была велика... плюс две инъекции дигалена... плюс четыре инъекции кофеина... плюс две инъекции стрихнина...»

18 июня 1936 г. великий советский писатель скончался.

Глава XIX

КРИТИЧЕСКИЕ ДНИ

Война передвигается на запад

К 1935 г. планы совместного японо-германского нападения на Советский Союз достаточно созрели. Японские войска в Манчжурии то и дело устраивали «пробные» налеты и набеги на советскую территорию. Немецкое верховное командование вело секретные переговоры с военными кругами Польши об антисоветском военном союзе. В Прибалтике и на Балканах, в Австрии и Чехословакии готовились нацистские «пятые колонны». Реакционные английские и французские дипломаты усиленно поощряли обещанный Гитлером *Drang nach Osten*...

3 февраля, в результате переговоров между французским премьером Пьером Лавалем и английским министром иностранных дел сэром Джоном Саймоном, английское и французское правительства объявили, что они согласны освободить нацистскую Германию от части

ограничений, наложенных на нее «военными» статьями Версальского договора.

17 февраля лондонский «Обсервер» писал: «О чем так хлопочет сейчас токийская дипломатия в Варшаве и Берлине? Разгадку ищите в Москве... Отношения между Германией, Польшей и Японией с каждым днем становятся все теснее. Когда обстоятельства потребуют, эти отношения превратятся в антисоветский союз».

В расчете на то, что немецкое оружие будет направлено против Советской России, антисоветские политические деятели в Англии и Франции всеми средствами поддерживали нацистскую программу вооружения Германии...

1 марта, после плебисцита, которому предшествовала сопровождавшаяся ожесточенным террором нацистская пропаганда, Саарская область с ее богатейшими угольными шахтами была передана Францией нацистской Германии.

16 марта правительство «третьей империи» официально денонсировало Версальский договор и сообщило французскому, английскому, польскому и итальянскому послам в Берлине нацистский декрет о введении в Германии всеобщей воинской повинности.

13 апреля Берлин объявил о своем намерении создать воздушный флот из тяжелых бомбардировщиков.

18 июня, через одиннадцать дней после того как во главе английского правительства стал консерватор Стэнли Болдуин, было объявлено о подписании англо-германского морского соглашения. Нацистской Германии было предоставлено право постройки некоего флота с подводным тоннажем, равным тоннажу Великобритании. Соглашение было достигнуто после обмена письмами между нацистским министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом и новым английским министром иностранных дел сэром Сэмюэлем Хором.

3 ноября «Эко де Пари» сообщила о совещании, происходившем между президентом германского Рейхсбанка д-ром Яльмаром Шахтом, управляющим Английским банком сэром Монтегю Норманом и управляющим Французским банком м-сье Таннери.

По словам парижской газеты, д-р Шахт заявил на этом совещании: «Мы отнюдь не помышляем об изменении наших западных границ. Рано или поздно Германия и Польша поделят между собой Украину, пока же мы удовлетворимся распространением своего влияния на Прибалтийские провинции».

11 ноября «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Премьер Лаваль, являющийся одновременно министром иностранных дел, решительный сторонник соглашения между французской Третьей республикой и нацистской «третьей империей»; как сообщают, он готов порвать подписанный им, но еще не ратифицированный французским парламентом франко-советский пакт, чтобы заключить с Германией соглашение, в котором гитлеровский режим гарантировал бы восточные границы Франции в обмен на полную свободу действий в Клайпедской области и на Украине».

...Перед лицом возрастающей военной опасности советское правительство неоднократно призывало к объединенным действиям, в которых участвовали бы все страны, находящиеся под угрозой фашистской агрессии. И в Лиге наций, и в столицах европейских государств советский народный комиссар по иностранным делам М. М. Литвинов настойчиво добивался организации коллективной безопасности и заключения договоров между миролюбивыми нациями. 2 мая 1935 г. советское правительство подписало пакт о взаимопомощи с Францией, а 16 мая такой же пакт был подписан с Чехословакией.

«Ныне война должна всем представляться грозной опасностью завтрашнего дня, — говорил Литвинов в Лиге

наций. — Ныне организации мира, для которой еще сделано очень мало, противостоит весьма активная организация войны».

В октябре 1935 г., с дипломатического благословения Пьера Лаваля и сэра Сэмюэля Хора, фашистские войска Муссолини вторглись в Абиссинию...

Вторая мировая война, начавшаяся в 1931 г., когда Япония напала на Маньчжурию, продвинулась на запад¹.

На советской земле тайный фашистский авангард уже открыл широкое наступление против военного потенциала Красной Армии. В союзе с немецкими и японскими

¹ Троцкий дал инструкцию своим сторонникам в России приложить все усилия к тому, чтобы сорвать попытки советского правительства добиться организации коллективной безопасности. В начале 1935 г. троцкист и японский агент Христиан Раковский, бывший ранее советским послом в Лондоне и Париже, получил от Троцкого письмо, подчеркивавшее необходимость «изолировать Советский Союз в международном отношении». Русские заговорщики, писал Троцкий, должны при этом учитывать особенности различных политических элементов. Если приходится иметь дело с «левыми заграничными элементами», то надо «играть на их пацифистских чувствах». С «правыми заграничными элементами» дело обстоит проще: «Их настроения против СССР достаточно ясны и определены, — заявлял Троцкий. — С ними можно говорить открытым языком». В мае 1935 г. в Москву прибыла французская делегация для переговоров о франко-советском пакте. Делегацию сопровождал Эмиль Бюре, редактор влиятельной правой парижской газеты «Орор», с которым Раковский был в близкой дружбе, когда жил во Франции. Он посетил Бюре в гостинице «Метрополь» в Москве. В разговоре он сказал Бюре, что франко-советский пакт чреват опасностями и может привести к «превентивной войне со стороны Германии». К этому он добавил, что выражает не только свое мнение, но и мнение очень многих видных дипломатов и других официальных деятелей Советского Союза. К огорчению Раковского, Бюре ответил, что он непримиримый противник всяких попыток «умиротворения» нацистской Германии. «Франция, — сказал он, — не может оставаться изолированной перед растущей милитаризацией Германии. На агрессора нужно надеть смирительную рубашку; это единственный способ подавить войну». Но французской внешней политикой руководили, к несчастью, не Бюре и его единомышленники. Главой французской делегаций в Москве был Пьер Лаваль... — *Примеч. авт.*

агентами право-троцкистский блок начал тщательно разработанную систематическую кампанию против советской промышленности, транспорта и земледелия. Целью был подрыв советской оборонительной системы в предвидении надвигающейся войны.

Кампания тотального саботажа проводилась под компетентным наблюдением троцкиста Пятакова, заместителя народного комиссара тяжелой промышленности.

«Террор — сильно действующее средство, — говорил Пятаков на секретном собрании право-троцкистского блока в Москве, — но его далеко недостаточно. Необходимо подорвать достижения советской власти, подорвать престиж сталинского руководства и дезорганизовать хозяйственную жизнь... Надо действовать энергично и настойчиво, не останавливаясь ни перед какими средствами. Все средства необходимы и хороши — это директива Троцкого, которую разделяет троцкистский центр».

К осени 1935 г. по всему Советскому Союзу активность вредительских групп в стратегически важных пунктах дошла до апогея. На новых предприятиях тяжелой промышленности на Урале, на угольных шахтах Донбасса и Кузбасса, на железных дорогах, на электросиловых станциях и новостройках троцкистские вредители под руководством Пятакова одновременно нанесли важнейшим отраслям советской промышленности ряд тяжелых ударов. Такая же подрывная работа, под наблюдением Бухарина и других лидеров правых, развертывалась в колхозах, в кооперативах и государственных промышленных, торговых и финансовых учреждениях.

Вот как сами вредители описывали потом некоторые проведенные ими операции, выполнявшиеся немецкими и японскими агентами вместе с правыми и троцкистами.

Иван Князев, бывший начальник Южно-Уральской железной дороги, троцкист и японский агент: «Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, так как в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации...

27 октября 1935 г на Шумихе было организовано крушение воинского поезда № 504... Поезд, шедший с большой скоростью — километров 40—45 — влетел на 8-й путь, на котором стоял маршрут с рудой... Убито 29 красноармейцев. Ранено 29 человек... (Было) 13—15 крушений, непосредственно нами подготовленных...

...Особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения остро заразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск...»

Леонид Серебряков, бывший заместитель начальника Цудортранса, троцкист: «Мы... поставили задачу совершенно конкретную и точную: срыв перевозок, уменьшение ежесуточной погрузки методом увеличения пробега порожних вагонов, методом снижения заниженных уже до этого норм пробега вагонов и паровозов, путем недоиспользования тяговой силы, мощности паровоза и т. д.

...По предложению Пятакова, ко мне в Цудортранс пришел Лившиц (троцкист, японский агент), он был начальником Южной дороги... Он мне сообщил, что у него на Южной дороге имеется заместитель Зорин и что тот сможет развернуть работу... Мы с Лившицем между собой говорили и пришли к выводу, что, помимо действия организаций и в центре и на местах, которые должны вначале внести путаницу и неразбериху в работу транс-

порта, надо будет также обеспечить возможность в первые дни мобилизации занять наиболее важные железнодорожные узлы, создав в них такие пробки, которые привели бы в расстройство транспорт и снизили бы пропускную способность железнодорожных узлов».

Алексей Шестов, бывший член правления треста Кузнецкуголь, троцкист и нацистский агент: «В Прокопьевском руднике была проведена камерно-столбовая система без закладки выработанной поверхности. Благодаря этой системе мы имели 50 с лишним процентов потерь угля вместо обычных 15—20 процентов. Второе: благодаря этому факту мы имели на Прокопьевском руднике к концу 1935 г. около 60 подземных пожаров.

...Было несвоевременно начато углубление шахт, в частности шахты Молотова, сознательно законсервировали с 1933 г. сотый горизонт шахты Коксовой, своевременно не начали углубления шахты Манеиха... При монтаже оборудования и при монтаже подземной электростанции и других механизмов была проведена крупная подрывная работа...»

Станислав Ратайчак, бывший начальник Главного управления химической промышленности, троцкист и нацистский агент: «По моей директиве... было совершено три аварии-диверсии на Горловском заводе и еще две аварии — одна на Невском заводе и одна на Воскресенском химическом комбинате».

Яков Дробнис, бывший заместитель начальника Кемеровокомбинатстроя, троцкист: «С конца июля 1934 г. на меня было возложено руководство всей вредительской и диверсионной работой по всему Кузбассу. Я прожил в Средней Азии весь 1933 г. и в мае 1934 г. оттуда уехал, потому что было решение троцкистского центра перебросить меня в Западную Сибирь. Так как Пятаков располагал возможностью перебросить меня по линии промышленности, эта задача разрешилась вполне легко...

Одна из вредительских задач в плане — это распыление средств по второстепенным мероприятиям. Второе — это торможение строительства в таком направлении, чтобы важные объекты не ввести в эксплуатацию в сроки, указанные правительством...

Районная электростанция была приведена в такое состояние, что, если бы это понадобилось для вредительских целей, шахта по приказу могла бы быть залита водой. Кроме того, поставлялся такой уголь, который был технически негоден в качестве топлива, и это вело к взрывам. Это делалось совершенно сознательно... много рабочих было тяжело ранено».

Михаил Чернов, бывший народный комиссар земледелия СССР, участник организации правых, агент немецкой военной разведки: «...Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства с тем, чтобы... не дать лошадей для Красной Армии. В части, касающейся семян, мы включили в свою программу — запутать семенное дело, смешать сортовые семена и тем самым понизить урожайность в стране...

В части животноводства были поставлены задачи — вырезать племенных производителей, добиваться большого падежа скота, не давать развиваться кормовой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное заражение скота различного рода бактериями...

Для того чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику Ветеринарного управления Гинзбургу, участнику организации правых... не завозить противоязвенные биопрепараты в Восточную Сибирь... и когда весной 1936 г. там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было погублено — я точно не могу сказать — во всяком случае, больше 25 тыс. лошадей».

Василий Шарангович, бывший секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, участник организации правых, польский секретный агент: «Я занимался вредительством главным образом в области сельского хозяйства. В 1932 г. мы, и я лично, в этой области развернули большую вредительскую работу. Первое — по срыву темпов коллективизации.

Кроме того, мы организовали срыв хлебозаготовок... Была нами распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж свиней, причем это делалось таким образом, что противочумную прививку свиньям делали вредительски... Далее, по сельскому хозяйству, я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 г. в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Это проводилось нами с целью подрыва коневодства, так как конь в Белоруссии имеет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной.

Вследствие этой меры пало, насколько я помню сейчас, около 30 тыс. лошадей».

Письмо Троцкого

В конце 1935 г., когда призрак войны вырисовывался все яснее, специальный курьер привез в Москву Карлу Радеку давно ожидаемое письмо Троцкого. Оно было отправлено из Норвегии¹.

¹ В июне 1935 г. стоявшее у власти французское правительство выслало Троцкого из Франции; Троцкий отправился в Норвегию и устроил свой третий по счету заграничный штаб в уединенном и специально охранявшемся особняке в предместье Осло. «Рабочая партия» Норвегии, группа, отколовшаяся от Коминтерна, играла тогда большую политическую роль в стране и сумела облегчить переселение Троцкого. Троцкисты в Норвегии развивали ожесточенную антисоветскую пропаганду. А на крайнем правом крыле такую же яростную антисоветскую агитацию

Сгорая от нетерпения, Радек вскрыл письмо и начал читать. На восьми страницах тонкой английской бумаги Троцкий излагал подробности тайного соглашения, которое он наконец-то должен был заключить с германским и японским правительствами.

После вступления, в котором подчеркивалась «победа германского фашизма» и неминуемость «войны между народами», Троцкий переходил к своей главной теме. Он писал: «Существуют два варианта возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, а второй вариант — во время войны...

Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться...»

Отныне, писал далее Троцкий, «диверсионные акты троцкистов в военной промышленности» должны будут

вела норвежская антикоммунистическая «Насионал самлинг» (партия национального единства), возглавлявшаяся бывшим военным министром, майором Видкуном Квислингом. Майор Видкун Квислинг был когда-то норвежским военным атташе в Ленинграде. В 1922—1923 гг. он был направлен с «дипломатическими» поручениями на Украину и в Крым. Его жена — русская белогвардейка. В 1927 году, когда английское правительство порвало дипломатические отношения с Советской Россией, майору Квислингу, состоявшему тогда секретарем норвежской миссии в Москве, была поручена охрана английских интересов в России. За оказанные им при этом услуги он получил потом звание «почетного командора Британской империи». В 1930 г. советское правительство отказало Квислингу в разрешении на въезд в Советскую Россию ввиду того, что он занимался подрывной деятельностью на советской территории. Когда его «дипломатической» работе в Советском Союзе был положен конец, Квислинг приступил к организации в Норвегии псевдорадикальной группы, которая вскоре вступила на откровенно фашистский путь. Сам Квислинг давно уже был секретным агентом немецкой военной разведки и лидером норвежской «пятой колонны», в которую, как один из важнейших ее элементов, входили и троцкисты. — *Примеч. авт.*

совершаться под прямым «наблюдением немецкого и японского верховных командований». Троцкисты не должны приступать ни к каким «практическим действиям» без предварительного согласия своих немецких и японских союзников.

Чтобы обеспечить себе полную поддержку со стороны Германии и Японии, без которых было бы «нелепо думать, что можно придти к власти», правотроцкистский блок должен быть готов к серьезным уступкам. Троцкий перечислил эти уступки: «Германии нужны сырье, продовольствие и рынки сбыта. Мы должны будем допустить ее к участию в эксплуатации руды, марганца, золота, нефти, апатитов и обязаться на определенный срок поставлять ей продовольствие и жиры по ценам ниже мировых.

Нам придется уступить Японии сахалинскую нефть и гарантировать ей поставку нефти в случае войны с Америкой. Мы также должны допустить ее к эксплуатации золота. Мы должны будем согласиться с требованием Германии не противодействовать ей в захвате придунайских стран и Балкан и не мешать Японии в захвате Китая. Неизбежно придется пойти на территориальные уступки... Придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину».

В письме намечался затем характер режима, который должен быть установлен в России после свержения советского правительства: «Надо понять, что без известного выравнивания социальной структуры СССР с капиталистическими державами правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...

Допущение германского и японского капитала к эксплуатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической

психологии и недовольны колхозами. Немцы и японцы потребуют от нас разрядки атмосферы в деревне, поэтому надо будет идти па уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов.

В новой России должны произойти резкие перемены — как политические, так и территориальные и экономические.

Ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелой конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто».

Радек читал письмо Троцкого со смешанными чувствами. «После того, как я прочел эти директивы, — говорил он впоследствии, — я думал над ними всю ночь... Для меня было ясно, что хотя в директивах не было ничего такого, чего не имелось бы в виду и раньше, однако теперь все это созрело... предлагавшееся Троцким переходило все границы... Мы перестали быть в какой бы то ни было мере хозяевами своей судьбы».

На следующее утро Радек показал письмо Троцкого Пятакову. «Необходимо во что бы то ни стало встретиться с Троцким», — сказал Пятаков. Он собирался за границу в официальную командировку и рассчитывал пробыть несколько дней в Берлине. Радек должен был срочно известить об этом Троцкого и просить его по возможности немедленно установить контакт с Пятаковым в Берлине.

Пятаков прибыл в Берлин 10 декабря 1935 г. Троцкий заранее получил сообщение Радека, и в Берлине Пятакова уже ждал связист. Этим связистом оказался берлинский корреспондент «Известий», троцкист Дмитрий Бухарцев. Бухарцев сказал Пятакову, что некий Штирнер должен ему передать кое-что от Троцкого. Штирнер, объяснил курьер, — это «человек Троцкого»¹.

Пятаков поехал вместе с Бухарцевым в Тиргартен. В одной из аллей их ожидал какой-то человек. Это и был «Штирнер». Он передал Пятакову записку от Троцкого. В записке говорилось: «Ю.Л. (инициалы Пятакова), подателю этой записки можно вполне доверять».

В таком же лаконическом стиле, в каком была написана записка, Штирнер сообщил, что Троцкий очень хочет видеть Пятакова и поручил ему, Штирнеру, устроить это. Может ли Пятаков отправиться на самолете в Осло?

Пятаков отлично понимал, что такой поездкой он рискует разоблачить себя. Но он решил повидаться с Троцким, чего бы это ни стоило. Он ответил, что согласен полететь. Штирнер попросил его на следующее утро быть на аэродроме в Темпельгофе.

Когда Бухарцев задал вопрос о паспорте, Штирнер ответил: «Не беспокойтесь. Я это дело организую. У меня есть связи в Берлине».

На следующее утро, в назначенный час, Пятаков приехал на темпельгофский аэродром. Штирнер ждал его у входа. Он предложил Пятакову следовать за ним. По дороге к взлетной площадке Штирнер показал Пятакову приготовленный для него паспорт. Паспорт был выдан правительством нацистской Германии.

¹ Фамилия «Штирнер» была одним из псевдонимов «секретаря» Троцкого, международного шпиона Карла Райха, пользовавшегося также фамилией Иогансон. — *Примеч. авт.*

На площадке стоял самолет, готовый подняться в воздух...

В тот же день самолет приземлился на посадочной площадке в окрестностях Осло. Пятакова и Штирнера ожидала машина. Они ехали около получаса, пока не достигли дачного предместья. Машина остановилась у небольшого дома.

В этом доме Троцкий готовился к встрече со своим старым другом.

Озлобленность долгих лет изгнания наложила свою печать на человека, которого Пятаков считал своим «вождем». Троцкий выглядел старше своих лет. Он весь поседел. Плечи его согнулись. Глаза горели за стеклами пенсне, как у маньяка.

Друзья обменялись короткими приветствиями. Троцкий распорядился, чтобы их оставили в доме одних. После этого они приступили к разговору, который продолжался около двух часов.

Пятаков начал с рассказа о положении дел в России. Троцкий все время прерывал его резкими саркастическими замечаниями.

Он ругал Пятакова и остальных троцкистов в России за то, что они слишком много говорят и слишком мало делают. «Ну да, — сказал Троцкий, — вы там тратите время на обсуждение международных вопросов; лучше бы вы занимались своим делом, которое идет из рук вон плохо. А что касается международных дел, то в этом я понимаю больше, чем вы!»

Троцкий несколько раз повторил, что он убежден в неминуемом крушении «сталинского государства». Фашизм не потерпит дальнейшего развития советской мощи.

Троцкисты в России стоят перед выбором — или погибнуть «в руинах сталинского государства», или немедленно напрячь всю свою энергию в отчаянной попытке

свергнуть сталинский режим. Надо без колебаний принять помощь и руководство немецкого и японского верховных командований в этой решающей борьбе.

Военное столкновение между Советским Союзом и фашистскими державами, добавил Троцкий, неизбежно, и «вопрос измеряется не пятилетием, а коротким сроком». И он прямо сказал, что речь идет о 1937 г.

Пятакову было ясно, что эта информация не изобретена Троцким. Троцкий еще открыл Пятакову, что в течение некоторого времени он «вел довольно длительные переговоры с заместителем председателя германской национал-социалистской партии — Гессом».

В результате этих переговоров с заместителем Адольфа Гитлера Троцкий «совершенно определенно» договорился с правительством «третьей империи». Нацисты были готовы помочь троцкистам захватить власть в Советском Союзе.

«Само собой разумеется, — пояснил Троцкий, — это благоприятное отношение является не плодом какой-то особой любви к троцкистско-зиновьевскому блоку». По его словам, оно просто исходит «из реальных интересов самих фашистов и из того, что мы обещали для них сделать, если придем к власти».

Конкретно, соглашение, заключенное Троцким с нацистами, состояло из пяти пунктов. В обмен на помощь Германии, обещавшей поставить троцкистов у власти в России, Троцкий обязался:

«1. Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера.

2. Согласиться на территориальные уступки.

3. Допустить германских предпринимателей — в форме концессий (или в каких-либо других формах) — к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые

являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т. п.).

4. Создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий.

5. Развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. Причем эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским генштабом».

Пятаков, чувствуя себя наместником Троцкого в России, выразил опасение, что трудно будет объяснить рядовым членам право-троцкистского блока эту бесцеремонную сделку с нацистами.

— Не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программные вопросы во весь рост! — раздраженно ответил Троцкий.

Организация в целом не должна была знать ничего о подобном соглашении, заключенном с фашистскими державами.

— Невозможно и нецелесообразно, — говорил Троцкий, — делать его общим достоянием и даже сообщать о нем сколько-нибудь значительному числу троцкистов. Сейчас можно осведомить о нем только очень небольшой, ограниченный круг людей.

Троцкий снова и снова подчеркивал огромное значение фактора времени.

— Мы располагаем сравнительно коротким сроком, — настойчиво доказывал он. — Если мы упустим случай, возникнет двойная опасность: с одной стороны — опасность полной ликвидации троцкизма в стране, а с другой — та опасность, что сталинское государство будет существовать десятилетия, опираясь на некоторые экономические достижения, и в особенности на молодые новые кадры, которые выросли и воспитаны так, что счи-

тают это государство чем-то само собой разумеющимся и смотрят на него как на советское социалистическое государство. Наша задача противопоставить себя этому государству.

— Вспомните, — сказал в заключение Троцкий, когда Пятаков уже готовился уезжать, — было время, когда мы, социал-демократы, считали развитие капитализма явлением положительным и прогрессивным... Но у нас были и другие задачи, а именно — организовать борьбу против капитализма, взрастить его могильщиков. Так и теперь мы должны идти на службу сталинскому государству, но не для того, чтобы помогать его строительству, а для того, чтобы стать его могильщиками. Вот в чем наша задача.

После двухчасовой беседы Пятаков покинул Троцкого, оставив его в маленьком домике на окраине Осло, а сам вернулся в Берлин тем же путем, как и прибыл, на заказанном в частном порядке самолете, с нацистским паспортом в кармане.

Час пробил

Вторая мировая война, которая, по предсказанию Троцкого, должна была разразиться на полях Советской России в 1937 г., уже докатилась до Европы. События после вторжения Муссолини в Абиссинию развивались быстро. В марте 1936 г. Гитлер ремилитаризовал Рейнскую область. В июле фашисты нанесли удар в Испании, организовав путч испанских офицеров против республиканского правительства. Под предлогом «борьбы с большевизмом» и подавления «коммунистической революции» немецкие и итальянские войска высадились в Испании, чтобы поддержать офицерский мятеж. Лидер испанских фашистов генерал Франсиско Франко двинулся в поход на Мадрид. «Четыре колонны идут на Мадрид, — хва-

стался фашистский генерал Кейпо де Льяно в пьяном виде. — А пятая колонна встретит нас приветствием в самом городе!»

Так впервые родилось зловещее название «пятая колонна»¹.

12 сентября того же года, обращаясь с речью к войскам, собравшимся на парад в Нюрнберге по случаю нацистского партийного съезда, Гитлер публично возвестил о своем намерении напасть на Советский Союз.

¹ В период, когда при поддержке стран оси Франко воевал с законным правительством Испании, т. е. в 1936—1938 гг., друг Троцкого Андрес Нин стоял во главе «ультралевой», протроцкистской испанской организации ПОУМ (Partido Obrero de Unificación Marxista — Рабочая партия марксистского объединения). Официально ПОУМ не входил в «четвертый интернационал» Троцкого. Его ряды, однако, были насыщены троцкистами, и по всем важнейшим вопросам, как, например, отношение к Советскому Союзу и Народному фронту, ПОУМ решительно примыкал к политике Троцкого. Когда вспыхнул мятеж Франко, Нин был министром юстиции в Каталонии. Служа на словах антифашистскому делу, ПОУМ в течение всей гражданской войны в Испании не переставая вел агитацию и пропаганду против республиканского правительства. Сначала думали, что оппозиционная деятельность Нина имеет чисто «политический» характер, так как члены ПОУМ в объяснение своей позиции по отношению к испанскому правительству приводили «революционные» доводы. Но когда в решающий период, летом 1937 г., ПОУМ устроил в республиканском тылу, в Барселоне, неудавшееся восстание, призывая к «решительным действиям для свержения правительства», обнаружилось, что Нин и другие лидеры ПОУМ на деле были фашистскими агентами и сотрудничали с Франко, проводя систематическую кампанию саботажа, шпионажа и террора против республиканского правительства. В октябре 1937 г. начальник полиции в Барселоне подполковник Бурильо опубликовал подробности открытого в Каталонии заговора ПОУМ. Из захваченных барселонской полицией тайных документов явствовало, что члены ПОУМ широко развернули шпионаж в пользу фашистов, срывали перевозку припасов республиканской армии и саботировали военные операции на фронте. «Предполагалась также организация покушений на виднейших деятелей Народной армии, — сообщал в своем отчете подполковник Бурильо. — Кроме того, намечался план покушения на одного из министров республики»... — *Примеч. авт.*

«Мы готовы в любой момент! — кричал Гитлер. — Я не потерплю разрушение и хаос у своего порога!.. Если бы у меня были Уральские горы с их неисчислимым богатством сырья, Сибирь с ее безграничными лесами и Украина с ее необозримыми пшеничными полями, Германия и национал-социалистское руководство утопали бы в изобилии!»

25 ноября 1936 г. нацистский министр иностранных дел Риббентроп и японский посол в Германии подписали в Берлине антикоминтерновский пакт, обязуясь объединить свои силы для совместной борьбы против «мирового большевизма».

Отдавая себе отчет в непосредственной угрозе войны, советское правительство внезапно перешло в контрнаступление против врага у себя в стране. Весною и летом 1936 г. советские органы власти обрушили ряд ошеломляющих ударов на немецких шпионов, тайных право-троцкистских организаторов, террористов и вредителей. В Сибири был арестован нацистский агент Эмиль Штиклинг, который, как оказалось, руководил саботажем на кемеровских шахтах вместе с Алексеем Шестовым и другими троцкистами. В Ленинграде был захвачен другой нацистский агент Валентин Ольберг. Это был не только нацистский агент, но и один из специальных эмиссаров Троцкого. Он был связан с Фрицем Давидом, Натаном Лурье, Кононом Берман-Юриным и другими террористами. Один за другим были выслежены руководители первого «слоя» заговорщиков.

Была перехвачена шифрованная записка, которую Иван Смирнов послал из тюрьмы своим сообщникам. За этим последовал арест троцкистских террористов Эфраима Дрейцера и Сергея Мрачковского.

Лихорадочное беспокойство охватило русских заговорщиков. Все зависело теперь от нападения на Советский Союз извне.

Ягода в своих попытках сорвать производившееся расследование постепенно терял голову.

Один из людей Ягоды, работник НКВД Борисов, внезапно был вызван в помещение следственной комиссии — в Смольный институт в Ленинграде. Борисов играл руководящую роль в приготовлениях к убийству Кирова, и Ягода решился на отчаянный поступок. По дороге к Смольному Борисов стал жертвой «автомобильной катастрофы».

Но убрать одного свидетеля — этого было мало. Расследование продолжалось. Каждый день приносил известия о новых арестах. Нить за нитью следственные органы распутывали сложный клубок заговора, измены и убийств. К августу почти все руководящие члены троцкистско-зиновьевского террористического центра уже находились под стражей. Советское правительство объявило, что в результате специального расследования обстоятельств убийства Кирова выяснились совершенно новые данные. Каменев и Зиновьев должны были снова предстать перед судом.

Слушание дела началось 19 августа 1936 г. в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Зиновьев и Каменев, доставленные из места заключения, где они отбывали срок по прежнему приговору, сидели на скамье подсудимых вместе с четырнадцатью своими сообщниками. В числе последних были прежние главари гвардии Троцкого: Иван Смирнов, Сергей Мрачковский и Эфраим Дрейцер; секретарь Зиновьева Григорий Евдокимов и его подручный Иван Бакаев, а также пятеро троцкистских эмиссаров-террористов — Фриц Давид, Натан Лурье, Моисей Лурье, Конон Берман-Юрин и Валентин Ольберг.

Процесс — первый из так называемых «московских процессов» — знаменовал разоблачение и разгром террористического центра, т. е. первого «слоя» заговорщического

аппарата. Вместе с тем на суде было установлено, что заговор против советского строя разветвлялся гораздо шире и в нем участвовали гораздо более значительные фигуры, чем представшие перед судом террористы.

На процессе впервые была приподнята завеса, скрывавшая тесные отношения, установившиеся между Троцким и вожаками нацистской Германии. При допросе прокурором А. Я. Вышинским немецкого троцкиста Валентина Ольберга, посланного в Советский Союз самим Троцким, выяснились поразительные факты:

«Вышинский. Что вы знаете о Фридмане?

Ольберг. Фридман был одним из членов берлинской троцкистской организации, который также был отправлен в Советский Союз.

Вышинский. Известно ли вам, что Фридман был связан с германской полицией?

Ольберг. Я слышал об этом.

Вышинский. Связь германских троцкистов с германской полицией — это была система?

Ольберг. Да, это была система, и это было сделано с согласия Троцкого.

Вышинский. Откуда вам известно, что это было с ведома и согласия Троцкого?

Ольберг. Одна из этих линий связи была лично моя. Моя связь была организована с санкции Троцкого.

Вышинский. Ваша личная связь с кем?

Ольберг. С фашистской тайной полицией.

Вышинский. Значит, можно сказать, что вы сами признаете связь с гестапо?

Ольберг. Я этого не отрицаю. В 1933 г. началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией».

Ольберг рассказал суду, как он получил подложный южно-американский паспорт, с которым приехал в Советский Союз. По его словам, паспорт был ему передан

неким «Тукалевским», агентом немецкой тайной полиции в Праге. Ольберг добавил, что при этом ему оказал некоторую помощь его брат Пауль Ольберг.

— Ваш брат имел какое-либо отношение к гестапо? — спросил Вышинский.

— Он был агентом Тукалевского.

— Агентом фашистской полиции?

— Да, — сказал Ольберг.

Эмиссар Троцкого Натан Лурье показал на суде, что перед отъездом из Германии он получил инструкции, согласно которым по прибытии в Советский Союз он должен был работать с немецким инженером архитектором Францем Вайцем.

— Кто такой Франц Вайц? — спросил Вышинский.

— Франц Вайц был членом национал-социалистской партии Германии, — сказал Лурье. — Прибыл в СССР по поручению Гимmlера, который был в то время начальником охранных отрядов; впоследствии Гимmlер стал начальником гестапо.

— Франц Вайц был его представителем?

— Франц Вайц приехал в СССР по поручению Гимmlера для проведения террористических актов.

Но главари право-троцкистского блока не понимали своего отчаянного положения, пока не стал давать показания Каменев. Каменев проговорился о существовании других «слоев» тайного аппарата заговорщиков.

— Зная, что мы можем провалиться, — сказал Каменев, — мы наметили узенькую группу, которая бы продолжала террористическую деятельность. Нами для этой цели был намечен Сокольников. Нам казалось, что со стороны троцкистов эту роль могут с успехом выполнить Серебряков и Радек... В 1932, 1933, 1934 гг. я лично поддерживал сношения с Томским и Бухариным, осведомляясь об их политических настроениях. Они нам сочувствовали. Когда я спросил у Томского, каково настроение

у Рыкова, он ответил: «Рыков думает так же, как и я». На мой вопрос, что же думает Бухарин, он сказал: «Бухарин думает то же, что я, но проводит несколько иную тактику — будучи не согласен с линией партии, он ведет тактику усиленного внедрения в партию и завоевания личного доверия руководства».

Некоторые из подсудимых взывали к милосердию. Другие как будто примирились со своей участью. «Политический вес и биография каждого из нас не одинаковы в прошлом, — говорил Эфраим Дрейцер, бывший начальник личной охраны Троцкого. — Но, став убийцами, мы все сравнялись здесь. Я, во всяком случае, принадлежу к тем, кто не вправе ни рассчитывать, ни просить о пощаде».

Террорист Фриц Давид в своем последнем слове воскликнул: «Я проклинаю Троцкого! Я проклинаю этого человека, который погубил мою жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление!»

Вечером 23 августа Военная Коллегия Верховного Суда вынесла приговор. Зиновьев, Каменев, Смирнов и тринадцать других членов троцкистско-зиновьевского террористического блока были приговорены к расстрелу за террористическую деятельность и за измену.

Спустя неделю были арестованы Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков. 27 сентября Генрих Ягода был снят с должности народного комиссара внутренних дел.

Для заговорщиков настал решающий момент. Правые лидеры, Бухарин, Рыков и Томский, со дня на день ждали ареста. Они требовали немедленного выступления, не дожидаясь войны. Охваченный паникой, бывший председатель ВЦСПС Томский предлагал немедленное вооруженное нападение на Кремль. Предложение было отвергнуто, как слишком рискованное. Для подобной открытой авантюры не были готовы силы.

На последнем совещании заправил правотроцкистского блока, перед самым арестом Пятакова и Радека, было принято решение подготовить вооруженный переворот. Организация переворота и руководство всем аппаратом заговорщиков были переданы Н. Н. Крестинскому, заместителю народного комиссара по иностранным делам. Крестинский пока еще ничем не выдал себя, едва ли даже его подозревали, и в то же время он поддерживал тесные отношения с Троцким и немцами. Он мог продолжать дело, даже если бы были арестованы Бухарин, Рыков и Томский.

Своим заместителем Крестинский выбрал Аркадия Розенгольца, недавно вернувшегося из Берлина, где в течение многих лет он стоял во главе советского торгового представительства. Занимая высокие посты в советской администрации, Розенголец ухитрялся тщательно держать в секрете свои связи с Троцким. Только сам Троцкий, да еще Крестинский знали, что Розенголец был троцкистом и платным агентом немецкой военной разведки с 1923 г.¹

С этого момента все дела право-троцкистского блока находились в руках двух троцкистов — Крестинского и

¹ Во время гражданской войны Розенголец был командиром Красной Армии. После войны он работал в советском полпредстве в Берлине. В 1923 г. Троцкий связал его с немецкой военной разведкой. За деньги, которые шли на финансирование нелегальной работы Троцкого, Розенголец сообщал немцам сведения о советских воздушных силах; Троцкий, который был тогда народным комиссаром по военным и морским делам, имел эти сведения в своем распоряжении. Розенголец не принимал открытого участия в троцкистской оппозиции. В 1934 г. он получил через Бессонова письмо от Троцкого, в котором тот указывал, что пора уже позабыть об осторожности и приступить к активной вредительской работе в области внешней торговли. Розенголец был тогда советским торговым представителем в Берлине. На короткий срок он сумел направить советскую внешнюю торговлю по руслу, благоприятному для нацистской Германии, а затем и для Японии. В начале 1936 г. Розенголец был отозван в Москву. — *Примеч. авт.*

Розенгольца, которые были одновременно и немецкими агентами. После продолжительного обсуждения оба пришли к выводу, что для русской «пятой колонны» пришло время бросить на стол свою последнюю карту.

Этой последней картой был военный путч. Человек, которому предназначалось руководить военным мятежом, был маршал Тухачевский, заместитель народного комиссара обороны СССР.

Глава XX

КУДА ВЕЛ СЛЕД

Тухачевский

Призрак корсиканца еще раз появился в России. Новым кандидатом на роль Наполеона был Михаил Николаевич Тухачевский. Бывший царский офицер из дворян-помещиков, он стал одним из руководителей Красной Армии.

Еще юношей, при выпуске из Александровского военного училища, Тухачевский говорил: «В тридцать лет я или буду генералом, или застрелюсь!». Будучи офицером царской армии, он участвовал в первой мировой войне. В 1915 г. он попал в плен к немцам. Лейтенант Фервак, французский офицер, который был в плену вместе с Тухачевским, характеризовал его потом как человека, крайне честолюбивого и не останавливающегося ни перед чем. Голова его была набита ницшеанскими идеями. «Я ненавижу Владимира святого за то, что он крестил Русь и выдал ее западной цивилизации, — говорил Тухачевский. — Надо было сохранить в неприкосновенно-

сти наше грубое язычество, наше варварство. Но и то, и другое еще вернется. Я в этом не сомневаюсь!» Касаясь возможности революции в России, Тухачевский говорил: «Многие жаждут ее. Мы тяжелы на подъем, но разрушители по природе. Если вспыхнет революция, один бог знает, куда она приведет. Я считаю, что конституция будет означать конец России. Нам нужен деспот!».

Тухачевский бежал из немецкого плена и вернулся в Россию накануне Октябрьской революции. Он присоединился к бывшим офицерам царской армии, которые организовывали белогвардейские войска для борьбы с большевиками. И вдруг переменял фронт. Одному из своих приятелей, капитану Дмитрию Голумбеку, Тухачевский по секрету сообщил о своем решении порвать с белыми. «Я спросил его, что же он намерен делать», — рассказывал впоследствии Голумбек. — Он ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У нас нет вождя». Несколько минут он ходил по комнате, потом остановился и воскликнул: «Не подражай мне, если не хочешь, но я думаю, что поступаю правильно, Россия будет теперь совсем другая!»

В 1918 г. Тухачевский вступил в большевистскую партию. Он вскоре нашел себе место среди военных авантюристов, окружавших Троцкого, но уклонялся от участия в его политических интригах. Образованный и опытный военный, он быстро делал карьеру в еще не окрепшей тогда Красной Армии. Он командовал 1-й и 5-й армиями на врангелевском фронте, участвовал в успешном наступлении на Деникина и, вместе с Троцким, не очень успешно руководил контрнаступлением против вторгшихся поляков. В 1922 г. он был назначен начальником Военной академии. Вместе с другими высшими командирами Красной Армии он принимал участие в военных переговорах с немецкой Веймарской республикой после Рапалльского договора.

В дальнейшем Тухачевский стал во главе немногочисленной группы кадровых военных, бывших царских офицеров, служивших в штабе Красной Армии, которые считали для себя обидой быть под началом старых партизан — Ворошилова и Буденного. В группу Тухачевского входили представители высшего командования — Якир, Корк, Уборевич и Фельдман, рабски преклонявшиеся перед немецкой военщиной. Наиболее тесно Тухачевский был связан с троцкистом В. К. Путной, занимавшим должности военного атташе в Берлине, Лондоне и Токио, и начальником Политического управления Красной Армии Яном Гамарником, личным другом рейхсверовских генералов Секта и Гаммерштейна.

Вместе с Путной и Гамарником Тухачевский вскоре организовал в штабе Красной Армии небольшую, но влиятельную германофильскую клику. Тухачевский и его сообщники знали о сделке Троцкого с рейхсвером, но считали ее «политическим» соглашением. Эту сделку надо было, по их мнению, «уравновесить» союзом между группой Тухачевского и немецким верховным командованием. Захват власти Гитлером нисколько не отразился на тайном соглашении между Тухачевским и немецкими военачальниками. Гитлер, как и Троцкий, был «политиком». У военных же имелись свои планы...

С первого же дня существования право-троцкистского блока Троцкий считал Тухачевского главным козырем, который должен быть разыгран только в решающий стратегический момент. Он поддерживал сношения с Тухачевским главным образом через Крестинского и Путну. Позднее Бухарин сделал Томского своим личным «офицером связи» для сношений с военной группой. Как Троцкий, так и Бухарин прекрасно знали, что Тухачевский презирает «политиков» и «идеологов», и опасались его честолюбивых замыслов. Обсуждая с Томским возможность пустить в ход военную группу, Бухарин говорил:

— Поскольку речь идет о военном перевороте, то в силу самой логики вещей будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков... и отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я в частности имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского «потенциальным Наполеончиком», а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами.

Далее Бухарин спросил Томского, «как он мыслит механику переворота».

— Это — дело военной организации, — сказал Томский и добавил, что когда нацисты нападут на Советский Союз, военная группа предполагает «открыть немцам фронт», т. е. капитулировать перед ними. Этот план подробно разработан и одобрен Тухачевским, Путной, Гамарником и немцами.

На это Бухарин ответил, что можно будет «избавиться попутно» от тревожившей его «бонапартистской опасности».

Томский не понял. Тогда Бухарин ему объяснил: Тухачевский попытается установить военную диктатуру; может быть даже он попробует заручиться поддержкой масс, сделав козлами отпущения политических руководителей заговора. Но став у власти, политики сумели бы побить Тухачевского его же оружием. «В таком случае целесообразно отдать под суд виновников поражения на фронте. Это даст нам возможность, играя патриотическими лозунгами, увлечь за собою массы...» — сказал Бухарин.

В начале 1936 г. Тухачевский как советский военный представитель ездил в Лондон на похороны короля Георга V. Незадолго до отъезда он получил желанное звание маршала Советского Союза. Он был убежден, что

близок час, когда советский строй будет низвергнут и «новая» Россия в союзе с Германией и Японией ринется в бой за мировое господство.

По дороге в Лондон Тухачевский останавливался ненадолго в Варшаве и Берлине, где он беседовал с польскими «полковниками» и немецкими генералами. Он так был уверен в успехе, что почти не скрывал своего преклонения перед немецкими милитаристами.

В Париже, на официальном обеде в советском посольстве, устроенном после его возвращения из Лондона, Тухачевский изумил европейских дипломатов открытыми нападками на советское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами. Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Николаем Титулеску, он говорил:

— Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех.

Слова Тухачевского были записаны румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Э. Шакананом Эссезом, который также присутствовал на банкете в советском посольстве. А бывшая в числе гостей известная французская журналистка Женестьева Табуи писала потом в своей книге «Меня называют Кассандрой»: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром... Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных похвалах нацистам. Сидя справа от

меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставая повторял: — Они уже непобедимы, мадам Табуи!

Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный ему немецкими дипломатами, которым нетрудно было сговориться с этим представителем старой русской школы? Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так».

Разоблачения на процессе троцкистско-зиновьевского террористического блока в августе 1936 г. и последовавший затем арест Пятакова и Радека сильно взволновали Тухачевского. Он встретился с Крестинским и сказал ему, что планы заговорщиков надо коренным образом перестроить. Первоначально предполагалось, что военная группа не выступит, пока Советский Союз не подвергнется нападению извне. Но на международном горизонте все время появляется что-нибудь новое, например, франко-советский пакт или неожиданно стойкая оборона Мадрида, — и все это откладывает удар извне. Поэтому, сказал Тухачевский, заговорщики должны ускорить дело и устроить переворот раньше, чем предусмотрено по плану. Немцы немедленно придут на помощь своим союзникам в России.

Крестинский ответил, что сейчас же сообщит эти соображения Троцкому и объяснит ему, что необходимо действовать быстрее.

В октябре Крестинский отправил Троцкому «устную информацию» следующего содержания: «Мы считаем, что арестовано довольно много троцкистов, но тем не менее основные силы... еще не затронуты... Выступление может состояться... для этого нужно центру ускорить внешние иностранные выступления».

Под «иностранными выступлениями» Крестинский подразумевал нападение нацистов на Советский Союз...

Вскоре после этого, в ноябре, на Чрезвычайном Восьмом Съезде Советов, Тухачевский, встретив Крестинского, отвел его в сторону. «Начались провалы, — взволнованно сказал Тухачевский, — и нет никаких оснований думать, что на тех арестах, которые произведены, дело остановится». И действительно, троцкистский связист Путна был уже арестован. Правительство явно подозревало о существовании обширного заговора и готовилось принять решительные меры. В распоряжении властей имелось достаточно данных, чтобы вынести обвинительный приговор Пятакову и другим. Арест Путны и снятие Ягоды с поста народного комиссара внутренних дел означали, что следственные власти добиваются до самого корня. И трудно было предвидеть, куда приведет след. Все висело на волоске.

Тухачевский стоял за немедленное выступление. Блок должен безотлагательно принять решение и подготовить все свои силы для поддержки военного переворота...

Крестинский обсудил вопрос с Розенгольцем. Оба троцкистско-немецких агента пришли к заключению, что Тухачевский прав. Троцкому было отправлено еще одно письмо. В нем, кроме сообщения о намерении Тухачевского выступить, не дожидаясь войны, Крестинский поднимал еще некоторые важные вопросы политической стратегии. Он писал: «...Придется при такого рода выступлении скрыть истинные цели переворота, обращаться к населению, к армии и к иностранным государствам... Во-первых, было бы правильно в своих обращениях к населению не говорить о том, что наше выступление направлено к свержению существующего социалистического строя... мы... будем... выступать под личиной советских революционеров: свергнем плохое советское правительство и возродим хорошее советское правитель-

ство... Так мы собирались говорить, но про себя мы рассуждали иначе».

Ответ был получен Крестинским в конце декабря. Троцкий полностью соглашался с Крестинским.

После ареста Пятакова он и сам пришел к выводу, что военную группу надо пустить в ход без дальнейших отсрочек. Письмо Крестинского было еще в дороге, а Троцкий уже писал Розенгольцу, высказываясь за немедленное военное выступление...

«После получения этого ответа, — показывал потом Крестинский, — и началась более непосредственная подготовка выступления. Тухачевскому были развязаны руки, ему дан был карт-бланш — приступить к этому делу непосредственно».

Процесс троцкистского параллельного центра

Советское правительство также готовилось действовать. Разоблачения на процессе Зиновьева и Каменева с полной несомненностью установили, что заговор выходил далеко за рамки тайной «левой» оппозиции. Действительные центры заговора находились не в России; они были в Берлине и в Токио. По мере хода расследования советскому правительству все яснее становились нити, связывавшие русскую «пятую колонну» с державами оси.

23 января 1937 г. перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР предстали Пятаков, Радек, Сокольников, Шестов, Муралов и двенадцать их сообщников, в том числе главные агенты немецкой и японской разведок.

В течение нескольких месяцев до суда руководящие деятели троцкистского центра упорно отрицали предъявленные им обвинения. Но улики против них были неоспоримые и подавляющие. Один за другим, они вынуж-

дены были признать, что руководили вредительством и террором, и, согласно инструкциям Троцкого, поддерживали сношения с германским и японским правительствами. Но ни на следствии, ни на суде они не раскрыли всей картины. Они даже не заикнулись о существовании военной группы; они не упомянули имени Крестинского или Розенгольца; они ничем не выдали существования право-троцкистского блока, последнего и самого влиятельного «слоя» заговорщиков, который тем временем лихорадочно готовился к захвату власти.

На предварительном следствии Сокольников, бывший заместитель народного комиссара по иностранным делам, раскрыл политическую сторону заговора — сделку с Гессом, предположенное расчленение СССР, план установления фашистской диктатуры после свержения советской власти. На суде Сокольников показал: «Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться... Все это подкреплялось таким доводом: лучше пойти на известные жертвы, даже на очень тяжелые, чем потерять все... Мы рассуждали как политики... Мы считали, что у нас остаются известные шансы».

Пятаков признал, что он был лидером троцкистского центра. Спокойным, рассудительным тоном, тщательно выбирая слова, бывший член президиума ВСНХ давал показания по поводу установленных фактов террора и вредительства, которыми он руководил до самого ареста. И при этом он сохранял на сухом и вытянутом бледном лице такое бесстрастное выражение, что, по словам американского посла Джозефа Э. Дэвиса, был «похож на профессора, читающего лекцию».

Вышинский добивался от Пятакова объяснения, как троцкисты и иностранные агенты при встрече узнают друг друга. Пятаков всячески увиливал от ответа:

«Вышинский. Что побудило германского агента Ратай-чака открыться вам?

Пятаков. Два человека говорили со мной...

Вышинский. Открылся он вам, или вы открылись ему?

Пятаков. Открыться можно взаимно.

Вышинский. Вы открылись первый?

Пятаков. Кто был первый, он или я — курица или яйцо, — я не знаю».

Как писал потом Джон Гюнтер в «Инсайд Юроп», за границей было широко распространено мнение, что все подсудимые говорили одно и то же, что вид у них был жалкий и заискивающий. Такое впечатление не совсем правильно. Они упорно спорили с обвинителем и, по существу, признавали лишь то, что вынуждены были признать...

По мере того как в ходе процесса обвиняемые один за другим беспощадно разоблачали Пятакова как расчетливого хладнокровного убийцу и предателя, в его спокойном, ровном голосе стала слышаться нотка растерянности и нерешительности. Осведомленность обвинения о некоторых фактах была для него неожиданным ударом. Тогда он изменил свою позицию. Он стал утверждать, что еще до ареста у него возникли сомнения в правильности действий Троцкого. Так, например, по его словам, он не одобрял сделки с Гессом. «Мы попали в тупик, — сказал Пятаков, — и я искал выхода». В последнем слове, обращенном к суду, Пятаков воскликнул: «Да, я был троцкистом в течение многих лет. Рука об руку я шел вместе с троцкистами... Не думайте, граждане судьи... что за эти годы, годы удушливого троцкистского подполья, я не видел того, что происходит в стране. Не думайте, что я не понимал того, что делается в промышленности. Я скажу прямо. Подчас, выходя из троцкистского подполья и занимаясь другой своей практической работой, я иногда

чувствовал как бы облегчение и, конечно, человечески, это была двойственность не только в смысле внешнего поведения, но и внутри меня... Через несколько часов вы вынесете ваш приговор... Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым».

Ни слова о том, что на свободе остался еще «слой» заговорщиков, так и не вырвалось у Пятакова...

Николай Муралов, командовавший после Октябрьской революции войсками Московского военного округа, видный деятель «гвардии» Троцкого, с 1932 г. руководивший вместе с Шестовым и немецкими «техниками» троцкистскими ячейками на Урале, просил суд принять во внимание его «чистосердечные показания» и отнестись к нему со снисхождением. Огромного роста, седой, бородатый, Муралов давал показания стоя, вытянув руки по швам. Он заявил, что, находясь под арестом, после долгой внутренней борьбы решил рассказать все. Уолтеру Дюранти и некоторым другим слушателям казалось, что в его словах звучит неподдельная искренность, когда он говорил суду: «Я отказался от защитника, я отказался от защиты, потому что я привык защищаться годным оружием и нападать. У меня нет годного оружия, чтобы защищаться... Было бы непристойно мне обвинять кого-нибудь в вовлечении меня в троцкистскую организацию... В этом я не смею никого обвинять, в этом я сам виноват. Это моя вина, это моя беда... Свыше десяти лет я был верным солдатом Троцкого...»

Карл Радек, поглядывая из-за толстых стекол очков на переполненный зал, юлил и вилял перед Вышинским, переходя от смиренной вкрадчивости к дерзкому высокомерию и обратно. Подобно Пятакову, только более откровенно, он признал свою изменническую деятельность. Радек утверждал также, что еще до ареста, как только

он получил от Троцкого письмо, сообщавшее о сделке с немецким и японским правительствами, он решил отмежеваться от Троцкого и разоблачить заговор. Несколько недель он ломал себе голову над тем, как ему поступить.

«Вышинский. Что вы решили?»

Радек. Первый ход — это было идти в ЦК партии, сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел. Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский. Ответ красноречивый!

Радек. Ответ грустный».

В последнем слове Радек рисовал себя как человека, раздираемого сомнениями, непрестанно колеблющегося между преданностью советской власти и верностью оппозиции, к которой он принадлежал с первых дней революции. По его словам, он был убежден, что советский строй ни в коем случае не может выдержать враждебное давление извне. «Я расходился с партией по главному вопросу, — говорил Радек, — по вопросу о продолжении борьбы за пятилетний план... Троцкий воспользовался моим смятением». По рассказу Радека, шаг за шагом он был втянут в самое сердце заговора. А потом ему стали известны связи с иностранной военной разведкой и, под конец, переговоры Троцкого с Альфредом Розенбергом и Рудольфом Гессом. «Троцкий, — сказал Радек, — поставил нас перед фактом своего сговора».

Объясняя, как он пришел к решению признать свою виновность и подтвердить все, что ему было известно о фактической стороне заговора, Радек говорил суду: «Когда я очутился в Наркомвнуделе, то руководитель следствия... мне сказал: «Вы же не маленький ребенок. Вот вам 15 показаний против вас, вы не можете выкрутиться и, как разумный человек, не можете ставить себе эту цель...»

В течение двух с половиной месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение двух с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл...

И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: «Вы уже — последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите того, что можете показать?» И я сказал: «Да, я завтра начну давать вам показания».

Приговор был вынесен 30 января 1937 г. Все подсудимые были признаны виновными в том, что они «в целях ускорения военного нападения на Советский Союз, содействия иностранным агрессорам в захвате территорий Советского Союза, свержения советской власти, восстановления капитализма и власти буржуазии руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью».

Военная Коллегия Верховного Суда приговорила Пятакова, Муралова, Шестова и десять других подсудимых к расстрелу. Радек, Сокольников и двое второстепенных участников заговора были приговорены к лишению свободы на продолжительные сроки.

Подводя итоги в своей речи 28 января 1937 г., государственный обвинитель Вышинский сказал: «Люди, связавшиеся с иностранными — германской и японской — разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой стремились достичь результатов, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир. Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каж-

дой стране, желающей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготовляющими войну, собирающимися взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества».

Слова Вышинского не получили широкого распространения за пределами Советской России, но их слышали и хорошо запомнили некоторые дипломаты и журналисты.

На американского посла в Москве Джозефа Э. Дэвиса процесс произвел глубокое впечатление. Дэвис ежедневно присутствовал в зале суда и при помощи переводчика внимательно следил за ходом процесса. Бывший адвокат, Дэвис сообщал, что прокурор Вышинский, которого антисоветская пропаганда изображала «жестоким инквизитором», по его мнению, «очень похож на Гомера Каммингса¹ — такой же спокойный, бесстрастный, рассудительный, искусный и мудрый. Как юрист, я был глубоко удовлетворен и восхищен тем, как он вел это дело».

В секретной депеше на имя государственного секретаря Корделла Хэлла от 17 февраля 1937 г. посол Дэвис сообщал, что почти все иностранные дипломаты в Москве разделяют его мнение о справедливости вынесенного по делу приговора. Он писал в этой депеше: «Я беседовал чуть ли не со всеми членами здешнего дипломатического корпуса, и все они, за одним только исключением, держатся мнения, что на процессе было с очевидностью установлено существование политического сообщества и заговора, поставившего себе целью свержение правительства».

¹ Каммингс был при Рузвельте министром юстиции (с 1933 по 1939 г.).

Но это обстоятельство не стало известным широкой публике. Могущественные силы усиленно хлопотали, стараясь скрыть правду о «пятой колонне» в Советской России. 11 марта 1937 г. посол Дэвис записал в свой московский дневник: «Другой дипломат, посланник..., в разговоре со мной вчера очень удачно охарактеризовал положение. Говоря о процессе, он сказал, что подсудимые, вне всякого сомнения, были виновны; те из нас, кто присутствовал на процессе, по существу согласны с этим; но внешний мир, судя по газетным сообщениям, склонен думать, что процесс был инсценировкой (только фасадом, как он выразился); и хотя он знает, что это не так, пожалуй, лучше, чтобы внешний мир думал, что это так»¹.

Планы майского выступления

Заговор еще далеко не был разгромлен. Подобно Пятакову, Радек также умолчал о некоторых важных

¹ Троцкисты и их сообщники ответили на московские процессы бешеной пропагандой. В Соединенных Штатах их заявления и статьи печатались в «Фореин аффэрс куортерли», «Ридерс дайджест», «Сатердэй ивнинг пост», «Америкэн меркюри», «Нью-Йорк таймс» и в ряде других популярных газет и журналов. Среди друзей, сторонников и почитателей Троцкого, высказывания которых широко распространялись американской печатью и радио, можно назвать следующих: Макса Истмена, бывшего американского представителя и официального переводчика Троцкого; Александра Бармина, ренегата, служившего некоторое время в Народном комиссариате по иностранным делам; Альберта Гольдмана, юрисконсульта Троцкого, осужденного в 1941 г. Федеральным судом за участие в преступном заговоре против вооруженных сил Соединенных Штатов; «генерала» Кривицкого, русского авантюриста, разыгрывавшего из себя бывшего видного работника ОГПУ и впоследствии покончившего с собой, причем в оставленной записке он назвал свое самоубийство искуплением за совершенные им «великие грехи»; Исаака Дон Левина, ветерана антисоветской пропаганды и автора сенсационных статей в херстовской прессе; Вильяма Генри Чемберлина, тоже автора херстовских сенсаций, печатавшего статьи о московских процессах в токийском пропагандистском органе «Контемпорери Джапан». — *Примеч. авт.*

обстоятельствах, несмотря на кажущуюся откровенность его показаний. Правда, на второй день процесса Радек чуть не проболтался. Его подвел собственный несдержанный язык. Стараясь уклониться от ответа на один из настойчивых вопросов Вышинского, он упомянул имя Тухачевского. «Виталий Путна, — сказал Радек, — приходил ко мне с просьбой от Тухачевского», — и тотчас же быстро заговорил о другом, не упоминая больше произнесенного имени.

На следующий день Вышинский огласил часть показаний Радека на предыдущем заседании. «Я хочу знать, в какой связи вы назвали имя Тухачевского», — обратился он к Радеку,

Короткая пауза, затем последовал гладкий, без запинки, ответ. Тухачевскому, по словам Радека, нужны были «некоторые правительственные материалы», которые Радек хранил в редакции «Известий». «Тухачевский не имел, конечно, никакого понятия о моей роли... — добавил Радек. — Я знаю, что Тухачевский относится к партии и правительству с беззаветной преданностью!»

Это все, что говорилось о Тухачевском на процессе. Но оставшиеся на свободе заговорщики пришли к убеждению, что всякая дальнейшая отсрочка была бы для них равносильна самоубийству.

Крестинский, Розенгольц, Тухачевский и Гамарник устроили ряд экстренных тайных совещаний. Тухачевский начал назначать офицеров в специальные «команды», каждая из которых имела свои особые задачи на случай выступления.

К концу марта 1937 г. подготовка военного переворота вступила в заключительную стадию. На совещании с Крестинским и Розенгольцем, на квартире последнего, Тухачевский заявил, что военная группа будет в полной готовности через шесть недель. Выступление можно назначить на первые числа мая, во всяком случае, оно

должно состояться не позже 15-го. В военной группе, сказал он, обсуждается «ряд вариантов» переворота.

«Один из этих вариантов, — показывал на суде Розенгольц, — на который Тухачевский наиболее сильно рассчитывал, — это возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире, под каким-нибудь предлогом проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства». Одновременно Гамарник со своими отрядами должен был захватить здание Народного комиссариата внутренних дел.

Был разговор и о других «вариантах», но этот, по мнению Крестинского и Розенгольца, как самый смелый, имел больше всего шансов на успех...

Совещание на квартире Розенгольца приободрило заговорщиков. План переворота, намеченный Тухачевским, внушал им радужные надежды. Несмотря на потерю Пятакова и других сообщников, казалось, что долгожданный день, к которому так готовились заговорщики, наступает.

Быстро промелькнул апрель, занятый последними лихорадочными приготовлениями.

Крестинский приступил к изготовлению подробных списков «людей, которых нужно будет арестовать и снять с постов в момент выступления, и списков людей, которых можно будет назначить на эти освободившиеся места». Отряду головорезов под командованием Гамарника было поручено убийство Молотова и Ворошилова. Розенгольц собирался накануне переворота добиться приема у Сталина и убить вождя советского народа в его кабинете в Кремле...

Это происходило на второй неделе мая 1937 г.

...И вдруг советское правительство нанесло сокрушительный удар. 11 мая маршал Тухачевский был смещен с поста заместителя народного комиссара обороны и

назначен командующим войсками второстепенного Волжского военного округа. Гамарник также был снят со своего поста. Сняты были и видные военные деятели Якир и Уборевич, участвовавшие в заговоре вместе с Тухачевским и Гамарником. Двое других видных военных, Корк и Эйдеман, были арестованы по обвинению в тайных сношениях с нацистской Германией.

— Я стал готовиться к аресту, — показывал потом Крестинский. — Розенгольц не ждал провала и брал на себя продолжение сношений с Троцким... Через несколько дней после этого я был арестован.

Власти опубликовали официальное сообщение о том, что Бухарину, Рыкову и Томскому, которые были привлечены к следствию и находились под надзором, предъявлено обвинение в измене. Бухарин и Рыков были взяты под стражу. Томский в предвидении ареста покончил самоубийством. 31 мая Гамарник последовал примеру Томского и застрелился. Было сообщено, что Тухачевский и ряд других представителей высшего командования арестованы НКВД.

Спустя короткое время был арестован и Розенгольц. Предпринятые по всему Союзу аресты лиц, заподозренных в принадлежности к «пятой колонне», продолжались.

11 июня 1937 г., в одиннадцать часов утра, маршал Тухачевский, вместе с семьёю другими представителями высшего командования, предстал перед Особым Военным Трибуналом Верховного Суда. Ввиду того, что показания на суде должны были касаться военных тайн, дело слушалось при закрытых дверях. Процесс разбирался по правилам военного судопроизводства.

Подсудимым было предъявлено обвинение в сговоре с враждебными иностранными державами против Советского Союза. Перед маршалами Ворошиловым, Буденным, Шапошниковым и другими руководителями Крас-

ной Армии на скамье подсудимых рядом с Тухачевским сидели следующие семь представителей начальствующего состава:

В. К. Путна, бывший военный атташе в Лондоне, Токио и Берлине.

И. Э. Якир, бывший командующий войсками Украинского военного округа.

И. П. Уборевич, бывший командующий войсками Белорусского военного округа.

Р. П. Эйдеман, бывший председатель Центрального совета Осоавиахима.

А. И. Корк, бывший начальник Военной академии им. Фрунзе.

Б. М. Фельдман, бывший начальник отдела личного состава штаба Красной Армии.

В. М. Примаков, бывший командующий войсками Харьковского военного округа.

В официальном сообщении о процессе говорилось: «Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Яна Гамарника в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружественную политику в отношении СССР.

Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии Красной Армии.

Они вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии и пытались подготовить поражение Красной Армии на случай нападения на СССР и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

12 июня Военный трибунал вынес приговор. Подсудимые были признаны виновными в деяниях, вменявшихся

им в вину, и приговорены к расстрелу. Через двадцать четыре часа приговор был приведен в исполнение.

...И снова по всему миру прокатилась волна антисоветских злостных сплетен и пропаганды. Уверяли, будто вся Красная Армия охвачена восстанием против советского правительства.

События в Советской России смутили даже многих добросовестных наблюдателей. Тогда еще не были широко известны характер и методы «пятой колонны». 4 июля 1937 г. американский посол в Москве Джозеф Э. Дэвис имел беседу с народным комиссаром по иностранным делам М. М. Литвиновым. Он прямо сказал Литвинову, что расстрел высших офицеров Красной Армии и московские процессы произвели дурное впечатление в Европе и Соединенных Штатах.

— По-моему, — сказал посол, — это поколебало доверие Англии и Франции к мощи СССР по сравнению с гитлеровской.

Литвинов тоже говорил откровенно. Он сказал Дэвису, что советское правительство вынуждено было прибегнуть к решительным мерам, чтобы в предвидении неминуемой войны оградить страну от изменнических организаций, которые действовали бы заодно с Берлином и Токио.

— Придет день, — сказал Литвинов, — когда мир оценит то, что мы сделали, чтобы предохранить наше государство от угрожающей измены... Мы оказываем услугу всему миру, защищаясь от угрозы гитлеровского мирового господства и тем самым сохраняя Советский Союз в качестве мощного оплота против нацистской опасности.

28 июля 1937 г., разобравшись в действительном положении в Советской России, Дэвис послал государственному секретарю Корделлу Хэллу «совершенно секретную депешу № 457». Сделав обзор последних событий, посол опровергал нелепые слухи о массовом недоволь-

стве и неминуемом крушении советской власти. «Вопреки газетным рассказам, не наблюдается ничего похожего на казачьи стоянки вблизи Кремля или казачьи разъезды на Красной площади», — писал он. Что же касается дела Тухачевского, то, анализируя его, посол приходил к следующему выводу: «Если исключить возможность террористических актов или войны с иностранным государством, то положение правительства и нынешнего режима представляется незыблемым как в настоящий момент, так, вероятно, и на известный период в будущем. «Корсиканская» опасность пока что ликвидирована».

Финал

Последний из трех знаменитых московских процессов начался 2 марта 1938 г. в Доме Союзов. Дело разбиралось Военной Коллегией Верховного Суда.

Утренние, дневные и вечерние заседания, посвященные судебному следствию, в том числе и заседания при закрытых дверях, на которых давались показания, касавшиеся военных тайн, продолжались семь дней.

На скамье подсудимых сидели двадцать один человек. Это были: бывший председатель коллегии ОГПУ Генрих Ягода и его секретарь Павел Буланов; лидеры правых Николай Бухарин и Алексей Рыков; троцкистские лидеры и одновременно немецкие агенты Николай Крестинский и Аркадий Розенгольц; троцкистско-японский агент Христиан Раковский; еще двое троцкистских лидеров и немецких агентов — Михаил Чернов и Григорий Гринько; польский агент Василий Шарангович; одиннадцать других заговорщиков — члены право-троцкистского блока, вредители, террористы и иностранные агенты, в том числе связист Троцкого Сергей Бессонов и врачи-убийцы Левин, Плетнев и Казаков.

Американский журналист Уолтер Дюранти, присутствовавший на процессе, писал потом в своей книге «Кремль и народ»: «Это был, по существу, заключительный, итоговый процесс, потому что к этому времени дело стало ясным: прокуратура овладела фактами и научилась распознавать врагов и доморощенных, и импортированных. Прежние колебания и сомнения теперь рассеялись, так как процессы один за другим (и в особенности, по-моему, процесс «генералов») постепенно восполнили картину, которая во время убийства Кирова была столь неясной и хаотичной...»

Следственные власти тщательно подготовили дело. Длившаяся целые месяцы работа предварительного следствия, сличение новых данных с материалами прежних процессов, очные ставки обвиняемых со свидетелями и подробные допросы арестованных заговорщиков нашли свое отражение в обвинительном заключении. Формула обвинения гласила:

«1. В 1932—1933 гг. по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств обвиняемыми по настоящему делу была составлена заговорщическая группа под названием «право-троцкистский блок», поставившая своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, поражение СССР, расчленение СССР...»

2. «Право-троцкистский блок» вступил в сношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения с их стороны вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов.

3. «Право-троцкистский блок» систематически занимался в пользу этих государств шпионажем, снабжая иностранные разведки важнейшими государственными секретными сведениями.

4. «Право-троцкистский блок» систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т. п.).

5. «Право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства и осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького».

Процесс право-троцкистского блока впервые выявил и разоблачил перед всем миром приемы «пятой колонны» стран оси. Вся техника методов скрытой войны — пропаганда, террор, измена в руководящих учреждениях, махинации квислингов, тактика тайной армии, наносящей удар изнутри, — словом, вся сущность стратегии «пятой колонны» держав оси, руками которой нацисты уже вели подрывную работу в Испании, Австрии, Чехословакии, Норвегии, Бельгии, Франции и других странах Европы и в Америке, была полностью разоблачена.

— Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы... — сказал советский обвинитель Вышинский в своей речи 11 марта, — это та же «пятая колонна»...

Посол Дэвис, присутствовавший на процессе, назвал его «ужасающей» судебной, психологической и политической драмой. 8 марта он писал своей дочери: «На процессе обнажились все основные пороки и слабости человеческой природы — эгоистические устремления в их наихудшей форме. Вырисовываются контуры заговора, который чуть не привел к свержению правительства».

Некоторые из обвиняемых, стараясь уйти от возмездия, пытались увернуться от полной ответственности за свои преступления, свалить вину на других, изобразить

себя честными, но введенными в заблуждение политиками. Другие, без видимого страха за свою участь и не рассчитывая, казалось, на смягчение смертного приговора, приводили страшные подробности совершенных ими «политических» убийств, а также шпионской и вредительской деятельности, выполнявшейся ими под руководством немецкой и японской военных разведок.

В своем последнем слове Бухарин, разыгрывавший из себя на суде «идеолога» заговора, нарисовал яркую картину внутреннего разлада и тяжелых сомнений, пережитых после ареста многими из людей, которые когда-то были революционерами, а потом превратились в изменников и, вместе с Троцким, вступили с нацистской Германией и Японией в заговор против Советского Союза. Он говорил: «Я уже указывал при даче основных показаний на судебном следствии, что не голая логика борьбы погнала нас, контрреволюционных заговорщиков, в то зловонное подполье, которое в своей наготе раскрылось за время этого процесса. Эта голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей. Исторические примеры таких перерождений известны. Стоит назвать имена Бриана, Муссолини и так далее. И у нас было перерождение...

Я буду говорить теперь о самом себе, о причинах своего раскаяния. Конечно, надо сказать, что и улики играют очень крупную роль. Я около трех месяцев запирался. Потом я стал давать показания. Почему? Причина этого заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть не раскаявшись... И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь; если ты каким-нибудь

чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех, враг народа, в положении нечеловеческом, в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни... И тотчас же на этот вопрос получается тот же ответ...

Я, быть может, говорю последний раз в жизни... Я а priori могу предполагать, что и Троцкий и другие мои союзники по преступлениям, и II Интернационал ... будут пытаться защищать нас, в частности и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю. Я жду приговора».

Приговор был объявлен 13 марта 1938 г. Все подсудимые были признаны виновными. Троих — Плетнева, Бессонова и Раковского — суд приговорил к лишению свободы. Остальные были приговорены к расстрелу.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Летом 1941 г., когда нацисты напали на Советский Союз, Джозеф Э. Дэвис, бывший американский посол в СССР, писал: «В России не было так называемой «внутренней агрессии», действовавшей согласованно с немецким верховным командованием. В 1939 г. поход Гитлера на Прагу сопровождался активной военной поддержкой со стороны генлейновских организаций. То же самое можно сказать о гитлеровском вторжении в Норвегию. Но в России не оказалось судетских генлейнов, словацких тиссё, бельгийских дегрелей или норвежских квислингов...

Все это фигурировало на процессах 1937 и 1938 годов, на которых я присутствовал, лично следя за их ходом. Вновь пересмотрев отчеты об этих процессах и то, что я сам тогда писал... я вижу, что, по существу, все методы действий немецкой «пятой колонны», известные нам теперь, были раскрыты и обнажены признаниями саморазоблачившихся русских квислингов...

Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от

изменнических элементов. Все сомнения разрешились в пользу правительства.

В России в 1941 г. не оказалось представителей «пятой колонны» — они были расстреляны. Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены.

В Советской России «пятая колонна» была своевременно разгромлена».

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
------------------	---

Книга первая. РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Глава I. Установление Советской власти	6
Глава II. За и против	27
Глава III. Обер-шпион	40
Глава IV. Сибирская авантюра	59
Глава V. Мир и война	71
Глава VI. Вооруженная интервенция	89
Глава VII. Подведение баланса	112

Книга вторая. ТАЙНЫ «САНИТАРНОГО КОРДОНА»

Глава VIII. Белый крестовый поход	122
Глава IX. Необыкновенная судьба одного террориста	132
Глава X. К финской границе	153
Глава XI. Прелюдия с барабанным боем	161
Глава XII. Миллионеры и диверсанты	165
Глава XIII. Три процесса	178
Глава XIV. Конец эпохи	187

Книга третья. «ПЯТАЯ КОЛОННА» В РОССИИ

Глава XV. Путь к измене	192
Глава XVI. Возникновение «пятой колонны»	217
Глава XVII. Измена и террор	243
Глава XVIII. Убийство в Кремле	266
Глава XIX. Критические дни	283
Глава XX. Куда вел след	307
Вместо послесловия	332

Майкл Сейнерс, Альберт Кан

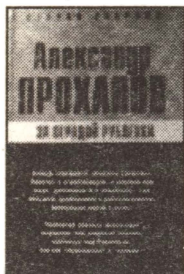
**ТАЙНАЯ ВОЙНА
ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *А. Г. Сауков*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-8541

Подписано в печать 03.12.2007.
Формат 84×108 1/32. Печать офс. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 4000 экз. Заказ № 7047.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВЫШЛА В СВЕТ:

Серия «Старая гвардия»

За оградой Рублевки

Автор **Александр Проханов**

Лидер и идеолог русского сопротивления, блестящий писатель и публицист, главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов в советское время был во всех горячих точках планеты, участвовал в боевых операциях афганских событий. 15 лет назад такой горячей точкой стала его любимая родина. Все эти беспросветные для России годы он в сраженье на невидимом фронте необъявленной, но жестокой войны.

Многие его очерки-картины в новой книге ужасают реальностью окружающего бытия, и все же энергетика слова содействует не унынию и отчаянию, а крепости и стойкости духа.

ВЫШЛА В СВЕТ:

Серия «Старая гвардия»

Матрица «Россия»

Автор **Сергей Кара-Мурза**

После 1991 г. Россия, как говорят, переживает «системный» кризис. Но его глубина и продолжительность таковы, что надо говорить о «системной» катастрофе - за 90-е годы были подпилены основные устои российской цивилизации. Не все они рухнули, сейчас понемногу мы поворачиваем к их восстановлению и модернизации.

Но ущерб понесли огромный, и возрождение потребует колоссальных усилий и средств.

ТАЙНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

«Большой террор» 1937 года — любимая историческая тема российских псевдодемократов. Не в силах предоставить народу даже малой толики того, чем он обладал в советскую эпоху, они запугивают его страшилкой «37-го года», показывают эти события как ничем не оправданные и характерные для советского строя. Вывод, по мнению всех «борцов за свободу и права человека», очевиден: либо нынешняя политико-экономическая система, которую они почему-то называют «демократической», либо установление кровавого социалистического режима. Между тем объективное историческое расследование дает совсем иную картину так называемых сталинских репрессий. Авторы данной книги, М. Сейерс и А. Кан, на основе изучения огромного количества документального материала пришли к выводам, что Сталин в своих действиях был совершенно прав и только благодаря ему России удалось выстоять в беспрецедентной по масштабам борьбе, которую вели с ней внешние и внутренние враги российской государственности.

ISBN 978-5-9265-0537-2

9 785926 505372 >